

уральский

следопыт

№4 *** 1977

КАК НАШЛИ «ЛОСИНОЕ УХО»

«Говорит Москва. Начинаем наши утренние передачи. Сегодня семнадцатое декабря 1935 года. Слушайте последние известия. Многие газеты на видных местах и под крупными заголовками напечатали сегодня текст телеграммы, направленной в редакцию газеты «Правда» членами стахановской бригады старателей Ильи Пальцева, которые нашли в уральской тайге редчайший по величине самородок золота...»

Старатели из Косого Брода, два дня тому назад нашедшие самородок, не слышали московского диктора: в деревне еще не было радио...

Самородок весом 13 кг 787 г, за свою причудливую форму названный «Лосиное ухо», хранится в Алмазном фонде СССР, рядом с «Большим треугольником», «Заячьими ушами» и другими знаменитыми золотыми собратями.

О том, как нашли «Лосиное ухо», об уральских старателях — Илье Семеновиче Пальцеве, Иване Аристарховиче Пальцеве, Рансе Николаевне Волковой, которых вы видите на снимке, — рассказывает в этом номере краевед Алексей Кожевников.

Читайте стр. 23.

в номере:

А. Нагибин ЗА ПОЛЯРНЫМ КРУГОМ	2
Т. Филимонова, И. Филимонов И ПРАВО, И ДОЛГ	6
Б. Челышев ВОЗДУШНЫЕ РАЗВЕДЧИКИ	12
В. Булавин ПОРТРЕТ ВОЖДЯ	16
Н. Головин ЗЮБРИК	17
Л. Осинцев ШАДРИНСКИЙ КРАЕВЕД О ЛЕНСКОМ РАССТРЕЛЕ	22
А. Кожевников КАК НАШЛИ «ЛОСИНОЕ УХО»	23
СЛЕДОПЫТСКИЙ ТЕЛЕГРАФ	26
А. Романов, В. Сибирев, С. Каратов, А. Вориводина И НЕТ КОНЦА ДОРОГАМ. Стихи	28
Р. Польских МАГНИТКА — СВЕРДЛОВСК, 1930 год	31
В. Колупаев ЗАЩИТА. Фантастическая повесть	32
В. Савельзон ПУТЯМИ СТАРЫХ ГОРНЯКОВ	54
А. Шалимов ФОРУМ МЕЧТАТЕЛЕЙ	56
Б. Зеличенко ЧТО В ИМЕНИ ТВОЕМ?	58
Д. Финкельштейн ПО СЛЕДАМ ВЕЩЕСТВ	60
Л. Великорусова СУДЬБА КОРАБЛЯ	64
М. Машнин И СТАЛ КРАЕВЕДОМ	65
Б. Рыбаков ОТКУДА ПОШЛИ РУССКИЕ ФАМИЛИИ	66
Н. Мезенин ЛЮДИ ОГНЕННОЙ ПРОФЕССИИ	69
М. Деменок УГОЛЕК	70
Н. Николаев ЛУПОГЛАЗЫЙ	72
Н. Семченко ДУЭТ	73
Р. Малышев ОДА СТАРОЙ ОЛЬХЕ	74
МИР НА ЛАДОНИ	78

Редакционная коллегия:
Станислав МЕШАВКИН
(главный редактор),
Муса ГАЛИ,
Алексей ДОМНИН,
Спартак КИПРИН,
Борис КОЛЕСНИКОВ,
Владислав КРАПИВИН,
Юрий КУРОЧКИН,
Давид ЛИВШИЦ
(заместитель главного редактора),
Геннадий МАШКИН,
Николай НИКОНОВ,
Анатолий ПОЛЯКОВ,
Лев РУМЯНЦЕВ,
Константин СКВОРЦОВ,
Игорь ТАРАБУКИН
(ответственный секретарь).

Художественный редактор
Маргарита ГОРШКОВА
Технический редактор
Людмила БУДРИНА
Корректор
Майя БУРАНГУЛОВА.

Адрес редакции:
Индекс 620219
Свердловск, ГСП-353,
ул. 8 Марта, 8
Телефоны 51-09-71, 51-22-40

Рукописи не возвращаются
Сдано в набор 29/XII 1976 г.
НС 11019
Подписано к печати 8/II 1977 г.
Бумага 84×108^{1/16}.
Бумажных листов 2,62
Печатных листов 8,8
Учетно-издательских листов 10,0
Тираж 275 000.
Заказ 712.
Цена 35 коп.
Типография издательства
«Уральский рабочий»,
Свердловск, пр. Ленина, 49.

На 1-й стр. обложки — рис.
З. БАЖЕНОВОЙ.

© «Уральский следопыт», 1977 г.

ЛИТЕРАТУРНО-
ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
НАУЧНО-ПОПУЛЯРНЫЙ
ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛ
для ДЕТЕЙ
и ЮНОШЕСТВА

ОРГАН
СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ
РСФСР
СВЕРДЛОВСКОЙ
ПИСАТЕЛЬСКОЙ
ОРГАНИЗАЦИИ
и СВЕРДЛОВСКОГО
ОБКОМА ВЛКСМ

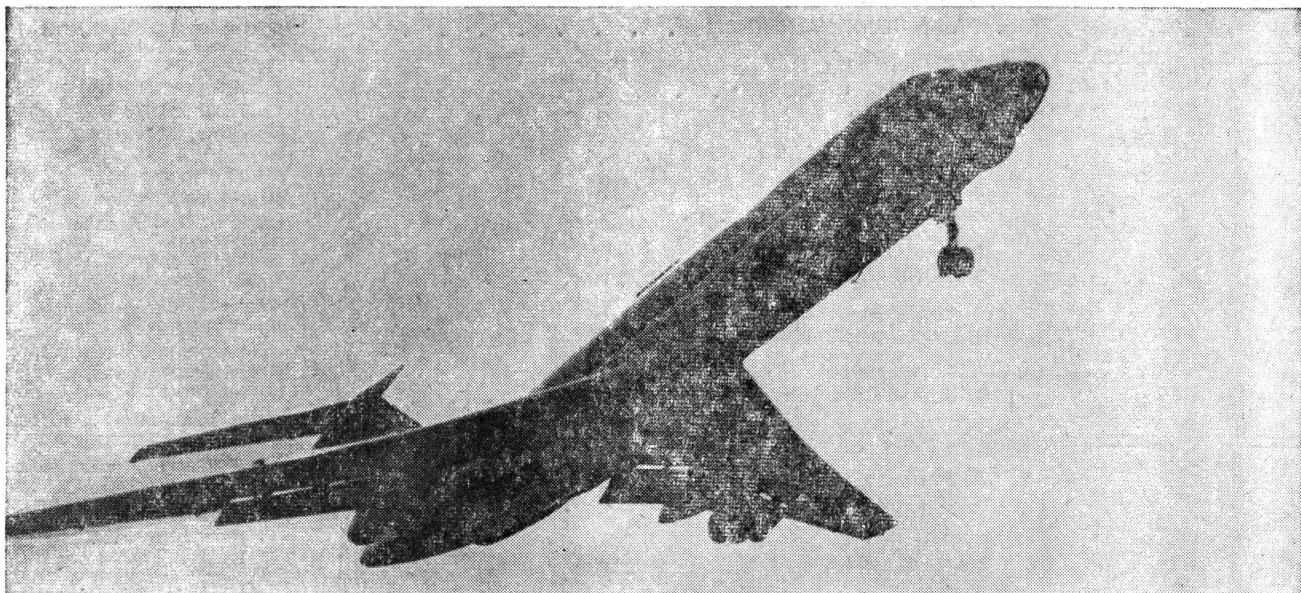
ИЗДАЕТСЯ
С АПРЕЛЯ 1958 ГОДА

СВЕРДЛОВСК
СРЕДНЕ-УРАЛЬСКОЕ
КНИЖНОЕ
ИЗДАТЕЛЬСТВО

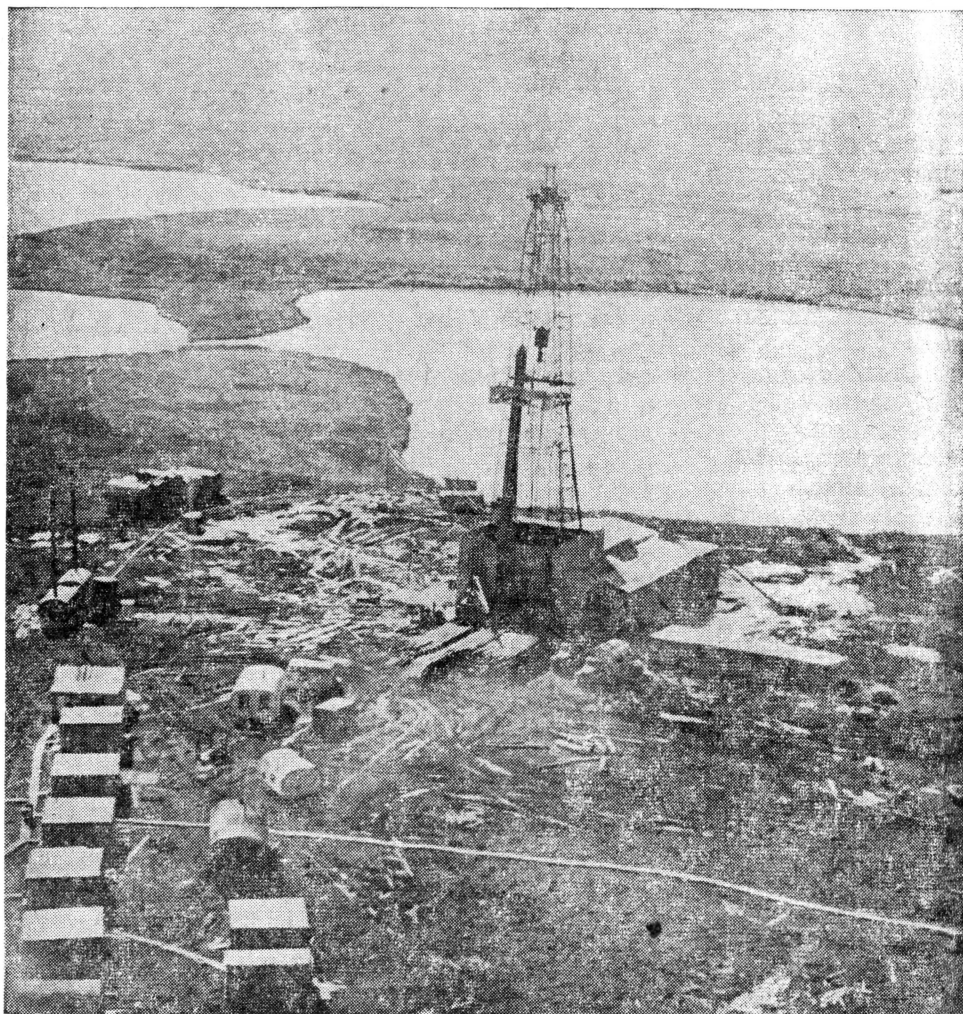
№4 * 1977

УРАЛЬСКИЙ
СЛЕДОПЫТ

«... НАЧНЕТСЯ ФОРМИРОВАНИЕ НОВОГО ТИМАНО-ПЕЧОРСКОГО ПРОМЫШЛЕННОГО КОМПЛЕКСА С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ ИМЕЮЩИХСЯ ЗДЕСЬ БОГАТЫХ МЕСТОРОЖДЕНИЙ НЕФТИ И ГАЗА».

Из доклада А. Н. Косыгина «Основные направления развития народного хозяйства СССР на 1976—1980 гг.» на XXV съезде КПСС.

● Летом 1930 года геолог Георгий Александрович Чернов обнаружил пять выходов угольных пластов на берегу Воркуты.

Позже он писал:

«Признаться, в те молодые годы я не мог по-настоящему оценить открытие. Угли мы находили почти каждый наш с отцом приезд на Печору, а это месторождение находилось в самой глухой, отдаленной части Большеземельской тундры. Вряд ли, думалось мне тогда, оно заинтересует угольную промышленность. Я совершенно не понимал, как в такой труднодоступной местности можно начать не только добычу, но даже разведочные работы...»

Но уже 6 августа 1931 года была заложена первая штольня, а летом 1932 года — наклонные шахты. Когда фашисты оккупировали Донбасс, Воркута взяла на себя снабжение углем Центра страны.

После окончания Великой Отечественной войны встал вопрос: нужен ли вообще воркутинский уголь? Ведь

ЗА ПОЛЯРНЫМ КРУГОМ

**Алексей
НАГИБИН**

Фото автора

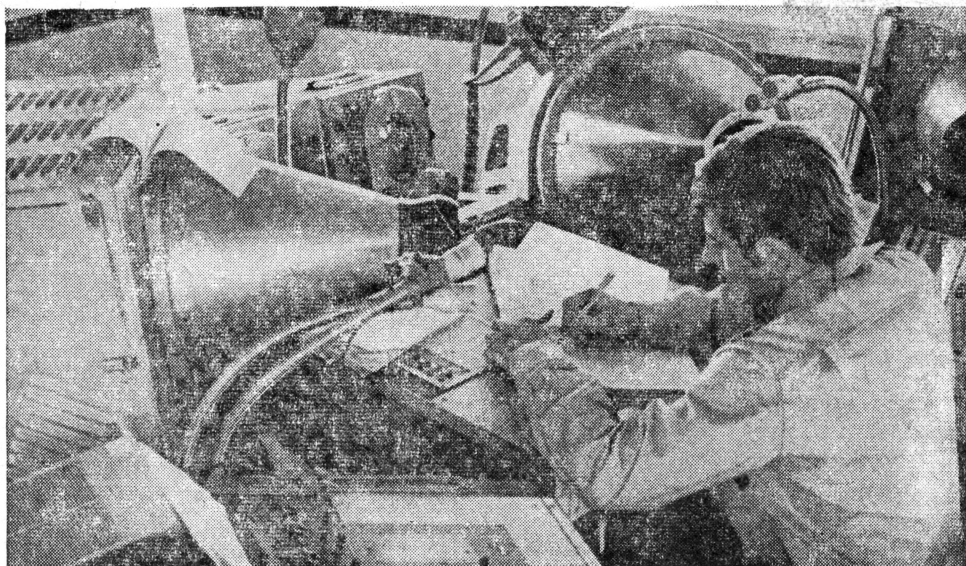
он намного дороже донбасского.

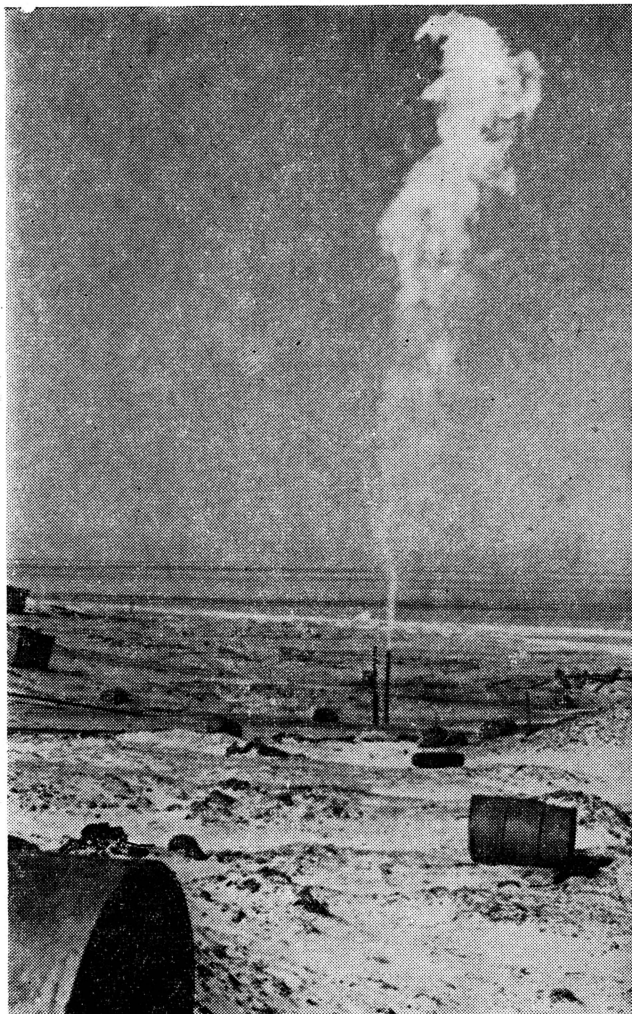
Сторонники развития Воркуты выдвинули решающий аргумент: северный уголь выгоднее, потому что он качественнее.

И за послевоенные годы заполярная кочегарка дала множество топлива стране.

XXV съезд КПСС вновь обратил самое серьезное внимание на дальнейшее развитие перспективного края. Строится новая железная дорога до Нарьян-Мара, растут города, сотни буровых шагнули во все уголки Заполярья.

Новое наступление на Большеземельскую тундру и Полярный Урал заставили зажечь воркутинский аэропорт напряженной жизнью. В прошлом году

аэропорт впервые принял реактивную технику: Ту-134 ежедневно прилетает в город угольщиков. Многоместная машина всегда имеет полную загрузку: еще бы — Воркута стала воротами в отдаленные районы Заполярья.

В один из таких рейсов — на Ямал — и уходил Ми-6 Ухтинского авиапредприятия Коми управления гражданской авиации. Там, на берегу студеного Карского моря, его ждали геологи.

Вертолет загрузили. Очередная вахта заняла места. Вахтовый метод организации труда здесь давно. Одна смена трудится далеко от большой земли, а другая — отдыхает в городах со своими семьями. Сколько проблем решается сразу: не надо в спешке строить жилье, на долгие месяцы отрывать детишек от родителей, да и отдых в городах организовать легче. Зато авиаторам работы прибавилось: вахты надо доставить точно в срок, обеспечить продуктами, одеждой, запасными частями. И если Ан-12 и Ан-26 справляются с грузами, то на долю Ми-8 и Ми-6 достаются и пассажиры.

Наш Ми-6 идет на Харасавэй. Почти точно на север, потом к берегу Байдарцкой губы. Затем снова на север, где без предела

раскинулось Карское море. Коварное море! Сколько кораблей погубило оно.

С высоты губа и побережье Ямала видны, как на ладони. Мелкая рябь покрывает поверхность моря. Лишь изредка покажется «остров», не нанесенный на карту,— большущая льдина, не успевшая растаять под неутомимым летним солнцем. Да и само побережье Карского моря в районе Харасавэя походит больше на побережье курортного юга: безветрие и жаркое солнце нагрели мельчайший бархатистый песок, подсушили безбрежные болота и умерили пыл комариного воинства.

...В центре поселка геологов ревет газовая скважина. Страшно подумать, сколько энергии тратится ежесекундно впустую. Но уже есть проекты, как провести отсюда трубопровод прямо... к центру нашей страны. Еще десяток лет назад такой проект называли бы утопией. Несбыточной мечтой было бы такое строительство для первых покорителей Ямала.

...Вахта собирается домой, в Ухту. Снова вертолет над морем. Проходит совсем немного времени, и, заправившись в Воркуте, он направляется в свой родной город.

А в это время воркутинские Ми-4 рейс за рейсом доставляют оборудование, продукты на буровые в тундру и геологам на Полярный Урал. За день — десятки рейсов.

На снимках:

Ту-134 стартует из аэропорта Воркуты.

Буровые Большеземельской тундры.

Пилот первого класса Александр Ильич Репин — командир Ту-134.

Служба движения Воркутинского аэропорта готова принять очередной рейс.

Скважина на Харасавэе.

Ми-6 доставил на Ямал очередную вахту.

Совсем ручные северные гусята.

Серебро рек Ямала.

Самолет летит в Свердловск...

И ПРАВО И ДОЛГ

Татьяна
ФИЛИМОНОВА,
Иван
ФИЛИМОНОВ

Нижне-Исетская церковь в Екатеринбурге строилась долго — с 1815 по 1840 год. Зато когда она была открыта — лучше ее не было окрест. По мнению многих видных специалистов архитектуры церковь «представляла собой оригинальный памятник храмового зодчества XIX века».

После 1917 года в церкви был клуб, а в годы Великой Отечественной войны здесь сумели разместить промышленное предприятие.

Строители, выбирая место для Нижне-Исетской церкви, естественно, не могли и предполагать, как изменится облик Екатеринбурга через сто лет. Задача, которую им предстояло решить, была относительно проста: построить красиво и, главное, — на видном месте.

Потомки, однако, не одобрили выбора строителей, не оценили творение их рук...

Документ первый.

ПРОТОКОЛ

совместного заседания президиумов Советов областного и городского отделений Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры.

Рассматривается просьба Чкаловского райисполкома города Свердловска о сносе здания бывшей Нижне-Исетской церкви по улице Димитрова.

На этом заседании было установлено, что

«...здание бывшей Нижне-Исетской церкви чрезвычайно удачно поставлено в градостроительном отношении и акцентирует своим объемом поворот в сторону поселка Уралхиммаша завода. Интересным является зрительное восприятие здания на подъезде с плотины в сторону города».

Кроме удачного размещения, здание церкви имеет выразительный силуэт и богатое объемно-пространственное решение. Оно хорошо гармонирует с ландшафтом и выгодно дополняет панораму правого и левого берегов р. Исеть с новой застройкой.

Здание церкви, воздвигнутое свыше 150 лет назад, имеет много архитектурных деталей с определенной художественной ценностью, является памятником строительного искусства.

По генеральному плану г. Свердловска район Нижне-Исетска не подлежит реконструкции — находится в полосе подлета аэропорта Кольцово, и по существующим нормам там не допускается ведение нового жилого строительства».

На этом заседании члены областного и городского общества единодушно приняли такое постановление:

«...снос здания бывшей Нижне-Исетской церкви будет в корне противоречить принципам советского гра-

достроительства, предусматривающего сохранение имеющих историческую и градостроительную ценность зданий ушедших веков, их реставрацию и сочетание с новой застройкой».

Считать необходимым сохранить это здание, не давая согласие Чкаловскому райисполкому на снос бывшей Нижне-Исетской церкви по улице Димитрова».

Однако постановление не спасло памятника. Над церковью по-прежнему висела угроза разрушения. Спустя три с половиной года появится еще один документ. Руководители областного отделения общества обратились с письмом к председателю исполкома Свердловского городского Совета депутатов трудящихся, в котором убедительно подчеркнули архитектурную и историческую ценность Нижне-Исетской церкви, ссылаясь на заключения ряда видных ученых, Государственной инспекции по охране памятников при Министерстве культуры РСФСР.

Письмо достигло цели, но не дало результата. Через три месяца, в июле 1974 года, Нижне-Исетская церковь, замечательный памятник архитектуры и строительного искусства, была взорвана.

В августе президиум Совета областного отделения общества на очередном своем заседании лишь констатировал этот факт. Четырехлетняя борьба за сохранение памятника оказалась безрезультатной.

Единственное, что можно было еще сделать, — это просить Государственную инспекцию по охране памятников при Министерстве культуры РСФСР и прокурора области рассмотреть вопрос о законности сноса Нижне-Исетской церкви, поскольку «взрыв любой церкви производится при наличии следующих документов:

1. Должно быть обоснованное решение исполкома Советов депутатов трудящихся (городского, областного) о сносе...

2. Должно иметься заключение специалистов о том, что здание... не может быть использовано для каких-либо целей.

3. На снос церкви должно быть согласие уполномоченного по делам религии при облисполкоме и, если та или иная церковь не является памятником искусства, — постановление областного или городского Совета общества охраны памятников истории и культуры».

К ответу, который получило общество на это прошение, мы еще вернемся. А пока расскажем еще одну историю.

В июне 1968 года Свердловское областное отделение Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры было поставлено перед фактом: в Нижнем Тагиле решено снести дом № 18 по улице Комсомольской. Туда немедленно выехал представитель общества. Почему же

судьба этого дома вызвала такую тревогу?

С каждым годом меняется облик уральских городов. Преображаются старые улицы, и все меньше остается старинных зданий — немых свидетелей истории.

В нашей области сохранилось не так уж много домов, связанных с ярчайшими событиями революционной истории, с именами выдающихся людей советского государства. В областном отделении общества вам смогут показать довольно короткий список таких зданий. Одним из первых в нем значится дом № 18 по улице Комсомольской в Нижнем Тагиле. Здесь в 1906 году находилась конспиративная квартира выдающегося революционера, руководителя уральских большевиков Якова Михайловича Свердлова.

В Нижнем Тагиле не долго думали — сносить или не сносить?

14 мая 1968 года исполком Нижнетагильского городского Совета депутатов трудящихся принял решение:

«...В связи с крайне ветхим состоянием ранее намеченный к сохранению дом № 18 по улице Комсомольской — СНЕСТИ. На строящемся доме № 2 в микрорайоне «Б» установить мемориальную доску, свидетельствующую о том, что на этом месте стоял домик, в котором проживал, находясь в городе Нижний Тагил, Яков Михайлович Свердлов».

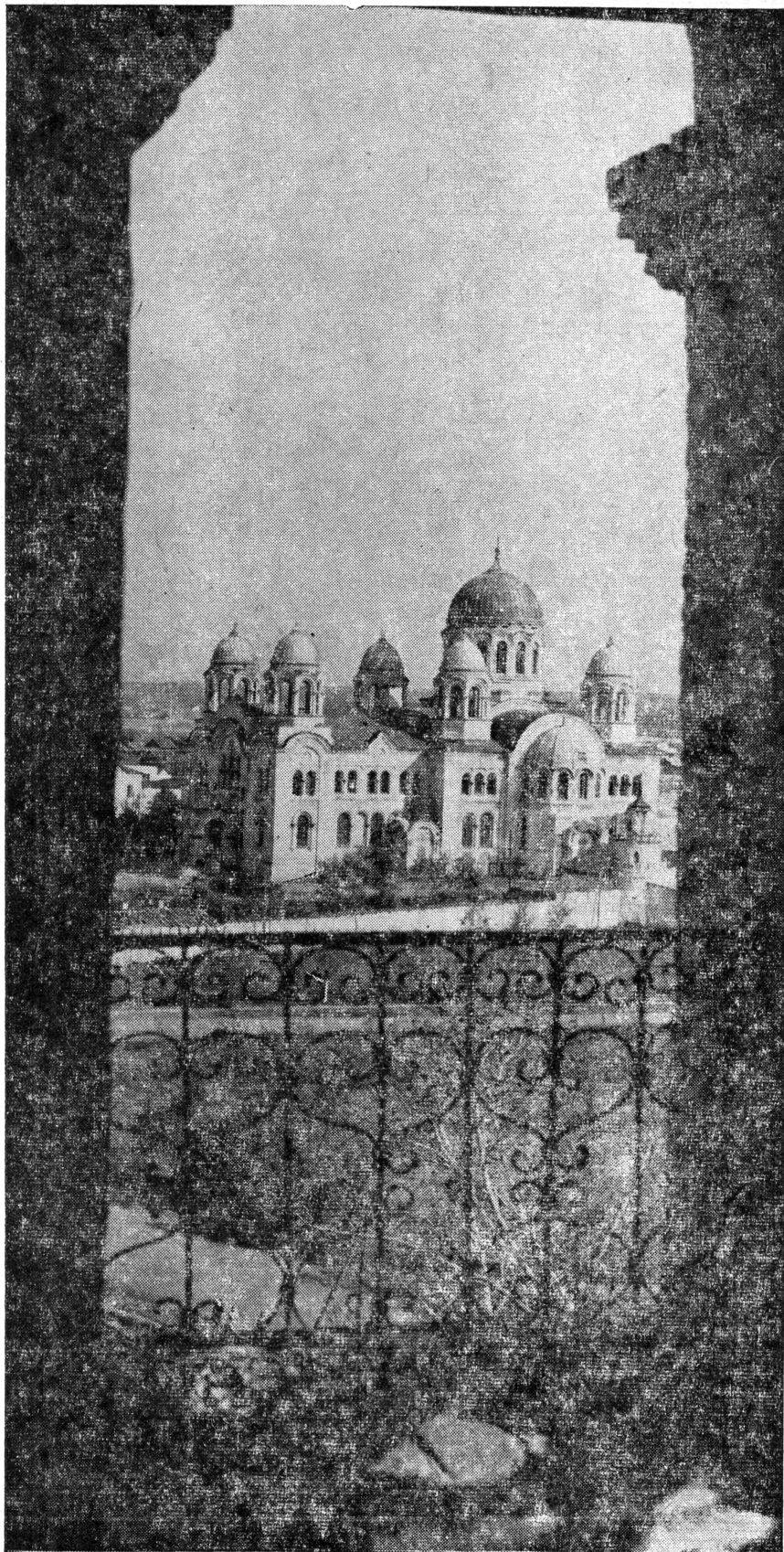
После осмотра дома специалистом бюро технической инвентаризации, в конце мая, был составлен акт:

«...дому требуется капитальный ремонт. В связи с большими затратами (замена основных несущих конструкций) ремонт нецелесообразен».

12 июня представитель областного отделения общества приехал в Нижний Тагил, но опоздал, увидел лишь руины дома. Решение горисполкома, как это ни удивительно, было выполнено с завидной оперативностью.

В папки общества легла еще одна докладная записка:

«Считаю, что горисполком поступил неправильно, не пригласив на заседание председателя и секретаря городского отделения общества охраны памятников истории и культуры. Кроме того, не пригласили работников краеведческого музея, которые на конференции, состоявшейся 27 марта 1968 года, постановили: «Просить горисполком организовать в доме

г. Верхотурье.
Крестовоздвиженский собор
(1705—1709 гг.)

Нижне-Исетская церковь в Екатеринбурге

Я. М. Свердлова музей истории комсомола и пионерии Нижнего Тагила».

Возможно, случаи, о которых мы только что рассказали, — нетипичные, исключительные? Ведь есть же немало примеров, когда ценные памятники прошлого бережно сохраняются, реставрируются, становятся достопримечательностями городов.

Не спорим. Даже можем привести несколько свежих примеров. Недавно закончена реставрация оригинальных памятников храмового зодчества на Урале — церквей в городе Алапаевске и в селе Нижняя Синячиха. В Свердловске возрожден замечательный памятник, дом знаменитого уральского архитектора М. П. Малахова — взамен ветхого деревянного здания построена кирпичная копия обшняка.

Только за два последних года областное отделение Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры израсходовало на ремонт, благоустройство и реставрацию памятников старины более четверти миллиона рублей.

В Свердловской области выявлено свыше полутысячи памятников, 130 из них взяты под государственную охрану.

И тем не менее, только в Свердловске за последние семь лет уничтожено более тридцати ценных свидетельств старины. Как ни парадоксально, среди них много таких, которые были связаны с биографией человека, чье имя носит город.

...Уничтожена без каких-либо попыток сохранить для будущих поколений ценнейшая историко-революционная реликвия города — дом прачек Матюниных (улица Белинского, 35), где помещалась конспиративная квартира городского комитета партии большевиков и где в 1905 году жил и работал Я. М. Свердлов.

...При строительстве ресторана «Космос» снесен дом № 18 по улице Спорта. Здесь тоже некоторое время жил Я. М. Свердлов и в 1905 году была проведена городская партийная конференция.

...Уничтожено при строительстве нового дома место первой партийной явки и первая конспиративная квартира Свердлова в Екатеринбурге — в бывшем доме Полякова (улица Малышева, 62). Такая же участь постигла еще одну конспиративную квартиру выдающегося революционера — по улице Куйбышева, 83. Этот дом знаменит еще и тем, что в нем проводились первые занятия партийной школы.

Список исчезнувших памятников можно продолжать и продолжать... На всех разрушенных зданиях имелись мемориальные доски, но даже эти «охранные грамоты» не смогли остановить бульдозер. Пыл разрушения был таким, что даже мемориальные доски не удавалось отыскать, чтобы сохранить их.

Нет, мы не ратуем за сохранение *любого потемневшего от времени

дома, церквушки. Все правильно: к старине нужно относиться разумно, не надо превращать наши города в «патриархальные заповедники», не надо беречь старое ради старого.

Наши дети должны увидеть то, что действительно ценно. Но — повторяем — увидеть, потому что история — это ведь не только «преданья старины глубокой», и любовь к ней прививается не только на уроках в школе. В истории всегда есть что-то материальное, осязаемое, что рассказом не заменишь. Лучше один раз увидеть...

Как через какие-нибудь 15—20 лет школьник представит себе на месте панельных квадратов домик рабочего-уральца? Домик, подобный тысячам, где жил мастеровой люд горнозаводского края, где скрывал он своих вожаков-революционеров?

Свой рассказ о судьбе памятников мы не случайно начали с церкви. Чаще всего именно развалившиеся от времени — а то и с помощью людей — церквушки приходится защищать от бульдозеров. Беда, на наш взгляд, заключается в том, что многие до сих пор не понимают значения этих самых церквушек для воспитания подрастающих граждан страны. Звучит, конечно, странно: церковь и воспитание гражданина. Но странно — только на первый взгляд.

Люди пожилого возраста помнят еще жаркие споры, бушевавшие и двадцать, и десять лет назад. Тогда вопрос о сохранении церковных зданий обсуждался довольно широко и с многих сторон. Доводы сторонников уничтожения начинались, обычно, с известного высказывания о религии, как опиуме для народа. Порой все мешали в одну кучу — церковь, как форму идеологии, и церковь, как здание, специфическую постройку, в которой выражался в своеобразной форме талант, дух народа, его идеалы. А в том, что церкви были именно такими постройками, убедиться нетрудно. Достаточно взглянуть в историю. По монаршей воле Николая I были исковерканы десятки древних церквей только за то, что в них очень уж явно проявлялся народный дух, далекий от церковного аскетизма. А указ патриарха Никона, запрещающий строить шатровые храмы? А так называемые «поновления» древних церквей? Только стремлением уничтожить творческий, не косный образ мышления людей, народный дух можно объяснить эти действия властей.

Поток туристов в Кижи, в Ростов Великий, в Суздаль растет и будет расти с каждым годом. И не потому, что великолепие и величие церковных храмов воспитывает у людей религиозные чувства. Одно время, кстати, этот довод был чуть ли не главным у сторонников уничтожения церковных зданий. Нам дороги тво-

рения мастеров прошлого потому, что это — частица нашей Родины, ее истории, таланта ее известных и безымянных сынов. А что до воспитания религиозных взглядов, то тут дело в том, кто и как будет рассказывать о церкви — и как о форме идеологии, и как о постройке. Ведь не воспитывают же монархических взглядов царские дворцы!

Мы часто, и порой не задумываясь над смыслом, говорим: мы хозяева своей земли. Хозяева всего того, что уже есть, что еще будет создано. Еще на заре Советской власти об этой связи времен и поколений хорошо сказал В. И. Ленин: «Пролетарская культура не является выскочившей неизвестно откуда... Пролетарская культура должна явиться закономерным развитием тех запасов знания, которые человечество выработало под гнетом капиталистического общества, помещичьего общества, чиновничьего общества».

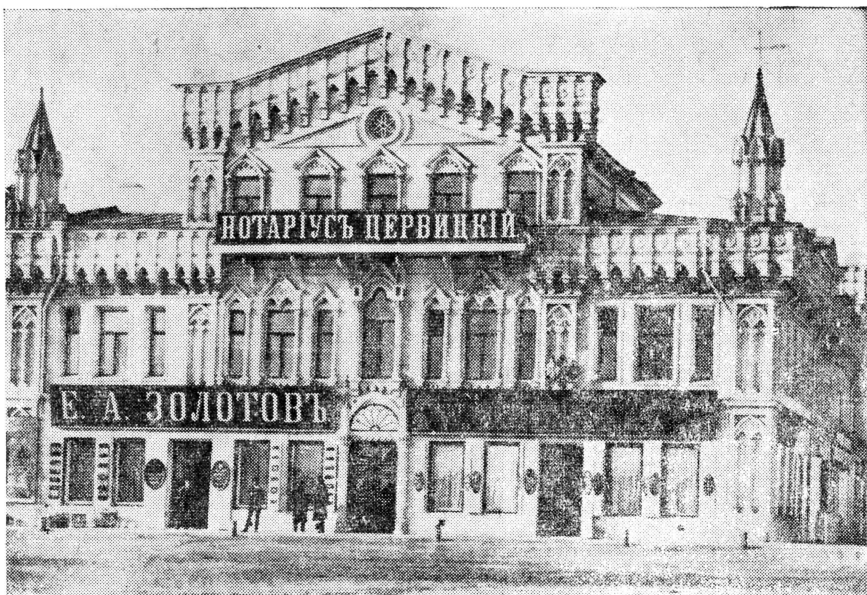
Это все прописные истины, и не стоило бы говорить о них, если бы жизнь ежедневно не сталкивала в конфликты людей, по-разному понимающих прописи.

Все зависит от того, как посмотреть на вросший в землю особнячок или покосившуюся церквушку. Если видеть в них только дополнительную статью расходов, то их сохранение и реставрация — дело явно убыточное. Под жильё не приспособишь, устроить здесь клуб, библиотеку или другой очаг культуры нет смысла. На эти деньги и на этом месте зачастую выгоднее современный дом построить! А реставрация — дело сложное, без специалистов не обойтись...

Вернуть иному обшарпанному домику молодость, добиться, чтобы он вписывался в ансамбль современных зданий — тоже непросто. Видеть же его черным пятном на фоне светлых многоэтажек — глаза колет. К тому же хозяйственников частенько не оставляют сомнения: «А не мудрят ли там в обществе по охране, не преувеличивают ли ценность особнячка?» Дом, как дом: «Кирпичный, фундамент бутовой, перекрытия деревянные. Кровля железная, проржавевшая, протекает, есть следы протечек на перекрытии. Оконные и дверные заполнения имеют износ 60 процентов. Окраска утрачена...» Короче говоря: «ремонт нецелесообразен», истории хватит фотографии, а посему — «настаиваем на сносе».

Так или примерно так рассуждает хозяйственник, стоя у памятника, волею судьбы оказавшегося в его ведении.

Да, Смольный или храм Василия Блаженного — это целые главы в нашей истории. А памятники местного значения — конечно, только странички, а может, — лишь строки. Однако без них — без страниц и

Дом в центре Екатеринбурга, он сохранился до сих пор

строк — книга истории будет неполной. Почему тогда хозяйственники стоят на своем, оспаривают мнение и выводы специалистов? Отчасти, может быть, потому, что нигде, кроме общества охраны памятников истории и культуры, на их прошения «снести» не накладывается решительное «отказать».

Не получив в обществе по охране разрешения на снос какого-то «особнячка», хозяйственники стучат в другие двери, идут в высокие инстанции, чаще всего — в исполкомы местных Советов депутатов трудящихся. И добиваются своего, оперируя такими сильными и неотразимыми, казалось бы, аргументами, как экономические интересы города, района, а то и государства.

Таким хозяйственникам на руку оказывается и то, что в исполкомах nepозволительно долго рассматриваются заявки общества на внесение того или иного здания в списки памятников. Пока появится официальное разрешение, зачастую и охранять уже нечего бывает.

Еще в 1975 году общество обратилось в Свердловский облисполком с просьбой взять под охрану бывший дом Филли по улице Мамина-Сибиряка, 187. Это здание — один из лучших в Свердловске образцов дореволюционного деревянного зодчества. Несмотря на многократные сигналы о том, что дом гниет на глазах, что он бесхозный, облисполком лишь че-

рез год — 18 октября 1976 года принял решение о включении дома в список подлежащих государственной охране памятников.

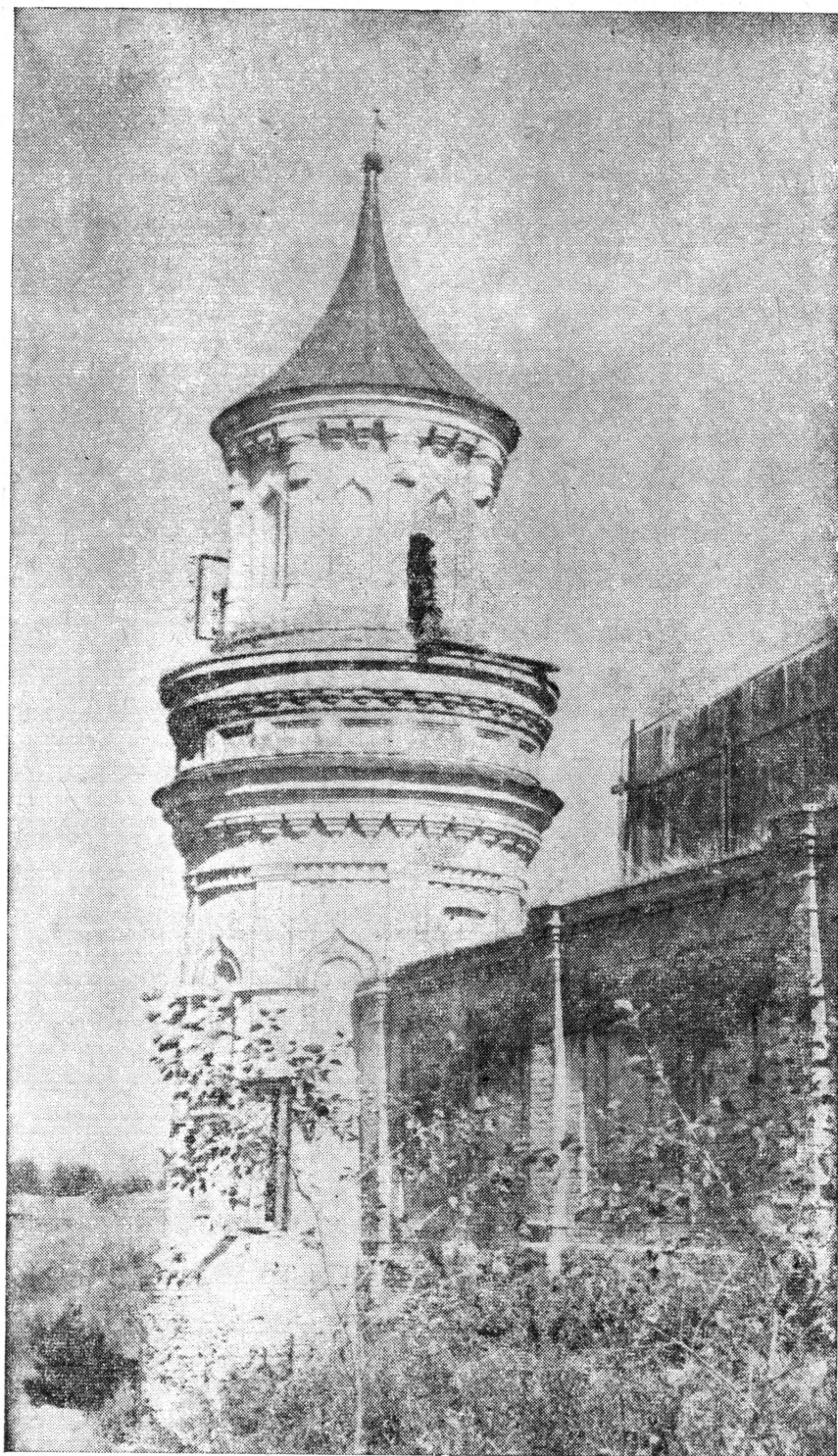
Так же долго решался вопрос и с другим памятником архитектуры — бывшей усадьбой Железнова по улице Розы Люксембург, 56.

Есть у проблемы сохранения и использования памятников прошлого еще один аспект, о котором хозяйственники предпочитают по вполне понятной причине не вспоминать. Речь идет о правовых актах, регламентирующих отношение к памятникам, как к общенародному достоянию.

Размах разрушения настолько велик, что вызывает тревогу. В редакции газет и журналов приходят письма. Пусть не всегда опасения авторов их обоснованные — иногда сносят действительно не имевшие никакого значения особнячки. Но часто жители правы: под знаком борьбы за современность наших городов старое сносят бездумно. И вопрос, который задают авторы писем, вполне законен: «Почему, по какому праву разрушают?»

Почему, допустим, работника, сломавшего по своей беспечности дорогостоящий механизм, мы находим нужным привлечь к ответственности, а людей, наносящих государственный ущерб неизмеримо больший, не всегда находим необходимым даже пожуричь?

Постановлением Госстроя и кол-

г. Верхотурье.
Никольский мужской монастырь.
Сторожевая башня.

легия Министерства культуры РСФСР от 31 июля 1970 года за № 36 город Верхотурье занесен в «Список исторических городов и населенных мест РСФСР, имеющих градостроительные ансамбли и комплексы, природные ландшафты и древний культурный слой». А сохранять в Верхотурье для потомков есть что, недаром этот город называют «уральским Суздалем».

Верхотурье основано почти четыре столетия назад — в 1598 году. О многих славных страницах истории могли бы поведать и здания Верхотурского Кремля, построенного в XVII—XVIII веках, и Дом воеводы (1699—1702 годы). Это — великолепные творенья уральских мастеров, это — чудо-город в дремучем краю.

А пока в «уральском Суздале» мазутом пахнет, там груды ржавого металла всюду. И гибнет чудо-город...

В августе 1971 года исполком Свердловского областного Совета депутатов трудящихся принял решение, в котором говорилось:

«Большую тревогу вызывает состояние памятников г. Верхотурья. Значительная часть территории памятников общесоюзного значения — Верхотурского Кремля... занята межрайонным производственным объединением «Сельхозтехника», эксплуатационный режим которого не только не обеспечивает сохранность памятника, но является постоянной угрозой существования всего архитектурного ансамбля. В неудовлетворительном состоянии ...историко-художественные памятники, находящиеся в ведении управления внутренних дел облисполкома — здания и сооружения бывшего Никольского монастыря и бывший Дом для приема почетных гостей».

Учитывая все это, облисполком решил:

«Обязать областное объединение «Сельхозтехника» принять меры к быстрейшему строительству новых производственных помещений для Верхотурского отделения и освобождению территории Верхотурского Кремля».

Теперьшним хозяевам зданий предписывалось провести в занимаемом монастыре капитальный ремонт.

Кстати, еще тремя годами раньше, в 1968 году, Верхотурскому отделению «Сельхозтехника» предписывалось «провести реставрацию Дома воеводы и привести прилегающую к нему территорию в надлежащее состояние».

В декабре 1973 года в облисполком приходит письмо от секретаря Верхотурского районного комитета партии и председателя райисполкома: ни объединение «Сельхозтехника», ни управление внутренних дел не собираются выполнять решение облисполкома.

И еще через четыре года — нын-

че, в 1977 году, — положение не изменилось. Отношение к памятникам — то же, состояние их, естественно, — хуже. Исключение составляет лишь Дом для приема почетных гостей — его, в конце концов, реставрировали.

Вот тут в самый раз и припомнить правовой аспект проблемы. Как определяют нормативные акты такое отношение к народному достоянию? В принятом недавно Законе СССР «Об охране и использовании памятников истории и культуры» читаем: «Статья 31... Лица, виновные в невыполнении правил охраны, использования... памятников истории и культуры... несут уголовную, административную или иную ответственность в соответствии с законодательством Союза ССР и союзных республик».

Но Закон принят недавно, а события, о которых мы рассказали, произошли гораздо раньше. Что же, до октября прошлого года на разрушителей памятников нельзя было найти управу? Уголовный кодекс РСФСР расценивает подобные нарушения весьма жестко. «Статья 230. Умышленное уничтожение, разрушение или порча памятников культуры... взятых под охрану государства, наказывается лишением свободы на срок до двух лет, или исправительными работами на срок до одного года, или штрафом до ста рублей».

Кажется, ясно: нарушен закон, виновники налицо, делай выводы. Но — «порок не наказан, а добро не торжествует».

В 1974 году Свердловское областное отделение общества охраны памятников истории и культуры дважды обращалось в прокуратуру. Первый раз — по поводу незаконного сноса Нижне-Исетской церкви, второй — в связи с уничтожением домов на улице Февральской революции в Свердловске. На этой улице произошел нелепый и обидный случай.

Сносили старые дома в спешке, хотя решение о строительстве на этом месте нового здания в управлении капитального строительства облисполкома приняли давно. А поскольку была спешка, то строители забыли пригласить на строительную площадку представителя общества охраны памятников, чтобы он осмотрел предназначенные к сносу дома. Когда же представители общества явились сами, то обнаружили, что многие ценные вещи — гранитные плиты, керамические каминные, художественная деревянная резьба — оказались уже под гусеницами бульдозеров. Они попытались снять и увезти в краеведческий музей хотя бы один из деревянных узоров — произведение искусства. Не тут-то было: строители уже командовали парадом, и любителей старины они просто выставили за ворота.

Тогда общество обратилось к прокурору.

Снова обратимся к документам, чтобы узнать, чем дело кончилось.

«Прокуратурой Чкаловского района проверена обоснованность сноса бывшей Нижне-Исетской церкви.

Установлено, что снос церкви был осуществлен в связи с решением Свердловского горисполкома от 28/V — 74 г. за № 227—0.

Прокурор Чкаловского района г. Свердловска советник юстиции **Благодов**.

О «неприятном случае» на улице Февральской революции прокуратура вообще умолчала.

Посылая письма в прокуратуру, работники общества хотели привлечь внимание органов государственного надзора, чтобы отстаивать памятники уже не в одиночку, а имея сильного, наделенного определенными полномочиями союзника. Но не удалось ни привлечь внимание, ни привлечь к ответственности тех, кто этого заслужил.

Конечно, трудно уследить за неприкосновенностью каждого «особнячка». И дело тут вовсе не в том, чтобы поставить у каждого позеленевшего от времени домика по верному стражу. Здесь необходимо другое. Надо, чтобы неукоснительно соблюдались все принятые государственными органами решения по этому вопросу. Те, по чьей вине сносятся и разрушаются памятники истории и культуры, до сих пор были уверены, если не в полной безнаказанности, то в том, что отделаются они лишь легким испугом. Чаше всего именно так и было. А нужно спрашивать по всей строгости с каждого, кто нарушает закон и кто попустительствует этому.

Интерес у нас один — государственный. И чем строже мы спросим с нарушителей закона, тем больше сохраним. Это не только наше право, но и долг.

Сочинял Никита Попов...

Эта книга давно стала библиографической редкостью. Издали ее на Урале более полутора веков назад. Но о ней не забывали: историки искали разгадки ее тайн. Одна из них заключалась в самом названии — «Историко-географическое описание Пермской губернии, сочиненное для атласа 1800 года». На первый взгляд все кажется ясным: описание к атласу... Но дело в том, что ни одного уральского атласа 1800 года никто из ученых обнаружить не мог. Казалось, что его и не существовало.

И вот молодой ученый-картограф, преподаватель Пермского государственного университета Юрий Власов установил, что уральский атлас 1800 года все-таки существовал, но только... в двух экземплярах. Атлас по неизвестным причинам не был издан, а его подлинники затерялись. Зато описание к атласу в 1801 году было отпечатано в Перми. Это был наиболее полный для того времени научный труд о природе, истории и экономике Урала.

Вторую тайну описания для атласа составлял его автор. Долгое время не удавалось установить его имени, не обозначенного ни на титульном листе, ни в тексте книги. И эта загадка теперь раскрыта Юрием Власовым. Работая в Военно-историческом архиве в Москве, он обнаружил малоизвестную старинную рукопись с заголовком «Историко-географическое описание Пермской губернии». На последней странице рукописного фолианта сохранилась пометка: «Сочинял пермской школы исторических наук учитель, титулярный советник Никита Попов».

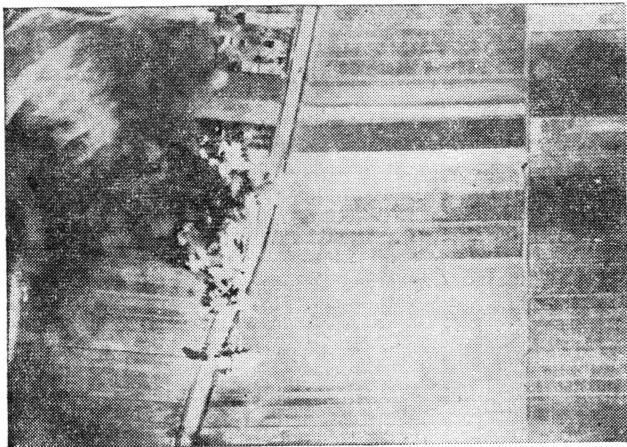
Спустя десять лет, с 1811 года, Никита Попов начал печатать свой новый трехтомный труд в Санкт-Петербурге, на этот раз с указанием автора сочинения. Книга называлась «Хозяйственное описание Пермской губернии».

Фундаментальными сочинениями Никиты Попова пользовались многие ученые и писатели Урала, в том числе Д. Н. Мамин-Сибиряк, в архиве которого сохранились выписки из этих книг.

**Александр
НИКИТИН**

ВОЗДУШНЫЕ РАЗВЕДЧИКИ

Борис
ЧЕЛЫШЕВ

Идет война. Рядом линия фронта. А мы изо дня в день только и делаем, что рассматриваем фотоснимки. Занятие вроде бы мирное. Но без этих фотоснимков не совершалась ни одна большая или малая фронтовая операция. Они были исключительно важным «колесиком» в сложном механизме войны. Мы же — военные специалисты с мудреным и сложным названием: аэрофотограмметристы-дешифровщики.

С раннего утра самолеты разведэскадрильи уходят на воздушное фотографирование, а у нас начинается строго секретная и очень оперативная работа.

Вот с улицы слышатся частые гудки штабного «виллиса». Это с аэродрома привезли фильм. Пока лаборант проявляет пленку, мы устанавливаем район полета по топографическим картам. Нам еще не ясно, что зафотографировал летчик, не отклонился ли самолет в сторону, не произошли ли какие смещения в маршруте. Легко ли пройти точно по намеченному курсу под огнем зениток!

Наконец, из затемненной комнаты появляется лаборант. В его руках темная лента. Мы растягиваем ее и впишемся глазами в кадры.

— Точно по маршруту прошел. Вот и «Красный Луч». А тут дорога на Дебальцево, — говорит дешифровщик Аладьин. — Смотрите, а на дороге-то что!! Техники сколько! Будет нашим штурмовикам сегодня работа...

— Давайте, ребята, начинаю печатать, — торопит лаборант, забирая фильм из наших рук.

Вскоре мокрые снимки один за другим ложатся на стол. Мы не обрезаем их, не ждем, когда высохнут, а прямо накладываем один на другой перекрывающимися местами. Тут же «привязываем» к карте. Старший сержант Ершов, вооруженный лупой, склоняется над снимками. Возле него стоит только что пришедший из штаба капитан Басов. Он раскрыл свою карту и отмечает на ней то, что говорит ему дешифровщик:

— Квадрат Б-16. Два километра восточнее развилки восемь танков. Пометили! Левее четыре танка и тягачи с орудиями. От Ивановки на запад по проселку движется колонна автомашин. Еще колонна автомашин, до двадцати. Видно, затор...

Не успеваем мы обработать эту фотосхему, как с улицы доносятся частые гудки «виллиса».

— Фотики-и! Два фильма забирайте! Из штаба передали — срочные. Сейчас придут...

А по данным нашей разведки уже летят эскадрильи бомбардировщиков и штурмовиков.

Кошмарным сном мелькает день, наступает вечер. Нас буквально шатает от усталости. Будто сквозь туман, вижу склонившегося над отпечатками Аладьина. А Жора Ершов не выдержал: так и уронил голову на мокрый снимок.

— Шесть танков... У переправы затор: скопление, примерно, до сорока автомашин и до полка пехоты, — диктует Нефедов. — Пометили, товарищ капитан!..

Мы знали: от того, насколько хорошо отдешифрируем фотосхему, сколько найдем танков, автомашин, орудий, настолько будет успешна работа наших бомбардировщиков и штурмовиков, артиллерии. Ни промедления, ни ошибки! Ибо мы, разведчики, — глаза и уши армии!

1. Куда пропали танки?

В штабе разведки нашего корпуса на стене огромная схема передвижения немецких войск. На нее условными значками нанесены танковые колонны, артиллерийские и пехотные полки, базы, штабы. Без этой схемы наши бомбардировщики, штурмовики, истребители были бы как слепые в пустыне: не ясно было бы, куда лететь, что разведывать и что бомбить.

Мы с помощником начальника разведки корпуса капитаном Мартьяновым с утра до вечера просматриваем шифровки с данными наземной разведки, результаты воздушного фотографирования и все это наносим на схему.

Как-то среди ночи меня разбудил посыльный из штаба: — Срочно к капитану.

Отправился в штаб корпуса, расположившийся в здании школы. Капитан стоял возле схемы. В руках пачка шифровок. Весь его вид — крайняя озабоченность.

— Кто пометил вот эту танковую колонну на марше?

— Я. Позавчера. По данным наземной разведки. Направляется в пункт Лопушна.

— Вижу. А сейчас куда она делась?

Я внимательно просмотрел дороги, но колонна нигде обозначена не была.

— Выходит, мы ее упустили, — промолвил капитан. — Что будем делать? Как командиру доложим?

— А наземная разведка не засекала ее еще где-нибудь? — спросил я.

— Пересмотрел все шифровки. Ничего нет.

Мы молча стояли возле схемы, не зная, что предпринять. Дороги шли на Кишинев, на Яссы, Бухарест, Плоешти. Но нас сейчас интересовала лишь эта — отрезок шоссе в 60—70 километров.

— Придется с утра послать разведчиков, пусть зафотографируют вот эти квадраты. — Он ткнул пальцем в штурманскую карту. — Передай в отделение мой приказ: хоть костями пусть лягут, а колонну завтра к полудню найти!

Наутро об исчезнувшей танковой колонне было доложено командиру корпуса генерал-майору Толстикovu. На ее розыски тут же послали пару истребителей.

Через час в фотоотделение приехал с аэродрома старший лейтенант Карпухин.

— Черт бы взял эту Лопушну. Еле прорвался. Зениток до черта понапихано. Но никаких танков там нет. Проявляйте фильм.

И вот мы сидим, склонившись над мокрыми еще отпечатками, сушить некогда — задание срочное.

Через весь центральный снимок с края до края протянулась светлая полоса — шоссе-ная дорога. По ней шла позавчера колонна немецких танков. Сбоку лесной массив; он окаймлен тоненькой ниточкой — проселком. Я внимательно просматриваю сантиметр за сантиметром: нет ли полос от танковых гусениц к этому проселку? Уж не замаскировали ли они машины в лесу? Но, увы, следов нет...

— Борис, в населенном пункте что-то уж много зенитных точек, — говорит дешифровщик Яшин.

Еще бы не много — шесть батарей: по три ямки и между ними еле заметные паутинки — тропки, проложенные солдатами.

— Карпухин жаловался: еле пробился, говорит.

— Вот то-то и оно... А зачем тут зенитки?

Просмотрен центральный снимок, прилегающие к нему. Танков нет. И вдруг дешифровщик старшина Миночкин восклицает:

— Посмотрите-ка на дома!

Я взял обзорную лупу. Навел на прямоугольнички, выстроившиеся вдоль дороги. Дома как дома. Позади каждого — сад.

— Да ты посмотри: что ни дом, то с пристройкой, — волнуется Миночкин.

И действительно: сбоку каждого дома — пристройка в виде просторного крыльца. Даже возле сарая...

Рука сама собой потянулась за восьмикратной лупой.

Вот оно что! Немецкие танкисты пошли на хитрость — довольно оригинально замаскировали свои машины. Каждую подогнали вплотную к дому, а сверху на броню положили, как видно, доски, чтоб башня не выделялась. Ну и получился вид сверху: дом с крыльцом или верандой! Летчики с большой высоты, конечно, не могли разглядеть никаких танков. «Разглядела» техника — наши аэрофотоаппараты и опытный глаз дешифровщика.

Танковая колонна была обречена: теперь дело было лишь за пикирующими бомбардировщиками...

2. Лечу на разведку

Пара «мессершмиттов-109», появившаяся на нашем участке, вела себя не так, как их прежние собратья. Они принимали лобовые атаки и нагло вступали в бой. Не новички.

Командир нашей эскадрильи дал задание летчикам зафотографировать отдельные участки ближнего вражеского тыла, где по его предположению мог находиться вражеский аэродром.

И вот мы, дешифровщики, просматриваем снимок за снимком, внимательно изучаем каждую полянку, которая могла бы служить посадочной площадкой. Безрезультатно.

А через два дня вечером в фотоотделение забежал лейтенант Нижеборский. Молча поманил меня пальцем. Отшли в сторону.

— Вчера мы с Соломиным ходили парой на штурмовку в этот район. — Он ткнул пальцем в квадрат карты. — Скопление автомашин там было. Дали, конечно, как следует. Возвращаемся обратно. Облачность низкая, пасмурно, видимость плохая. И когда проходили под северным краем этой роши, вижу: между дорогой и сараем самолет стоит. Самый настоящий «мессершмитт-109». И люди возле него. Как он сюда попал, черт его знает! Я подумал: не тут ли асы посадочную площадку устроили? Хотел было командиру доложить, да он же засмеет меня. Нашел, скажет, аэродром: здесь не то что истребитель, а и «кукурузник» не посадишь. Знаешь, Борис, — продолжал он, оживляясь, — у меня к тебе предложение. Завтра мы с Соломиным опять на штурмовку пойдём. Так вот, летим со мной. Все одно мой штурман что-то подкабалел. У тебя глаз натренированный. Просмотришь эту штуку да и зафотографируешь...

...Утро выдалось хмурое, невеселое. По небу лениво

ползли низкие тяжелые облака и редко-редко сквозь них проглядывал бледный диск солнца.

Подъехал бензозаправщик и автостартер. Механик установил в кабине аэрофотоаппарат. На ручной тележке подвезли две авиабомбы. Нижеборский поправил ремень и надел шлемофон. Перетянутый ляжками парашюта, залезаю во вторую кабину. Под ногами аэрофотоаппарат, впереди рукоятки мощной пушки.

Тяжело переваливаясь, самолет двинулся к взлетной полосе. Ревет мотор; поле стремительно бежит по бокам. Чуть заметный толчок — взлетаем. Ложимся на нужный курс. Метрах в пятидесяти от нас — другой «Ил». Задание выполняем парой: Нижеборский и старший лейтенант Соломин.

Десять минут... пятнадцать... Идем над линией фронта. Самолет понемногу снижается; снова окунается в молочные облака. Сразу все становится серым, хмурым.

— Борис, приготовься! — командует Нижеборский. — Сейчас над целью будем.

Тут мы вынырнули из облаков. Тумана как не бывало. Внизу тянется линия железной дороги. Самолет увеличивает скорость. Станция все ближе и ближе. Забили запоздалые зенитки.

— Пикирую! — раздается в наушниках крик Соломина. Вслед за ним слышу голос Нижеборского: — Боря, держись!

Свист в ушах. Крепко впиваюсь в рукоятки пушки. Чувствую, как самолет резко скользит вниз. Вдруг меня бросает на пушку. Через плексиглас кабины вижу удаляющиеся бомбы и тут же вспышки возле состава, что стоит на путях.

— Серега, еще заход. Лупи вдоль состава! — командует Соломин.

Развернув самолет, Нижеборский на большой скорости снова проходит над станцией. Успеваю включить и выключить фотоаппарат. По лицу моему катятся крупные капли пота. А вокруг все больше появляется «шапок» от разрывов зенитных снарядов.

— Все в порядке! — кричит Нижеборский. — Двигаем до дому!

Поворачиваем чуть в сторону от железнодорожного пути, идем вдоль шоссе на дороге.

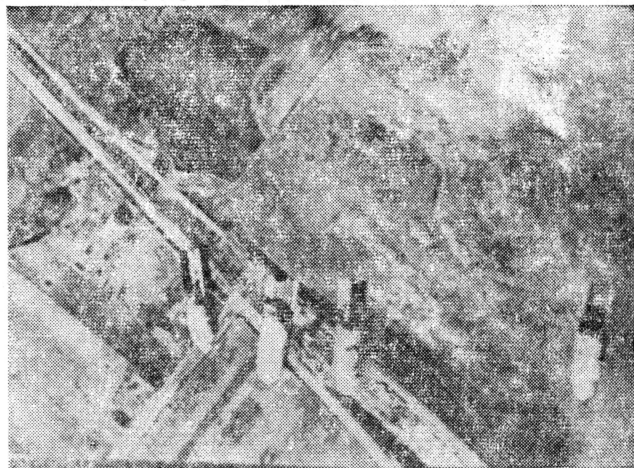
— Борис, будь внимателен. Через три минуты включай. Не переставая наблюдать за облаками, бросаю взгляд на часы. Минута... полторы... две... три! Включаю аппарат.

Справа, внизу, из-под крыла самолета выползает балка, еще через несколько секунд — роща слева. Потом один за другим проплывают и остаются позади два сарая.

— Готово! — кричу в микрофон. — Полный порядок, товарищ лейтенант. Лучше быть не может!

...Ворох аэрофотоснимков. В комнате я, Нижеборский, Весенин. Заканчиваем маршрут. Склоняемся над снимками и тут же в недоумении смотрим друг на друга. Есть чему удивляться: небольшой клочок ровной земли между рощей и дорогой весь в темных полосах. Это явно следы. Двух колес. Но посреди этого участка растет добрый десяток кустов. Кто же будет сажать самолеты на кусты?! Несколько полос подходят к сараям и скрываются в них.

В какой-то момент у меня мелькнуло предположение: может быть, сараи приспособлены под какое-нибудь хра-

нилище, а следы — от колес телег, которые к ним подъезжают? Но почему же тогда они такие ровные, без зигзагов и поворотов? И еще: эти следы кое-где ни с того, ни с сего обрываются. Все очень загадочно.

— Ясно, — пробурчал вдруг Весенин. — Ну и черти! Это же посадочная площадка! А сараи — укрытия для самолетов.

— Тогда поясни, почему на взлетно-посадочной полосе оставлены кусты? — возражаю я.

— Это же маскировка. Вот посмотри на этот след. Куда он ведет?

— К кустам, — неуверенно ответил я.

— Так. А дальше? Ведь он продолжается и за кустами! Заметь: нет ни одного следа, который бы отворачивал от кустов, огибал бы их. Вот и получается: ровная поляна со следами колес самолета, а кусты на ней — для маскировки. Когда самолетам нужно взлетать, кусты убирают, вернутся с задания — кусты снова выставляют, и нет аэродрома!

...На следующий день сам командир эскадрильи в паре с Нижеборским вылетел на ликвидацию вражеского аэродрома. К полудню на фотоснимках мы обнаружили большие клубы черного дыма, окутавшие остатки сараев. С этого времени вражеские истребители-«охотники» на нашем участке больше не появлялись.

3. На подходе — орудия!..

Сомнений в этом у нас не было. Но почему только три орудия? Где остальные? Где машины, пехота?!

Я взял лупу и стал внимательно просматривать снимок за снимком.

Сколько их прошло перед моими глазами с того дня, как я стал аэрофотограмметристом-дешифровщиком? Не считал. Были на них и доты, и пулеметные точки; тянулись по ним траншеи, двигались автомашины. Глаз выхватывал нужное, и рука привычно обводила тушью то, что называется живой силой и техникой противника, что прямо сейчас вот будет уничтожено, перемешано с землей. И моя пометка черной тушью на снимке была как смертный приговор, как траурная рамка.

...Глаза привычно перебегают с полосы на полосу, останавливаясь на каждой подозрительной точке, на разросшихся кустах, на овражке.

Ровным шнуром вытянулось шоссе. Оно пролегло мимо домов и продолжалось на соседних снимках. По этому шоссе к хутору шли две автомашины. На снимках с большой высоты они выглядели коробочками. За ними — три пушки, подцепленные к грузовикам. Хорошо просматриваются их вытянувшиеся стволы!

Почему все-таки три? Ведь немцы, как вчера сказал командир корпуса, готовятся к прорыву на соседнем участке. Туда и летают наши самолеты на разведку. Зачем же им понадобилось гнать технику в этот маленький хутор? А нет ли у них там ремонтной базы? Надо немедленно доложить в штаб...

Я сменил лупу на другую — большей кратности, еще раз внимательно осмотрел проселок. Задержался было на белых точках. Но то скирды соломы на ровном поле. Ничего нет и похожего на замаскированные объекты. Тогда я взял еще не просохшие фотоснимки и отправился в штаб.

Начальник разведки корпуса сидел за столом и просматривал шифровки.

— Товарищ майор, разрешите доложить!

— Докладывай. Что там такое?

Я рассказал, что обнаружил орудия с машинами. Предполагаю: немцы или начинают скапливать технику для прорыва в этом хуторе, или имеют тут замаскированную базу по ремонту арторудий.

— Во сколько их засекали?

— В двенадцать сорок.

— Сейчас четырнадцать, — соображал он. — Еще успеем.

Взял телефонную трубку.

— Якубовский! Карта под рукой? Если работы нет, пройдишь в квадрате Г-14 вдоль шоссе к хутору. Там три орудия на механической тяге и две автомашины. Ликвидировать не надо, возьми на контроль — любопытно, куда пойдут. И хутор повнимательнее осмотри. Что?.. Да нет, дешифровщик на снимке обнаружил...

Я стоял и слушал. Черт меня дернул сунуться с этими тремя пушками. Тоже, группировку обнаружил! Вот и майор отмахнулся, как от мухи: «если работы нет, пройдишь вдоль шоссе...» — словно на прогулку! И в душе созрело уже не сомнение, а какая-то обреченная уверенность: летчик ни в хуторе, ни на подходах к нему ничего не обнаружит.

Через час Якубовский зашел в фотоотделение.

— Эй, фотики! Где у вас тут пушки засняли?

Я передал ему снимок. Он взгляделся и вдруг захохотал и заходил вдоль стола, странно приседая. Ребята поднимали головы от фотосхемы. Я стоял пораженный.

Нахотавшись вдоволь, смахнув слезы рукавом гимнастерки, он похлопал меня по плечу.

— Это ж надо, на какую пакость ты меня послал! Немцев мы с тобой без обеда оставили! Ха-ха-ха-ха! Ох и пушки дальнбойные! Ты что, не знал или забыл: ведь на марше труба у полевой кухни откидывается назад. Конец ее высовывается, как пушечный ствол. Прошел я вдоль шоссе, вижу — три кухни у самого хутора потихоньку себя вытаскивают, а орудий никаких нет. Зашел еще раз, вдарил

из пушек — теперь набедаются! Хорошо еще, что мы парой пошли. А если б всю эскадрилью подняли?!

В этот день все у меня валилось из рук. Стал «привязывать» фотосхему к местности — возился, возился, не мог сориентировать; пропустил две зенитные точки на снимке. А ребята как репы: «Борис, посмотри на моей схеме — нет ли кухни какой завалящей?», «Сейчас Соломахин всем полком на ликвидацию дальнбойных кухонь пойдет!»

Это был один из самых скверных дней в моей фронтальной жизни.

Более трех десятилетий прошло с тех дней, когда мы, аэрофотограмметристы-дешифровщики, склонялись над снимками, разыскивая вражеские танки, аэродромы, скопления пехоты, укрытия. По нашим данным тяжелые бомбардировщики шли на железнодорожные узлы; артиллеристы обрабатывали передний край и ближние тылы перед атакой. Наши фотосхемы помогали Главному командованию разрабатывать боевые операции, а солдатам укрываться от огня противника. Дружной боевой семьей прошли мы, двадцатилетние, великий путь от Сталинграда до Вены. Повзрослели, закалились в боях. Теперь каждому из нас за пятьдесят, и судьба разбросала нас во все уголки страны. Где же вы теперь, друзья-однополчане, разведчики корректировочной эскадрильи майора Ведерникова? Где вы, фотограмметристы-дешифровщики разведэскадрильи Петра Якубовского, ныне Героя Советского Союза? На каких трудовых фронтах работают старший лейтенант Лысюк, старшина Миночкин из Смоленска, старший сержант Петя Аладьин из Пятигорска, ленинградец капитан Герасимов...

Проходят годы. И с ними не забываются, а еще ярче выступают в памяти народа великие битвы с фашизмом, в которых есть и наша доля труда — воздушных разведчиков.

ПОРТРЕТ ВОЖДЯ

Фото на 1-й стр. вкладки
А. Нагибина

Владимир БУЛАВИН

Этот бюст В. И. Ленина стоял в красном уголке Свердловского Военторга многие десятилетия. Стоял на почетном месте, но никто не задавался вопросом — кем скульптура сделана, как и когда появилась она в старинном доме по улице Малышева. Однажды один любопытный посетитель, заинтересовавшись скульптурой, выдвинул ее из угла на свет, повернул и обнаружил на одной из сторон бюста надпись: «М. Харламов /VII 1924».

Уж не тот ли это Харламов, который был автором памятника Якову Михайловичу Свердлову в Свердловске? На тыльной стороне бюста была еще одна надпись: «Формовская Академии Художеств. Ленинград».

Хотя памятник сделан из металла, один из углов отломан, стерта надпись и не различить первые две цифры на дате — в какой день июля 1924 года был отлит бюст.

Можно предположить: либо эта дата говорит о времени и дне создания бюста, либо — о времени отливки его. Тогда можно предположить, что бюст, его модель были созданы еще раньше, может, еще при жизни Владимира Ильича.

Матвей Яковлевич Харламов (1870—1930 годы) родился и всю жизнь прожил в Ленинграде, он был одним из первых ленинградских скульпторов, работавших над образом В. И. Ленина еще при жизни вождя.

После Октябрьской революции Харламов делал скульптуры Карла Маркса, Ф. Дзержинского, К. Либкнехта и Р. Люксембург, Марата, а в 1922 году приступил к работе над портретом В. И. Ленина.

В семейном архиве Харламовых хранятся три небольших фотографии, сделанных в 1919 году на кладбище во время похорон Елизарова. На похоронах присутствовал Ленин. Тогда-то Харламов и увидел Ленина впервые и пользовался этими фотографиями, работая над скульптурным портретом.

В 1923 году Харламов получил заказ от организации «Помгол» (Помощь голодающим) на создание портрета В. И. Ленина. Он вылепил гипсовый бюст небольшого размера. Материал вынудил художника несколько дробно и рыхло выполнить

форму, но в лице есть и портретное сходство, и искреннее желание передать многогранность характера вождя. Это был типично камерный портрет, но он нес в себе все то, что впоследствии войдет в лучшем виде и в бюст, обнаруженный теперь в Свердловске, и во многие памятники и монументы, посвященные Ленину. На левой боковой стороне гипсового бюста имеется почти что дословная надпись, что и на нашем, но только год стоит «1923-й» и вместо Ленинграда указан еще Петроград.

В траурные дни января 1924 года вместе с группой художников у гроба Ленина был и скульптор Харламов, сделавший барельеф «Ленин на смертном одре».

Ныне обнаруженная погрудная фигура Ленина выполнена уверенно, сходство хотя и несколько своеобразное, но достаточно точное, взгляд Ленина тверд и решителен. Этот человек полон энергии, целеустремленности. Может быть, в ней меньше той естественности и бытовизма, что были присущи другим работам того времени, но от этого портрет не стал хуже.

Газеты тех лет писали: «Академиком Харламовым выполнена для отливки из бронзы модель бюста Ленина величиной 1½ натур. Осматривая бюст, заместитель председателя комиссии по увековечиванию памяти В. И. Ленина художник Э. Эссен, близко знавший Владимира Ильича, заявил, что бюст настолько удачно выполнен, что представляет собой одно из лучших изображений великого вождя, виденных им в скульптуре до сего времени».

Каким образом бюст очутился в Военторге? Бухгалтерские документы молчат на сей счет. Может быть, кто из ветеранов, прочитав эту заметку, поможет ответить, где, когда был приобретен этот бюст?

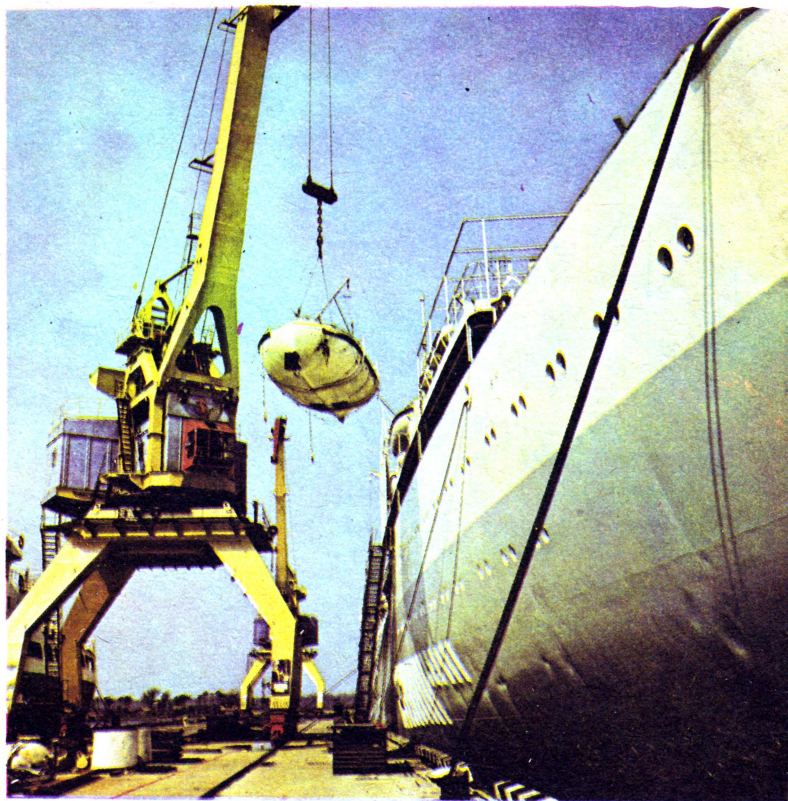
Думается, что скульптурный портрет В. И. Ленина, как историческая реликвия, должен храниться не в Военторге, где он обнаружен, а в областном краеведческом музее.

Работы литовских фото- мастеров

Выставка
в г. Свердловске

А. Суткус.
Клайпеда.

А. Суткус.
Вильнюс. Лаздинай.

К. Сливскис.
Открытие Универсиады.

А. Суткус.
Аблинга. Памятник жертвам фашизма.

А. Суткус.
Нида. Дюны.

А. Суткус.
Вильнюс. Костел Анны.

К. Сливскис.
У гнезда аистов.

ЗЮБРИК

Николай
ГОЛОВИН

Рисунки
Л. Смирновой

Снаряд угодил в вершину сосны, рикошетом отскочил в подлесок и здесь, в кустах буйно цветущей черемухи, тяжело грохнул, взметнув вместе с фонтаном еще не просохшей от весенних дождей земли жухлую прошлогоднюю листву, прелую хвою и целое облако белых душистых лепестков.

Сладковатая гарь взрывчатки запершила в горле.

Смолк птичий гомон.

На миг в прифронтовой роще наступило настороженное безмолвие. Даже шмель, деловито возившийся на желтом одуванчике, присмирел. В тишине раннего вечера слышно было лишь как с пострадавшей сосны, чуть шурша в воздухе, слетает тоненькая, золотистая кора.

Тишину вспорол крупнокалиберный пулемет, но где-то далеко, на левом фланге.

И, словно по сигналу, снова грянул птичий хор. Засвистел, зашелкал соловей: «Сидор, Сидор! Сало варил, крутил, вертел! Пёк, пёк, пёк — сырое глыть!» — выговаривала серая голосистая птаха, неведомо откуда прилетевшая на передний край.

Шмель тяжело поднялся с цветка, боком-боком полетел в гущу леса.

Тревожно мы ждали второго снаряда. Мы — это молодые солдаты из роты связи. Старшему из нас было двадцать, младшему недавно исполнилось восемнадцать. Но снаряд, напугавший нас, видно, был шальным.

Всякий раз, когда обстрел начинался врасплох, а вблизи никакого укрытия не было, каждый из нас вел себя по-своему. Было и общее — все мы «ставили» перед собой лишь одну задачу: не подать виду, что трусим. То ли мальчишеская удаль, то ли еще какое чувство, испокон веков присущее российскому солдату, то чувство, о каком мы знать не знали и ведать не ведали, властно диктовало в минуту опасности: «Пусть поджилки трясутся, пусть небо с овчинку кажется, а сердце уходит в пятки — не подавай виду. Возьми страх за глотку». И мы старались, как могли, побороть собственный страх.

Все завидовали Исмаилу Кужбаеву. Он умел «дремать» во время огневого налета. Вот и сейчас что-то подозрительно быстро его стало клонить ко сну. Исмаил сел на корточки, прислонился спиной к шершавой липкой коре елки, уперся рябым подбородком в колени и сделал вид, что дремлет. Отчаянный Васька Ставров, несмотря на свои восемнадцать лет стрелянный и перестрелянный, с невозмутимым видом лежал на животе с травинкой в щербатых зубах. Николай Жернов, самый старший и рассудительный в отделении, пытался слепить сигарку. Это ему никак не удавалось. Махорка то и дело просыпалась на предусмотрительно подставленный подол гимнастерки. Николай тщательно, по

крупинке, собирал ее и снова принимался курить сигарку.

Не сиделось спокойно и нашему ездovому Андрею Каргаполову. Он вынул из кармана сухарь, вытер его о засаленные шаровары и принялся сосредоточенно жевать, вытягивая тонкую, со шрамом от ожога шею. Ездovому не терпелось узнать, не попал ли осколок в его любимца, маленького белого коня Зюбрика.

Конь был гордостью отделения. Слава о нем гремела по всему полку. Нам привел Зюбрика, взамен убитого накануне работающего одноглазого мерина, старшина роты Валов, известный в полку франт и щеголь, ходивший всегда в бог знает чем отутюженной пилотке с красными кантами. Особенно он гордился легкими сапожками, сшитыми фронтовым умельцем из плащпалатки за две банки консервов.

— Вот вам конь по кличке Зюбрик, настоящий «араб», — похлопав лошадку по спине, с видом знатока заявил старшина. — Берегите его. Он, говорят, ученый, из цирка. Не уберезете — другого не дам. У меня резервов нет.

«Араб» ни у кого из нас не вызвал особого восторга. Против широкогрудого Косого он казался совсем маленьким и невзрачным.

— Как этот «араб» катушки возить станет? — сокрушался Андрей Каргаполов. — Ведь на них чуть ли не пятнадцать километров кабеля наматано, да еще телефонные аппараты, да...

Тут наш ездovый начал загибать пальцы, пересчитывая, что у него нагужено на бричке. Выходило, как ни крути, что одной лошадиной силы, да еще такой маломощной, явно недостаточно. Но Зюбрик, против всех наших ожиданий, оказался жилистой лошадкой. Любо было смотреть, когда он, по-лебяжьки выгибая шею, высоко поднимая ноги, казалось, без особого напряжения тянул нашу донельзя нагруженную повозку.

Правда, вначале лошадке работать приходилось мало. Полк стоял в обороне, и, как всегда в таких случаях, катушки с кабелем «ездили» на наших спинах. Пока отделение хлопотало, налаживая телефонную связь с наблюдательными пунктами и с саперами или натягивая нити кабеля между штабными землянками, Зюбрик с ездovым находились в надежном укрытии. Андрей занимался стряпней, конь, если не грозил обстрел, тут же пасся неподалеку или смиренно стоял в отрытом для него окопе. Мы, помня слова старшины, берегли лошадь, вполне благоразумно рассудив, что на маршах возить катушки в повозке все же лучше, чем мозолить ими собственные плечи.

В обороне, или, как метко заметил Каргаполов, «на курорте», Зюбрик быстро «набрал тело», округлился, шерсть его стала лосниться.

Однажды разведчики ходили в ночной поиск.

Васька Ставров выпросил у командира разрешение пойти вместе с ними.

— Почему не шипнуть фрицев лишний разок, — красуясь перед нами в пятнистом, как леопардова шкура, маскировочном халате, разглагольствовал он.

Поиск удался. Разведчики привели двух «языков», а вместе с ними захватили все, что попало под руку во вражеском блиндаже, куда им удалось неожиданно ворваться. Среди разных вещей оказался небольшой аккордеон. Разведчики любезно уступили его Ваське в знак дружбы со связистами, а может, потому, что никто из них на этом инструменте не умел играть. Ставрову аккордеон вскоре надоел, поскольку ему, как он сам признался, «медведь на ухо наступил». Васька презентовал инструмент ездовому.

Когда кругом все было спокойно, линия связи не рвалась и не надо было бежать сломя голову ее исправлять, мы собирались послушать музыку. Андрей Каргаполов был невесть какой музыкант, но кое-что играл на слух.

Особенно мы любили фронтовые песни.

Кто сказал, что надо бросить
Песни на войне, —

запевал Андрей. Голоса у него не было никакого, но главное ведь не в голосе, а в настроении.

Пели «Землянку», «Огонек», «Закури, дорогой, закури». У каждого была своя любимая песня. Но все как-то преображалось, когда Андрей тихонько, душевно начинал:

Алена, Алена, дорогая подруга.
До тебя далеко мне, и в год не дойдешь.
Прескверная штука — печаль да разлука,
Но становится легче, когда песню поешь.

Песня звучала мягко, лирично. Старались подпевать и мы. У каждого в мечтах была своя Алена: у кого мать, у кого сестра. Не берусь сказать, что у таких юнцов, как мы, были невесты, но уверен — в этот момент каждый рисовал в воображении любимый образ на свой лад.

...Как-то Андрей сыграл вальс «В лесу прифронтовом», а потом сразу перешел на веселый марш. То, что произошло дальше, всех нас очень удивило. Зюбрик, спокойно щипавший траву, резко поднял сухую, аккуратную головку, розовые ноздри лошади стали раздуваться, уши нервно задвигались. Искоса посматривая на коня, Андрей продолжал играть. Зюбрик высоко поднял переднюю ногу, сделал шаг, другой, потрянул головой и вдруг побежал по кругу. Музыка его словно подхлестывала. Обежав круга три, остановился, потоптался на месте, словно что-то вспомнил, потом стал кружиться то в правую, то в левую сторону.

Мы сидели с открытыми ртами и, не дыша, глядели на все эти поразительные штуки. Андрей заиграл громче. Зюбрик вдруг взвился на дыбы, постоял свечой несколько секунд, потом опустился на все четыре ноги, подогнул колени и отвесил нам поклон. Музыка смолкла. Лошадь отряхнулась и как ни в чем не бывало принялась за траву.

— Скажи на милость, вспомнил! — хлопал себя по бедрам Васька Ставров. — Вот умница. Не соврал старшина, конишко-то и впрямь из цирка.

Исмаил Кужбаев порылся в полевой сумке, достал кусочек сахару, тщательно завернутый в бумажку, развернул, дунул на него и пошел к коню. На его рябоватом лице расплылась довольная улыбка. Такую улыбку мы видели только раз, и то тогда, когда сам командир дивизии вручал ему медаль «За отвагу».

С тех пор и началось. Втайне от нас Андрей стал готовить «концерт». Что за концерт, мы не знали и спорили от любопытства. Но Андрей, однако, проводил репетиции с Зюбриком в то время, когда мы были на исправлении линии, либо дежурили на телефонной станции. На все распросы ездовой отмахивался:

— Чего пристали? Скоро узнаете.

Наконец день «премьеры» настал. Андрей сам объявил нам об этом. Накануне он ездил в расположение роты и пригласил на представление всех своих дружков-ездовых. Шумная компания не заставила просить себя дважды. Благо на фронте было тихо, не слышалось даже пулеметного стука.

Зрители расположились на полянке, курили, посмеивались.

Но вот заиграла музыка. С аккордеоном в руках Андрей вышел из-за брезента, натянутого между двух березок. На нем был «настоящий» клоунский костюм, сшитый из мешков и немецкого маскхалата. Небольшой хлыстик торчал из-за кумачового пояса. Важной походкой из-за кулис вышел Зюбрик. И тут сразу поднялся хохот. На голове лошади была приспособлена крепко привязанная полотенцем и кусками телефонного кабеля немецкая каска. На шее болталась гитлеровская награда — железный крест. Зюбрик остановился посреди поляны и по сигналу хозяина поклонился «публике».

— А ну-ка, Зюбрик, покажи-ка, как немцы из-под Москвы драпали! — распорядился Андрей. И заиграл веселый марш.

Зюбрик задрал хвост, заржал и понесся по кругу, смешно подкидывая задом. Дружные аплодисменты подбадривали лошадку.

— Гляди-ка, и впрямь фриц. Ай да Зюбрик! Во молодец, вот удружил!

— А еще что он может? — выкрикивали со всех сторон.

Зюбрик добросовестно показал запас трюков,

которым его обучил хозяин. Напоследок, когда Андрей попросил его продемонстрировать «как Гитлер подыхать будет», он улегся на бок, потом перевернулся на спину, засучил в воздухе ногами и замер.

На веселый шум подходили солдаты из соседних подразделений, из комендантской роты. Поглядеть на представление пришли саперы и разведчики. «Программу» пришлось повторять несколько раз. Зюбрик не чувствовал усталости. Казалось, что вся эта суета ему очень нравится. Зато взмолился Андрей:

— Пустите, братцы, дайте отдохнуть...

С каждым днем крепла дружба Зюбрика с ездовым. Мы тоже оказывали всяческое внимание лошади — кормили сухарями, правдами и неправдами доставали у старшины лишнюю порцию овса. Андрей под сиденьем брички возил в немецкой каске пушечное сало, часто смазывал коню копыта, чтобы не трескались, и вообще проявлял о нем нежную заботу. Если в походе подвода с катушками, случалось, застревала в грязи, мы разматывали с ног обмотки, привязывали их к оглоблям и дружно тянули. Парни мы были здоровенные, бричка, как пробка, вылетала из любой топи.

Наша любовь к маленькой цирковой лошадке неизмеримо возросла после трагического случая, жертвой которого чуть не стал наш ездовой.

В те дни началось большое наступление. Натиск наших войск был настолько мощным, что мы, связисты, еле-еле усневали за пехотой. В день порой приходилось разматывать и вновь сматывать многие километры кабеля. Конечно, все мы уставали до невозможности.

Никогда не забыть августовскую ночь — теплую и душную. Весь горизонт на западе был в огне. Пылали ближние и дальние деревни. Над нами висели бомбардировщики, сбрасывая зажигательные бомбы на поля созревающих хлебов. Одна зажигалка угодила в сарай, где, вконец измученный, крепко спал Андрей. Подле своего хозяина находился Зюбрик. С тех пор, как завистники из соседнего полка хотели похитить лошадку, ездовой не расставался с Зюбриком ни на час. Мы подбежали к сараю, когда уже полыхала соломенная крыша и пламя гудело внутри постройки, чуть ли не доверху набитой сеном. Дверь была заперта изнутри, открыть ее было нам не под силу. Казалось, ничто не могло спасти Андрея.

Ездовой проснулся от нестерпимой жары, а может, от того, что кто-то сильно толкал его в бок. Открыв глаза, солдат увидел склонившуюся над ним голову четвероногого друга. Лошадь тихонько ржала, как бы призывала хозяина: «Что ж ты спишь? Так и сгореть можно, то-ропись!»

Пламя преградило дорогу к двери. Занялись стропила, едкий дым забивал легкие.

Андрей вскочил на спину коня, пригнулся, крепко обняв шею умного животного руками. Зюбрик будто только этого и ждал. Почувствовав на спине седока, он прыгнул в пламя. Ездовой крепко зажмурил глаза, уткнув лицо в конскую гриву. С разбегу Зюбрик грудью ударил в дверь, вышиб ее и выскочил наружу. Пробежав немного, остановился как вкопанный, трясая мелкой дрожью.

Андрей мешком свалился нам на руки. На нем тлела гимнастерка, на шее образовался огромный волдырь. С пальцев рук чулком слезала кожа. Зюбрик тоже крепко пострадал. Брюхо у него было опалено, от шикарного белого хвоста почти ничего не осталось. Голова — в ожогах, глаза помутнели и слезились. Шерсть на груди — в крови.

Однако все проходит. Андрей болел недолго — молодость взяла свое. Раны скоро зажили, на пальцах выросла новая розовая кожа, Зюбрик помаленьку стал ходить в упряжке и даже пытался вновь танцевать под аккордеон. Но получалось у него почему-то не весело. Он часто спотыкался. Мы не придавали тому никакого значения — считали, что наш любимец еще слаб после болезни.

Но если бы было так!

Вскоре полк вывели из боя на отдых. Но отдых на фронте лишь желанное слово. По существу его никогда не бывает. В тылу, если можно назвать так наше новое расположение в пяти километрах от передовой, начались разные учения и смотры. Не избежали смотра и ездовые с их несложным хозяйством.

На выводку мы готовили Зюбрика тщательно и заботливо: кто расчесывал гриву, кто подрезал копыта, кто орудовал скребницей. К месту сбора вели Зюбрика всем отделением гордо и торжественно, к немалой зависти хозяев заурядных лошадей.

Старичок, ветеринарный фельдшер, обошел несколько раз кругом нашего «араба», по-цыгански заглянул ему в зубы, долго и пристально всматривался в глаза. Потом спокойно вытер руки, неторопливо снял очки и тихонько произнес фразу, прозвучавшую для нас словно пушечный выстрел:

— А лошадка-то у вас, други, того... ослепла. Придется пустить в расход...

Первым пришел в себя Андрей. Лицо его как-то странно перекопилось, губы побелели, глаза зажглись лихорадочным блеском.

— Пристрелить?! — свистящим шепотом выдавил из себя Андрей. — Ты с ума сошел, старый коновал. Нет! Слышишь, нет! Никогда.

Он крепко схватил за узду своего любим-

ца и, как-то сторбившись, быстро зашагал прочь.

Что делать? Этот вопрос не давал нам покоя. Расстаться с Зюбриком все мы наотрез отказались. Васька Ставров клялся, что достанет нового коня, при случае уведет у немцев, а Зюбрика предлагал «проводить на пенсию», то есть оставить в отделении, только освободить от работы. Однако держать лишнюю лошадь, да еще слепую, нам, конечно, никто разрешить не мог.

Шальной снаряд, разорвавшийся в прифронтной роще, прервал наш маленький «военный совет». Осмотрев коня и убедившись, что осколки его не задела, Андрей возвратился на свое место.

Николай Жернов наконец-то свернул сигарку и, сладко затянувшись едким дымом, заговорил:

— Лошадь — не игрушка. Таскать ее без дела по фронту никакого резону нет. Да и убьют — жалко. Она для нас вроде как родная. Ну, от пули бережем, а от снаряда чем ее загородишь? — показал он на место, где среди кустов во влажной земле зияла черная, еще дымившаяся яма.

— Колхоз Зюбрик дать нада, шипка кароший конь, справный конь. Много пользы давать будет, — вмешался вдруг молчавший до этого Кужбаев.

— Правильно рассудил, Исмаил, по-хозяйски рассудил, — похвалил его Жернов, — об этом и я хотел сказать.

Последнее слово было за ездовым. Андрей без особой на то нужды перемотал обмотки, посмотрел всем нам по очереди в глаза и, как-то жалко улыбнувшись, вздохнул:

— Не могу я с Зюбриком расстаться, ребята. Никак не могу...

Май подходил к концу. Походной колонной наш, поредевший в последних боях, полк во втором эшелоне спешил на запад. Шли вперед по Минскому шоссе.

Дорога была сплошь изрыта большими и малыми воронками, словно исклевали ее пасшися здесь гигантские злые птицы.

За Гжатском, свернув в сторону, сделали привал в небольшой деревеньке Ляпино-Ямы. Стояла пора, когда напоенная влагой земля начинала подсыхать, гребни пахоты уже подернулись серым пепельным налетом. Невольно на память приходили горькие строки стихов полкового поэта:

Впереди города пустые,
Нераспаханная земля.
Тяжко знать, что моя Россия
От того леска не моя.

Жители деревни после ухода врага, вновь объединившись в колхоз, старались хоть чем-нибудь обработать землю. Тракторов не было,

лошадей и плугов тоже — все уничтожили фашисты. Стиснув зубы, люди ковыряли землю лопатами.

Сердце сжималось, когда видели мы, здоровые парни в солдатских гимнастерках, как пять-шесть женщин, впрягшись в борону, с натугой волокли ее по пашне.

Привал затянулся. Пока кашевары орудовали у походных кухонь, солдаты дружно взялись за лопаты.

Вот в эти-то часы и решилась окончательная судьба нашего Зюбрика.

Колхозная бесприютная пашня настолько потрясла Андрея, что он решил отдать своего любимца колхозникам, благо Васька Ставров сдержал слово и пригнал откуда-то толстого, будто копна, трофейного битюга.

Провожать Зюбрика вышли всем отделением. Андрей последний раз расчесал коню гриву и отросший уже хвост, нагнувшись, долго возился, смазывая пушечным салом копыта. Пока он прихорашивал коня, мы, вывернув карманы, совали Зюбрику в рот все, что попало вкусно. Кто сахар, кто сухарь, кто кусочек пшеничного концентрата. Зюбрик благодарно мотал головой, но его незрячие, затуманенные слезой глаза казались нам по-человечески печальными.

— Ну все, — просто, стараясь быть спокойным, сказал Андрей, — поведу.

Сгорбившись, как тогда, после смотра, Андрей зашагал в ту сторону, где женщины боронили с таким трудом взрыхленную лопатами, обильно политую потом полоску земли.

Шадринский краевед о Ленском расстреле

Леонид
ОСИНЦЕВ

Писателя, путешественника, исследователя Северного Урала, архипелага Новая Земля и полуострова Ямал Константина Дмитриевича Носилова советские читатели знают по его «Северным рассказам», выходящим в Свердловске и Ленинграде, а также по статьям и заметкам о нем, опубликованным в различных изданиях. Мало кому известно, что Носилов, кроме художественных произведений о Севере, в свое время написал немало газетных корреспонденций о жизни крестьянского Зауралья, о тяжелом экономическом положении шадринской деревни, о годе.

Весной 1912 года Россия была разбужена залпами с реки Бодайбо. Около 500 рабочих убили и ранили царские палачи. События на Ленских приисках взволновали и крестьянство Шадринского уезда, потому что многие шадринцы работали в тех глухих таежных местах, — нужда загнула их за тысячи километров от родных селений. Обо всем, что волновало шадринцев, писатель обычно знал. На дачу К. Д. Носилова всегда ходили крестьяне за советом, особенно во времена народных бедствий.

Однажды под вечер из деревни Погорелки пришла молодая крестьянка и обратилась к супруге Носилова:

— Мне бы самого повидать. Беда ведь, Даша, с нашими-то мужиками приключилась. Не знаем на что и положиться. То ли живы, то ли уж во сырой земле лежат?..

На разговор из кабинета вышел Носилов. Женщина, утирая слезы, обратилась к нему с просьбой телеграфировать на золотые прииски запрос о судьбе мужа и протянула писателю затасканный листок бумаги, исписанный крупными каракулями мужа. Константин Дмитриевич, сев у окна, начал читать письмо с прииска:

«Дай бог, выбраться к весенней работе домой с этих приисков. Работал всю зиму, а заработка не хватит, пожалуй, на дорогу. Против прежних лет дело совсем здесь стало плохо — притесняют без всякого сожаления».

Совсем не стоящая работа. Все, что выработаешь, — уходит на харчи, дороговизна страшная и придирки».

Вечером Носилов сел за рабочий стол. Через некоторое время запечатал в конверт корреспонденцию «К событиям на Ленских приисках».

«В Шадринском уезде, — говорилось в статье, — получено несколько уже телеграмм из Бодайбо от рабочих, извещающих своих знакомых и родных то о смерти товарищей, то о раненых на Ленских приисках».

Так как на Ленских приисках давно уже работают крестьяне Шадринского уезда, а в прошлую осень туда отправилось уже много этих крестьян, в поисках себе заработка по случаю полного недорода хлеба,

то можно представить себе, какой переполох произвели эти телеграммы рабочих, извещающих там о целом сражении. Матери и жены в слезах, отцы в унынии, родные в горе, и никто не знает, как узнать: живы ли их родные и знакомые, потому что до настоящего времени товарищество Ленских приисков не позаботилось ни о том, чтобы от конторы своей известить о смерти рабочих, ни опубликовало списка их, из которого бы можно было узнать, кто жив и кто погиб. И даже на телеграфные запросы бедных отцов и матерей к товариществу с просьбой известить, живы ли те и другие, с оплаченным ответом, товарищество, видимо, находит излишним отвечать.

Это уже что-то чрезмерно безобразное со стороны товарищества, целые десятки лет пользующегося рабочими здешнего уезда».

Незадолго до Ленского расстрела К. Д. Носилов беседовал с рабочими, бежавшими с приисков. Они рассказывали о невыносимых условиях труда там. Теперь публицист использовал в статье и эти сведения. Он писал, что поразивший Западную Сибирь голод 1911 года погнал на заработки, в том числе и на прииски, десятки тысяч крестьян, которые соглашались работать на любых условиях. Но компания золотопромышленников заключила договора с рабочими еще летом 1911 года, до наплыва дешевой рабочей силы. Естественно, что после притока ее золотопромышленники хотели избавиться от «дорогих» для них рабочих, поэтому создавали невыносимые условия жизни и труда. Как справедливо заметил К. Д. Носилов, «была биржевая игра на голод».

Корреспонденция К. Д. Носилова была напечатана в газете «Новое время» 24 апреля 1912 года. Она была весомым вкладом ученого и писателя в защиту прав трудового народа, откликом на события на Ленских приисках.

КАК НАШЛИ «ЛОСИНОЕ УХО»

См. 2-ю стр. обложки

**Алексей
КОЖЕВНИКОВ**

— Готов, Илья? — спросила жена. В избу вместе с ней ворвались клубы морозного пара. — Раиса с Иваном ждут. Звала в дом — не идут...

— Я мигом... — Илья выпил на ходу кружку молока, взял с полатей теплые рукавицы и исчез в сенях. Хлопнули ворота, заскрипели по насту сани, и снова установилась тишина.

Косой Брод артельщики проехали в сплошной темноте, ни единое окошко еще не светилось. Лошадь рысцой бежала по знакомой дороге. Зябко поеживались ездоки, застегивали наглухо телогрейки. Стоял декабрь.

Нет, не пофартило им и нынче... Напрасно Илья долбил кайлом мерзлый грунт в начатом накануне шурфе. Напрасно Иван крутил ручку ворота, подымая пудовые бадьи с породой. Попусту Раиса гоняла лошадь к речушке, возя породу на промывку... Подсыпая в бутару песок, наблюдая, как потоки воды переносят его по желобу — от «головы» к «хвосту», оставляя на пути тяжелые шлихи железняка, Илья собирал в головном отсеке бездыма махонькие желтые песчинки. Золото было не больше маннх крупинок.

— Опять вонь да бус, — Илья сердито сплюнул в бутару. — Чай на Рябиновке и не осталось уж ничего, а мы все бьемся...

— Видно, и впрямь менять место надо, — угрюмо соглашался Иван. Все трое с сожалением посмотрели на опушку леса, где снег скрыл следы глубоких шурфов, вырытых их руками. В ветвях тоскливо свистел ветер. Раскачивались сосны и без того трещавшие от крепких николевских морозов.

— Вот что я надумал, ребята, — Иван Аристархович с ожесточением

подул на костенеющие пальцы. — Айдайте-ка на отцову майну, что в Кособродском урочище, на Канаве. Долгонько он там золотишко брал... По малости, а все ж брал! Видно, было — что. Может, и на наш пай осталось?

Илья кивнул:

— Все едино, где шурфы бить. Дудку-другую пробьем — увидим там...

На том и порешили. Наскоро накидали до середины ямы мерзлой земли. В половежье все равно илу доверху натянет, а пока, чтобы заблудившаяся скотина или случайный человек не завалились, прикрыть надо. Сложили на дровни выдавший виды скрипучий ворот бадьи, бутару, кайлы, лопаты. Со вздохом оглядели напоследок заснеженную поляну с парившим шурфом и снялись с места.

Бригада Ильи Семеновича Пальцева, как и другие — раскуиштинские, кособродские и прочие артели старателей, — была малочисленна. Но сколько надежд возлагалось тогда, в тридцатые годы, на эти маленькие артели, искавшие удачи в уральских горах! По всей стране бездымные стояли заводы. Иностранцы концессионеры заключали договоры об «оживлении» их на кабальных условиях — эта участь постигла и местные, полевские заводы. Казна молодой Советской республики крайне нуждалась в золоте. А золото пряталось...

14 декабря 1935 года, едва забрезжил рассвет, артельщики выехали на Кособродский прииск. Разработку покойного Аристарха Пальцева нашли нескоро: старик работал один и место держал в тайне. Иван Аристархович Пальцев и бывал-то на отцовской Канаве раз-другой, не боле, и то мальчонкой,

когда коров пас. Покуда развели костер, мужики покурили. Освободив сани от груза, принялись в борту Аристархова разреза разбивать круглый шурф диаметром около метра — дудку. С полметра долбили промерзлый, словно закаменевший грунт. От спин валил пар. Но вот бригадир взялся за лопату: пошла салка — наносный слой земли, мягкой, парящей.

Только на следующее утро Илья опустил в дудку. Прикинул глубину: «Метра два будет» — и крикнул наверх:

— Иван, ворот ставить пора!

— Добро, — ответил брат.

Здоровенному Ивану и без бадьи в узком шурфе не развернуться. А худенький и сноровистый бригадир приспособился: прижмется к липкой стенке, навалится на лопату — дело и подается. Салка легко резалась, и вскоре первая наполненная бадьа поплыла наверх.

В лесу было безмолвно и голо. От взошедшего над горами солнца слабо искрился снег. Какая-нибудь ветка, росшая на самой макушке сосны, не выдерживала его тяжести, и гулко, словно выстрел, на весь лес трещала, обламываясь и устремляясь вниз. Лошадь испуганно вздрагивала, пряла ушами.

— Стой, шельма! — ругала ее Раиса, помогая Ивану освободить наполненную бадью. Потом Иван снова шел к шурфу, заглядывал в нутро его и, ничего не видя из-за поднимавшегося наружу густого пара, кричал вниз:

— Ты как там?

Забой уже имел метра четыре в глубину. Илья с трудом разворачивался в тесной яме. Извернулся, кряхтя положил камни в спущенную бадью, дернул веревку — наверху тотчас закрипел ворот.

Когда кайло ударилось о что-то, Илья усомнился, что это камень. Он показался ему вязким, и не было разлетающихся от обычных камней искр и осколков. Дневной свет едва доходил до дна, сильно ослабленный паром в забое, и все же Илья разглядел желтоватый блеск... Кусок был огромный. «Никак самородная медь?» — подумал бригадир. То, что кусок может оказаться золотом, на ум ему не пришло. А ко-

гда пришло, он отчаянно задергал канат.

— Иван! Подымай меня!..

— Стряслось што? — всполошился воротельщик.

— Кажись, самородок нашли!

— Большой?

— Чай, с пуд будет.

— Ой, врешь... Ой, врать горазд!

— Тяни, говорю!..

Пальцев-старший поспешно закрутил ручку ворота, недоверчивым взглядом впиваясь в темный выход шурфа. Илья поднимался быстрыми рывками. Показалось его счастливое лицо, — он улыбался и прижимал обеими руками к груди большущий камень.

Пока он привыкал к свету, Иван нетерпеливо полой фуфайки обтер камень, выпачканный глиной. Камень желтел в местах двух вмятин, оставшихся от удара кайлом.

— Господи!.. И впрямь золото!.. — ахнул Иван.

На его руках лежал самородок невиданной величины, очень напоминавший по форме лосиное ухо.

...На приемочном пункте, в конторе Кособродского участка, сидел со скучающим видом начальник Зюев.

— Принимай золото, Фотей Антонович! — едва переступив порог, вместо приветствия выкрикнул бригадир.

— Выкладывай. Где оно?

— В телеге лежит.

Зюев удивился. Он привык, что старатели долго шарят по карманам фуфаяк и шуб, пока не извлекут кто маленькую коробочку, кто бумажный пакетик. Илья же в карман не лез и смотрел на начальника веселыми глазами.

Через несколько минут самородок лежал на столе. Зюев растерянно заморгал глазами:

— Батюшки святы!.. Чудо-то какое... Отродясь не видывал... Ребятки, на чем же я его взвешу? На наших-то весах больше килограмма не можно... Илья Семенович, надо самородок в магазин свозить.

Вес самородка оказался 13878 граммов.

— Почти четырнадцать килограммов! — ахнули старатели, под считав гири.

Заперев самородок в конторе,

Зюев и пальцевцы побежали в сельсовет.

— Девушка, мне контору «Уралзолото»! — закричал в трубку Фотей Антонович. Руки у него дрожали. Наконец телефонистка соединила его. — Товарищ Королев! — тут голос у Зюева сорвался и он перешел на шепот: — Небывалое событие случилось в нашей золото-промышленности...

— Ну и наделали вы переполюху, — сказал он, положив трубку на рычаг. — Ждите свое начальство.

Весть о находке молнией облетела всю деревню. Когда старатели вернулись в приемочный пункт, у дверей толпились односельчане.

— Фотей Антонович, правда, что Ильюха Пальцев диковинный самородок сыскал? Покажь...

Но Зюев одним прыжком очутился у ящика, в котором лежало золото, сел на него и страшными глазами уставился на людей. Стого мгновения, как самородок лег перед ним на стол, начальник приемочного пункта потерял покой.

Двери конторы не закрывались. Старателей поздравляли, дотошно расспрашивали.

— Теперь вам тышонки по четьре на пай придется, не меньше, — простодушно завидовал Фотей Антонович, сидя на золоте.

Начальство приехало скоро. Вместе с начальством на взмыленных лошадях прибыл наряд милиции. Было приказано на место находки выставить круговую охрану, к шурфу никого не подпускать. А назавтра в Полевское приехали секретарь обкома партии, корреспондент из «Правды», руководители треста.

Найденный под Косым Бродом самородок оказался самым крупным из всех обнаруженных на земном шаре к тому времени.

На месте находки произвели тщательную геологическую разведку. «Лосиное ухо» было водворено на родное ложе, строго в том положении, как его нашли, сфотографировано, измерено. Хорошие вести не лежат на месте: вокруг запретного участка лихорадочно засуетились искатели форта. Землю изрыли так, что курице клонуть некуда. Через полгода, когда запрет с участка был снят, —

геологи ничего не нашли — вернулась к Канаве и артель Ильи Пальцева. Много потеряли они сил и времени, но Канава была пустой. Старатели навсегда покинули Аристархову майну.

«Массовое угощение» на приисковом вечере, организованном в честь богатой находки, до сих пор помнят старики в Косом Броду.

Когда Илье Пальцеву предложили выступить, он растерялся. Долго не мог собраться с мыслями. Все молча ждали — сельчане, геологи, маркшейдеры, высокое начальство. Начал он осипшим от волнения голосом:

— Жизни наши — моя, Ивана и Раисы, — прошли перед вами. С малых лет рос я без отца-матери, сызмальства трудился лесорубом, каталем и забойщиком на подземных горных работах в Косом Броду и на Красной Горке. Мой двоюродный брат, Иван Аристархович, до старательства плотничал. Он строил и этот клуб, и нашу школу, и школу в Северском. У обоих у нас, как говорится, не было ни кола, ни двора, и потому в период коллективизации относились мы к классу бедняков. Раиса Волкова тоже рано осталась без отца, лошадь ей осталась в приданое... Из-за лошади и попала она в нашу артель...

Илью слушали, не перебивая. А он рассказывал о своих мытарствах, о сиротской доле, о том, как стала налаживаться жизнь с приходом Советской власти.

Немалую часть из большой суммы денег, полученных за самородок, артель Пальцева отдала на ремонт и строительство детских учреждений, больницы и школ в Полевском. Кроме полагающейся суммы, руководство треста «Уралзолото» премировало братьев Пальцевых патефонами и по 25 грампластинок к ним, а Раису — швейной машиной.

Какова дальнейшая судьба членов бригады Ильи Семеновича Пальцева? Первым не стало Ивана Аристарховича Пальцева — смерть пришла за этим могучим человеком спустя полтора года после счастливой находки. С первых дней Отечественной войны ушел на фронт Илья Семенович Пальцев, оставив

жену, двух малолетних дочерей и сына. Храбро воевал солдат, прошел немало фронтовых дорог. Погиб он под Киевом, на станции Дарница в апреле 1944 года. На камне памятника, возвышающегося над братской могилой, высечено и его имя. Дети и мать не раз приезжали к дорогому холму.

Два года назад, в возрасте 80 лет, схоронили Раису Николаевну Волкову. Никого уж нет в живых из артели старателей, нашедших настоящий клад.

Рекорд золотого исполина с Канавы продержался недолго и был побит уже 31 января 1936 года самородком большего веса — 14370 граммов, найденным бригадой южноуральских старателей А. Ф. Сурова в заброшенной шахте Андреевского рудника близ речки Тьелги. Видимо, это и явилось причиной заблуждения работников Свердловского краеведческого музея, указавших место находки выставленного в музее слепка самородка «Лосиное ухо» — речку Тьелгу. Только благодаря немалым хлопотам бывшего старателя Федора Ивановича Зюзева (однофамильца Фотeya Антоновича Зюзева) месторождение на табличке экспоната было изменено.

Федор Иванович Зюзев, много лет трудившийся старателем, приемщиком золота, бухгалтером в Сысертском, а затем, после переименования, — в Свердловском приисковом управлении, вспоминает:

— Я ежедневно принимал крупное самородное золото весом от 5 до 100 и более граммов самой диковинной формы. Было заведено: самородок, весивший свыше 50 г, не обрабатывался, как меньшие, а упаковывался в пакет. На него составляли акт и отправляли в центральную кассу приискового управления, а оттуда на Московский аффинажный завод. Таким же путем прошел и самородок «Лосиное ухо».

По указанию начальника «Главзолото» СССР А. П. Серебровского самородок был отправлен на хранение в Алмазный фонд, где находится и по настоящее время.

«Правда» в 1935 году напечатала интервью с А. П. Серебровским. Вот что он сказал тогда:

«Находка старателя Пальцева, бесспорно, большое и интересное событие. Почти 100 лет назад, в 1842 году, крестьянин Никифор Ситкин нашел в Миасском районе на Южном Урале самородок золота весом около 24 килограммов. В 1882 году на Кашеевском прииске, также на Урале, был найден второй по величине самородок весом около 16 килограммов. Затем к этой коллекции самородков-уникумов прибавился самородок весом около 13,5 кг, найденный несколько десятиков лет тому назад в Сибири. Однако самородок Пальцева больше сибирского. Он может считаться третьим по величине из всех самородков, известных в нашей золотой промышленности».

На Урале есть три точных слепка с самородка «Лосиное ухо». Два из них можно увидеть в краеведческих музеях Свердловска и Полевского. Третий слепок бережно хранит Федор Иванович Зюзев — старатель, знавший артельщиков из бригады Пальцева.

*Полевской,
Свердловская область*

● «Подрастающим верьте мальчишкам!..»

● Певец Зауралья

● ...И родилась пьеса

● «Лесной курорт»

● Памятник газете

«Подрастающим верьте мальчишкам!..» — эти слова взяты из надписи на мемориальной доске. А прикреплена она к сосне, что стоит на лесной опушке неподалеку от деревни Чайки Псковской области. «Мишина сосна» зовут ее — в честь отважного снайпера, сибиряка Миши Шишалевича. В этом лесу юноша-солдат, замаскировавшись в ветвях, вел прицельный огонь по фашистам, пока не был сражен вражеским осколком.

Мемориальную доску чайкинские ребята устанавливали вместе с учащимися Будаговской сельской школы Иркутской области, где учился до ухода на фронт Миша Шишалевич.

Следопыты деревни Чайки обнаружили более 300 безымянных и забытых солдатских могил. Прах героев, павших смертью храбрых, торжественно перенесли в братскую могилу.

Сергей Васильев шестнадцатилетним подростком уехал в Москву, но всегда помнил о своей родине — Кургане, часто приезжал в родной город, в стихах признавался в любви к нему.

В курганской школе № 29, что расположена на улице Сергея Васильева, создается музей поэта. Состоялись первые встречи с людьми, знавшими С. Васильева, поступили первые экспонаты — воспоминания, фотографии, письма и, конечно, книги со знаменитыми поэмами «Смерть партизана», «Красный галстук», стихами «За уральской грядой», «Прямые улицы Кургана» и другими. Вся общественность города помогает в создании музея поэта-земляка.

Время, время... Многое исчезает вместе с ним и, чтобы вырвать у неизвестности дорогое имя, нужны усилия, нужен поиск. А иногда помогает и счастливый случай.

Школьный сторож из мордовского села Малое Маресево П. М. Захаркин гостил у своего брата в Нальчике, и тот показал ему в городском парке могилу: «Нашенский тут покоится, беляки повесили. Первым военно-политическим комиссаром Нальчикского округа был». Вернулся сторож из отпуска в родную Мордовию и рас-

сказал о земляке-комиссаре директору сельской школы Николаю Яковлевичу Низовкину.

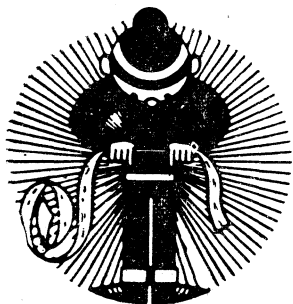
Следопыты начали поиск. Да, Дмитрий Николаевич Видяйкин родом из Малого Маресева. Телеграфист железнодорожной станции, он семнадцати лет принимал участие в первой русской революции, был сослан, а позже пошел воевать за Советскую власть. На Кавказе, на белогвардейской виселице, в 1919 году оборвалась жизнь комиссара. В школьном музее можно прочесть его предсмертные слова: «Я погибну. Но революция не погибнет. Да здравствует Советская власть!»

Ожила память героя на его родине.

По следопытским находкам, по материалам музея учитель и краевед Н. Я. Низовкин написал о Дмитрие Видяйкине пьесу «Возвращение».

В леса Заетлужья, где ныне стоят белоснежные корпуса «Лесного курорта», было эвакуировано в войну 700 мальчиков и девочек — детей антифашистов из Англии, Франции, Гер-

СЛЕДОПЫТСКИЙ

телеграф

мании, Венгрии, Чехословакии... Гарри, Гертруда, Пьер — по-разному звали их, но когда их привезли сюда, они на всех языках говорили одно слово: «мама», потому что были малы...

Добрые руки вырастили этих детей, добрые сердца согрели. Вот что пишет бывшая воспитанница интерната Вельтраут Шелике, ныне кандидат технических наук: «Это родина нашего детства. Нас обласкали руки первого директора Павла Ивановича Кадушина, молодой официантки Раи Чирковой, «сердитого» врача Лукьяновой».

Первый директор П. И. Кадушин и нынче гостеприимно принимал бывших своих питомцев, съехавшихся на встречу в «Лесной курорт». О военной странице в биографии этого лечебного учреждения будет напоминать мемориальная доска. На ней золотом высечены слова: «Здесь на территории дома отдыха «Лесной курорт» в годы Великой Отечественной войны 1941—1945 гг. был создан международный интернат для детей борцов мирового коммунизма и антифашистского движения».

Много памятников в Полевье, но этот — наотличку всем. Его воздвигли жители села Дубровское Ровен-

ской области. Белый, как чистый лист бумаги, мрамор; вместо газетного текста — памятная надпись, а в левом углу мраморной плиты, там где обычно обозначается издатель, — золотая звезда.

Это памятник газете «Червоный прапор», которая выходила в Первом партизанском соединении на Ровенщине в годы войны. Выходила подпольно, печаталась в землянках, в походной телеге, а то и в болотах, и, несмотря на оккупационный заслон, «добиралась» к своим — в города и деревни. К советскому населению, оказавшемуся во вражеском тылу, шла из партизанского леса правда о положении на фронте, о зверствах фашистов, о борьбе партизан.

— Она была для нас, как хлебушко, — говорит старейший житель села Дубровское Евтихий Никитич Смаглюк. — Потому мы и поставили памятник газете.

● К Большой Невке, где на вечном якоре стоит легендарный крейсер «Аврора», тянется нескончаемый поток экскурсантов. За последние пятнадцать лет на «Авроре» побывало больше миллиона только иностранных гостей из 127 стран мира.

● Десять лет собирают материалы о кавалерах ордена Ленина, защищавших

нашу Родину от фашистских захватчиков, пионеры вильнюсской школы № 37. Среди 800 воинов, найденных следами, есть такие, которые только сейчас, благодаря поиску, получили свои фронтовые награды.

● Исполнилось сто лет средней школе № 1 г. Дмитрова Московской области. Сто лет назад впервые распахнулись стены этого учебного заведения — бывшей женской гимназии. Здесь создан музей, рассказывающий об истории школы.

● Лиценский сельский краеведческий музей Луцкого района получил звание народного. Музей создан по инициативе правления местного колхоза и рассказывает об истории края. Со всей Волыни приезжают сюда экскурсанты.

● День рождения школьного литературного музея ежегодно отмечается в ульяновской средней школе № 50. Как на всяком празднике, здесь бывают гости, преподносят подарки. 14 апреля в школу приходят писатели и поэты, а подарки, конечно, — книги. Экспонаты музея рассказывают о литературной жизни в Ульяновском крае на протяжении двух веков.

● На Балтийском шоссе, неподалеку от небольшого поселка под Калининградом, поднялся обелиск. Поселок носит имя Александра Космодемьянского. И обелиск воздвигнут в па-

мять о подвиге Героя Советского Союза, двадцатилетнего артиллериста Александра Космодемьянского, своею смертью открывшего путь советским частям на Калининград. Два обелиска отныне будут напоминать о брате и сестре: Зое — в деревне Петрицево, и Александру — у поселка Космодемьянского.

● Два года подряд ездят в экспедиции юные археологи Забайкальской Малой Академии наук, созданной при Читинском пединституте. Первая экспедиция была на раскопках близ станции Толбача; вторая — у села Нижний Нарым, где есть одно из интереснейших поселений каменного века.

● В школе-интернате № 7 Ленинграда открылась экспозиция «Декабристы». Собран материал о деятельности дворянских революционеров на Васильевском острове. Ребята этой школы установили, кто из декабристов учился в Высшем военно-морском училище, разыскали неизвестные могилы декабристов на Смоленском кладбище.

● Краеведческие чтения проводит воронежская библиотека им. И. С. Никитина. «Чтения» собирают широкий круг специалистов-историков и любителей-краеведов. Темы докладов самые разные: от древних летописей до творчества современных воронежских литераторов.

И НЕТ

Рисунки
Н. Домрачевой

**Сергей
КАРАТОВ**

Дороги

Откинул крышку парты.
Я в путь стремлюсь давно.
Передо мною карта
вся — белое пятно.

И жажда эта вечна,
к чертям уют, тепло!
...Сверкнет машины встречной
оконное стекло.

Дорог так много,
что всех не перечесть!
И нет конца дорогам,
и нет конца...
И есть.

Осень смотрится в окна,
снова краски сгустила...
Дождик мордочкой мокрой
в щеки тычется тихо.

Туча вдаль убежала.
А над липой ветвистой,
ветер крутится шальный,
весь от листьев пятнистый.

Мир наполнился светом,
только мне стало грустно,
что осталась ты где-то,
по ту сторону лета.

КОНЦА ДОРОГАМ

**Александр
РОМАНОВ**

Младший лейтенант

Мальчишка,
что я знал о службе!
Мой мир был слишком упрощен.
Я приобщен был к школьной
дружбе.
К потерям — не был приобщен.

Не испытав минут прозренья,
не размышляя глубоко
судил.
Признание и презренье
мог сразу выразить, легко.

Бывало, встретив лейтенанта
лет сорока,
я думал так:
«Нет ни геройства, ни таланта.
Служил, должно быть, кое-как!»

Но вот — война.
Слова и лица
совсем иными стали вдруг.
Война!..
К отцу зашел проститься
знакомый. Кандидат наук.

Сутуловатый. Близорукий.
Лет сорока...
Отец твердил,
что кандидат наук
в науке
и докторов опередил.

Стоял он в новенькой шинели
всего-то младший лейтенант.
Мои глаза всю глядели,
я верил, знал, что он — талант.

Хотелось крикнуть:
— Как же это?!
И подкативший к горлу ком
был как предчувствие ответа,
который я найду потом...

Уходит взвод по улице, уходит.
Все дальше стук шагов, все глуше
он.

Темнеет.
И над городом восходит
Звезда на темно-серый небосклон.

Она молчит.
Оглядывает город,
который светом радостным манил.
Огромен город.
В нем
огромный голод
до самых крыш дома заполонил.

Скрывают свет
опущенные шторы...
Молчит звезда и слушает вдали,
как воют бомбы и гудят моторы,
как бьют земли фонтаны из земли.

Она сквозь отдаленье,
с расстоянья
непройденной космической длины
еще не встречи видит —
расставанья.
Не свет земли,
а черный дым войны...

Ты звала или нет?
Где исчезла ты, где?
Перелился твой след
в свет звезды на воде?

Морщит заводь волна
то левой, то — правой.
Не она ли полна
дальней мыслью твоей?

Не умея понять,
Ни о чем не молю.
Счастлив тем, что опять
я люблю и люблю.

Верю в след или свет,
еле слышный ответ
через тысячи бед,
через тысячи лет!

**Владимир
СИБИРЕВ**

Кунгур

Плывет по Сылве
Топольный пух,
Упавший с золотой расчески лета.
И кажется, что жестяной петух
Над крышей
Соткан из тепла и света.
По левому крылу —
Гостиный двор —
Подобье новгородского посада.
Почти на каждой улице —
Собор,
И что ни шаг —
Казенная ограда.
Под правым —
Меньше броских куполов.
И плит с насечкой золотой не
лишку.

Зато красноречивей всяких слов
В себя вписало небо
Телевышку!
Воистину
Уральские места.

Век ими не смогу переболеть я.
Здесь брови берегов,
Как два столетья,
Сошлись на переносице моста.

К океану

Глаза светло от выюжной пытки.
Подошвы сушит мерзлота.
На карте трасса —
Тоньше нитки,
А снегом бьет
Больней кнута!
И туча
Белой бескозыркой,
Отбросив тени вместо лент,
Над еле видимой визиркой
Пересекает континент.
И я во след ей
К океану
Плыву за тридевять земель,
Где на изгиб меридиана
Стрелой ложится параллель!

Панорама

Я стою
На краю утеса.
Может, здесь не бывал никто.
Словно палуба авианосца,
Впереди
Мерцает плато.
Пламя бьет из турбинных глоток.
От винтов бегут сквозняки.
Сверху лопасти вертолетов,
Как альпийские лепестки.
Там, я знаю,
Ребята с флота.
Парни трудятся под запал.
На распадки и на болота
Надевая тельняшку шпал.
Как бы ни были стужи люты,
В тундру входят парни, как в дом.
За спиной у них
Алеуты,
Мили плаваний подо льдом.

Алла ВОРИВОДИНА

* Ветер

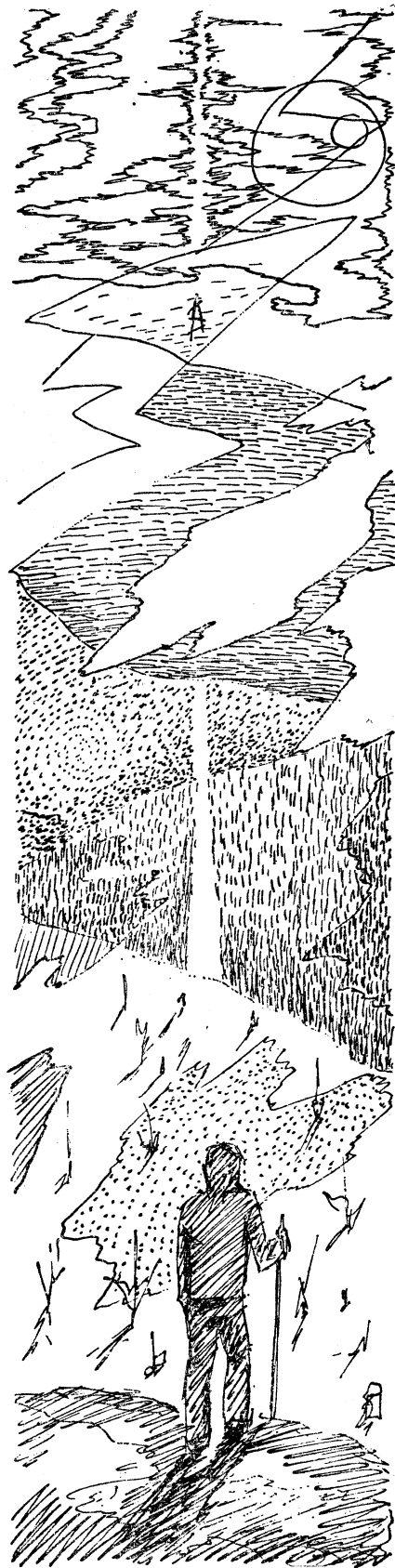
Нависает над трубой
Неба корка,
Пляшет ветер голубой
По задворкам.
К Веге медленно летят
Дыма кольца,
Пляшет ветер, и звенят
Колокольца.
То вприсядку он пойдет,
То подпрыгнет,
То трубу вдруг обовьет
И затихнет...
Яркой Веге головой
Буйной машет —
Пляшет ветер голубой,
Ах, как пляшет!

Вдоль плетней, заборов
Бродят по деревне
Петухи при шпорах
И при красных гребнях.
И заводят драки,
Только перья кверху.
И глядят собаки,
Это ль не потеха!
И кудахчут куры
В сильном беспокойстве:
Кто уйдет понурим,
Кто придет в геройстве?

В лес за грибами,
Осенними листьями.
К встрече с дубами
И норами лисьими.
В поле — за ветрами,
К ручью — за водицей.
К встрече с рассветами
Розоволицыми.
Но в изголовьи
Все сны нелюдимые.
За нелюбовью
Иду я к любимому.

Магнитка — Свердловск, 1930 год

В марте 1929 года к Магнитной горе прибыли первые строители — 35 человек. В декабре их было 3263. Город и завод только зарождались, а первые физкультурники уже отправились в поход на лыжах до города Свердловска, где в чертежах создавался строящийся Магнитогорск. Переход состоялся зимой 1930 года, лыжники преодолели шестьсот километров.

Объектив сохранил этот кусочек истории. На снимке — колонна лыжников из будущего Магнитогорска, во главе: Польских, Бессонов, Иванов, Мантур, Артемов. Снимок был, вероятно, сделан в Свердловске, так как в Магнитке в то время еще не было ни одного капитального здания.

В адресе, врученном участникам перехода, сказано, что лыжники в походе должны вести агитаторскую работу, рассказывать о великой стройке в степях Троицкого округа, о задачах, которые взял на себя рабочий класс Урала, создавая новый социалистический промышленный комбинат. Райком комсомола и рабочим строителям и транспортным рабочим от имени всех участников строительства комбината вынесли благодарность всем, совершившим переход, и в память о пробеге выдали каждому по паре лыж, трусы и майку, — время тогда было бедное.

Капитан команды лыжников Александр Иванович Польских (на снимке первый) погиб на фронте 15 мая 1942 года. Красные следопыты дружины им. Прокатова Вологодской школы № 15 разыскали его могилу. А в Магнитогорске следопыты разыскивают остальных участников лыжного перехода.

Р. ПОЛЬСКИХ

г. Магнитогорск

ЗАЩИТА

Фантастическая повесть

**Виктор
КОЛУПАЕВ**

*Рисунки
Н. Павлова*

Смешно было надеяться, что его встретят с распростертыми объятьями и скажут: «Просим, товарищ Григорьев! Мы оставили для вас раскладушку в шикарном коридоре у окна, выходящего на южную сторону». Но и такой очереди он не ожидал.

Еще издали, увидев с десятка экскурсионных автобусов, Александр понял, что дело плохо. А ведь он так надеялся на эту гостиницу, особенно после того, как объехал с десятком других.

Солнце клонилось к закату, но неожиданная для сентября жара не спадала. Приезжие, в беспорядке расположившиеся на ступенях подъезда, изнывали от зноя. А за стеклянной стеной взмокшая толпа безуспешно атаковала администратора. На стойке красовалась такая знакомая табличка: «Мест нет».

Александр медленно прошелся по шумному залу, потом протолкался к столу и сказал:

— Запишите. Григорьев Александр. Одно место.

— У вас будет сто восьмидесятая очередь, — сообщил ему белобрысый энтузиаст, делая запись в ученической тетради.

Сто восьмидесятая! Прекрасно! Это означало, что ждать придется два дня. Александр не спал прошлую ночь. Да и в позапрошлую удалось уснуть всего часика на три. А завтра из «Спутника» ожидается выезд иностранных туристов.

Нет, Сашка, сам себе сказал он, тебе должно повезти. Обязательно должно!

Григорьев немного постоял в толпе, слушая, о чем говорят. А говорили в основном о том, что мест нет, что и в других гостиницах то же самое, даже еще хуже, что завтра из «Спутника» ожидается выезд иностранных туристов.

Александр бесцельно побродил по холлу, натыкаясь на чемоданы, вышел на улицу, выкурил сигарету, вернулся назад, снова вышел...

Этого человека он увидел издали и сразу почувствовал — вот оно, везение. Мужчина был тучный, запыхавшийся, редкие волосы прилипли к взмокшему лбу, галстук сбился набок, да и костюм на нем был так помят, словно в нем спали целую неделю.

— В суд, в суд! — бессвязно выкрикивал он. — Издевательство!

Человек шариком вкатился вверх по ступеням, и Григорьев не спеша двинулся за ним. Мужчина вбежал в холл и, продираясь сквозь толпу, бросился к стойке администратора. Вид его был настолько странен, что люди невольно расступились.

— Опять, — испуганно сказала женщина-администратор паспортистке, сидевшей рядом.

— Я из семьсот двадцать третьей комнаты, второй корпус, — судорожно дергая кадыком,

выпалил мужчина и вдруг закричал: — Дайте! Дайте мне другой номер!

— Мы вас предупреждали, — сказала администратор.

В толпе жаждавших попасть в гостиницу начались вопросы: «Кто?.. Что?.. Номера освободились?.. Финны уезжают?..»

— Товарищи! Ведите себя потише, — попросила паспортистка. — Ведь работать невозможно!

— Я не могу жить в этом номере, — скороговоркой верещал мужчина. Пот лил с него градом, но он даже не пытался вытереть лицо платком или ладонью. — Пожалуйста, другой. В этом ни один нормальный человек жить не сможет. — И вдруг опять закричал: — Я жаловаться буду! — Да в чем дело?! — зашумели вокруг.

Григорьев протолкался к самой стойке.

— Нехорошо в номере, — шепотом сказал мужчина и вздрогнул.

— Мы же вас предупреждали, — жалобно простонала администратор.

— Что же там нехорошо? — строго спросил кто-то, а остальные притихли.

— Нехорошо, — шепотом повторил мужчина, и лицо его вдруг стало таким затравленным и испуганным, что стоявшие рядом с ним две женщины сдавленно ойкнули.

— Черт знает что творится в этом номере! — неожиданно басом сказала паспортистка.

Кто-то догадался принести стакан газированной воды и протянул мужчине. Тот выпил, немного приободрился, но было ясно, что прямо сказать, что же все-таки в номере «нехорошо», он боится.

— Вот позади вас стоит человек, — сказал он какому-то высокому парню с толстым портфелем в руке. Парень оглянулся и молча утвердительно кивнул. Мужчина продолжал:

— Вам ведь не страшно? — Все заулыбались. Расплылся в улыбке и парень. — А когда вы сидите в совершенно пустой комнате, зная, что в ней никого нет, и вдруг чувствуете, что за вашей спиной кто-то стоит? Оборачиваетесь — действительно стоит. — Мужчина захлебнулся от возбуждения, а парень зябко поежился. — Так и в этом номере. Совершенно невозможная вещь. А так и тянет, так и тянет все время.

— Да что же там? Привидение?

Мужчина остолбенело уставился на спрашивающего. Он столько объяснял, объяснял, а его, оказывается, вовсе и не поняли.

— Нет, — сказал он. — Там хуже. Этого не объяснить. Но только жить там невозможно. — И вдруг опять крикнул: — Я жаловаться буду!

— Тося, — сказала администратор паспортистке, — позвони по этажам во втором корпусе. Может, кто собирается срочно выезжать. Надо устроить товарища.

Тося взяла трубку, но перед этим сказа:

— А в семьсот двадцать третий больше не поселять. Пусть комиссия вначале разберется.

— Как это, никого не поселять? — возмущился старичок, стоявший у стойки первым. — Номер освобождается, а вы — никого не поселять!

— Из него же все бегут через час, — сказала администратор.

— Не через час, но близко к этому, — поправил взмокший толстячок, сообразив, что ему, кажется, дадут другую комнату.

— Тем более, — глубокомысленно заключил чистенький старичок, и с ним все стали соглашаться.

— Вы, что ли, хотите там переночевать? — спросила администратор.

— Да нет, — замылся старичок. — Подожду. У меня первая очередь.

— Одну минутку, — сказал белобрысый энтузиаст с ученической тетрадкой в руках. — Кто тут у нас по списку? Веревкин! Два места.

— Номер одноместный, — напомнила администратор и этим как-то сразу сдала свои позиции.

— Веревкин, не хотите взять одно место?

— Нет уж, подождем.

— Сидоров? Абрамов? Авесалом?

Желающих что-то не находилось.

— Смешно, — сказал Григорьев. — Ерунда какая-то. Люди уже по Луне ходят, а тут — «нехорошо». Поселите меня.

— Все сначала говорят «смешно», а потом прибегают с дикими глазами и просят перевести их в другой номер. А где я его возьму? Нет! Не буду я никого поселять, — заявила администратор.

— Я не боюсь привидений. Честное слово! Я вам расписку напишу, что не буду просить другой номер. В двадцатом-то веке и бояться!

— Да поселите вы его. Посмотрим, как он примчится назад. Время веселее пройдет, — предложил энтузиаст с тетрадкой.

— Долго ждать придется, — спокойно отрезал Григорьев.

— Не завидую вам, — сказал бывший владелец номера 723.

— А я вам, — искренне ответил Григорьев.

Администратор еще раз недоверчиво посмотрела на Александра, но все же протянула ему листок для заполнения.

Вот так Григорьеву и достался одноместный номер.

Владимир Зосимович Карин выбрался из троллейбуса и с минуту стоял в тени липы, поставив тяжелый портфель прямо на пыльный асфальт. Галстук он снял еще в институте, а теперь расстегнул и вторую пуговицу рубашки, но прохладнее от этого не стало. Огромное стекло витрины гастронома на мгновение отразило его

маленькую, достаточно стройную для пятидесяти семи лет фигуру и этим напомнило ему о хозяйственных поручениях, которые он еще не выполнил.

В магазине была толкучка и ужасная духота. Владимир Зосимович ходил с трудом. Обе ноги его были перебиты автоматной очередью еще в далеком сорок первом. Даже при очень медленной ходьбе ноги сгибались неестественно резко, почти судорожно. Карин уже позабыл о том времени, когда ходил, как все люди. И стоять было тяжело, но заставить себя обойти очередь он не смог, стыдно было. Жена старалась не загружать его хозяйственными заботами, но иногда все же приходилось это делать. Например, сегодня. Да и всю предыдущую неделю. Дочь уже второй год подряд проваливала экзамены в университет. А переживали и расстраивались из-за этого больше всего мать и отец. Мать до невроза дошла. Хорошо, подвернулся случай поехать на Черное море в санаторий. Уехала. А Ленка вдруг начала готовиться к экзаменам на заочный. И теперь Владимир Зосимович боялся ее послать даже за хлебом, чтобы не отрываться от занятий. Вдруг поступит!

От гастронома Карин свернул в переулок, и ему еще метров сто пришлось идти по солнечной стороне. Авоська с бутылками молока, свертками, пакетами и хлебом оттянулась почти до земли. И идти от этого было еще труднее.

В квартире надрылся магнитофон.

— Занимаешься? — подозрительно спросил отец у дочери.

— Занимаюсь. Антракт был.

— Смотри. Снова завалишь.

— Завалю — замуж выйду.

— Я тебе выйду, — буркнул отец и начал снимать туфли.

— А к тебе тут обзвонились уже.

— Кто же?

— Вот. Я записала телефон. Солюхин какой-то.

— Что-то не припомню такого.

Владимир Зосимович сбросил наконец туфли и подошел к телефону, думая о том, как хорошо бы сейчас принять душ. Он набрал номер, и на другом конце провода сразу же ответили.

— Уважаемый Владимир Зосимович, мы тут хотели включить вас в одну комиссию. Кляузное дело. Не возражаете?

— Возражаю. Я уже и так в пяти комиссиях.

— Тогда тем более! Это же прекрасно! — Товарищ Солюхин был, по-видимому, веселым человеком. — Всего на двадцать процентов нагрузка возрастает. Нет, право же...

— А вы откуда и кто есть?

— Вот это ближе к делу. Я директор гостиницы «Спутник». Знаете такую?

— Угу. Слышал.

— Солюхин Андрей Павлович. Я уже тут

обзвонил все инстанции и по своей линии, и по вашей. По нашей линии мне рекомендовали ваш институт, а по вашей Анатолий Юльевич...

— Согбенный?

— Точно. Он самый. Так вот, Анатолий Юльевич рекомендовал вас. Я звонил на работу к вам, но, видимо, опоздал. Пришлось побеспокоить дома. Так я пришлю машину?

— Когда?

— Завтра.

— Но я завтра работаю в комиссии, которую возглавляет сам Анатолий Юльевич. У меня просто-напросто нет времени.

— А мы пришлем машину после... после работы.

Карин ругнулся про себя. Еще одной комиссии ему не хватало!

— Да в чем дело-то?

— Жильцы бегут.

— Куда бегут?

— Не куда, а откуда. Из гостиницы, из нашего «Спутника». Чертовщина какая-то. Может, и ерунда. А выяснить все равно надо.

— Чертовщина? А точнее неизвестно?

— Какие-то голоса, как из загробного мира.

— Жара это.

— Что?

— Жара, говорю. От жары люди свихнулись.

— У нас в комнатах кондиционеры. Работают, конечно, не все, но все же...

— Так чем я могу вам помочь?

— Не знаю. Но вы уж помогите.

— Господи, да чем же?

— Я пришлю за вами завтра машину часиков в семь вечера, пожалуй. И остальные как раз соберутся.

— У вас что, большая комиссия?

— Да человек пять. Инженеры, психологи... Директор «Спутника» перечислил фамилии.

— Ого! Интересная компания.

— Так ведь неизвестно, что это такое.

— Ну хорошо. Присылайте...

Владимир Зосимович положил трубку и помянул нехорошим словом Анатолия Юльевича Согбенного, заместителя директора НИИ по научной части.

— Этот Солюхин уже пять раз звонил, — сказала Лена. — Хочешь яичницу с помидорами?

— Отлично. Я пока приму душ.

Карин взял портфель, прошел в стандартно обставленную комнату с телевизором, книжным шкафом, сервантом, диваном и прочей необходимой для гостиницы мебелью и усталю опустился в кресло. В комнате был беспорядок. Но так сейчас, наверное, было удобно Ленке.

Несколько секунд он сидел, опустив руки и пытаясь расслабиться, потом расстегнул портфель и вытащил из него толстый том отчета, который нужно было прочитать сегодня вечером. На титульном листе справа внизу стояла подпись

руководителя темы: «к. т. н. Бакланский Виктор Иванович». Карин перевернул лист. На следующим был список исполнителей. «Григорьев, — прочитал Владимир Зосимович, — Соснихин, Бурлев, Данилов...» Дальше шло еще несколько фамилий, не знакомых Карину. Соснихина и Бурлева он знал хорошо. Они приезжали несколько раз к нему в лабораторию. И Бакланского он знал, правда хуже. Тогда тот еще не был кандидатом наук. А вот фамилии Григорьева и Данилова ему ничего не говорили.

— Папка, яичница готова! — крикнула из кухни Ленка.

Григорьев открыл дверь, вошел и огляделся. Номер был, как номер. Маленькая прихожая. Слева шифоньер со скрипучими дверцами и деревянными плечиками. Справа умывальник и полотенце. В комнате стояла низкая кровать, застеленная покрывалом с узором из роз, тумбочка с телефоном, кресло, посередине столик с графином и двумя чистыми стаканами. Все просто, строго и удобно. Паркетный пол, окно во всю стену. Кондиционер. И в таком-то номере «нехорошо»? Ерунда!

В комнату вошла пожилая женщина, горничная, сгребла простыни в кучу и сказала:

— Я вам сейчас постель переменею.

Минут через десять она заправила кровать чистым бельем, не произнося больше ни слова, но украдкой поглядывая на нового жильца.

— Так что же все-таки в этом номере происходит? — не выдержав молчания, спросил Григорьев.

— Так. Болтают разное, — нехотя ответила женщина.

И все. Александр решил «про это» больше не спрашивать и не думать.

Вещей с ним не было. Чтобы зря не таскаться с чемоданом, он оставил его в камере хранения на вокзале.

Вечер был душный. Александр снял рубашку и подставил плечи под холодную воду, потом вытерся жестким полотенцем и немного посидел в кресле, спокойно покурил.

Вместе с ним в Марград приехали Бакланский и Данилов. Бакланский являлся начальником лаборатории, в которой работал Александр, и руководителем темы, которую они все трое приехали защищать.

Григорьев решил было позвонить Бакланскому и сообщить, что с жильем он устроился нормально, но потом передумал. Вряд ли тот сейчас у своих родителей. Да и кроме всего, Бакланский — свинья. Ведь он даже не пригласил Александра переночевать. А, впрочем, он все равно бы отказался. Возможно, Бакланский это и чувствовал. Анатолий Данилов — тот совсем другое дело. Но ему еще нужно найти свою тетю.

Необходимо было составить план на вечер. Григорьев так и сделал. Сначала в ресторан, чтобы не искать столовую. Потом бросок на главпочтамт, затем на вокзал и назад, в гостиницу. Будет уже около десяти вечера. И сразу спать. Спать, спать, спать. Изменить этот план могло лишь письмо, ждущее его на главпочтамте. Но в обед, когда он уже заезжал туда, оно еще не пришло.

В голове стоял гул, а она должна быть свежей, потому что завтрашняя защита — дело не шуточное...

Григорьев заказал шашлык и стакан рислинга. Народу за столиками сидело немного, не подошло еще время. И вообще здесь было уютно, чисто, тихо, когда смолкал, конечно, оркестр.

Вино и шашлык ему принесли почти сразу же.

За соседним столиком расположились две девушки и молодой человек с бородкой. Они все трое потягивали коктейль через трубочки и молчали. Когда оркестр взорвался своим «ча-ча-ча», парень пригласил одну из девушек, а другая посмотрела на Александра чуть вызывающе и чуть просительно.

Нет, девочка, подумал он, не могу. Ты красивая, даже очень, ей-богу, но мне еще нужно на главпочтамт. Меня ждут, понимаешь? Я сам просил об этом. Я, наверное, и приехал-то ради этого...

Девушка снова посмотрела на Александра, но он отрицательно покачал головой, расплатился и вышел на улицу.

На главпочтамт он успел за пять минут до конца работы, как и хотел, чтобы не мучиться потом мыслью, что письмо пришло после его ухода.

Нет, никто и ничто не ждало его здесь.

На железнодорожном вокзале суета. Одни цветы продают, другие, очевидно, опаздывают на поезд, третьи торопятся, наверное, встретить.

Григорьев получил чемодан и к десяти часам был уже в гостинице. Спать ему хотелось зверски. Вот еще бы стаканчик холодного молока. Но молока так поздно здесь не достать.

Раздевшись, он выключил свет и лег. И тотчас мысли завертелись вокруг ожидаемого письма, стало тоскливо и пусто, захотелось позвонить кому-нибудь, сказать ничего не значащие ласковые слова, в которых была бы не информация, а только лишь настроение: «Здравствуй! Как живешь? Что нового?» Вот только кому звонить? Здесь, в Марграде, он знал лишь один телефонный номер — Бакланского. Позвонить ему? Спросить, как его приняла мама?

И тут в голову пришло сочетание цифр: 19-77-23. Это был телефонный номер, и номер очень знакомый. А чей — он не знал. Но жела-

ние позвонить было настолько сильным, что он встал.

И тогда в голове вихрем промелькнуло — может, может... Он так ждал этого! А если это мысленное внушение? Ну должна же быть телепатия! Хотя иногда, хоть раз в жизни! А ему была нужна она именно сейчас!

Не включая света, он набрал номер. В неглубокой темноте еще можно было различить цифры диска.

— Здравствуй! Как живешь? Что нового? — раздалось в трубке.

Голос был мужской, и знакомый и незнакомый одновременно. И какое-то непонятное волнение чувствовалось в нем.

— Оригинально! — выпалил Григорьев в трубку.

— Сашка, почему ты здесь оказался?

Трубка чуть не выпала у него из рук.

— Кто говорит? — спросил он хрипло.

— И письма нет... — Это было сказано как-то грустно, печально, но без вопроса, а с утверждением.

— Кто говорит? — крикнул Александр.

— А, ладно, — раздалось в ответ. — Спи. Утро вечера мудренее.

— Да кто же... — начал Григорьев, но трубку на том конце линии уже бросили на рычаг.

И Григорьев положил свою. Вот так штука? Кто бы мог это быть? Ведь не ждал же он, тот человек, его звонка? Но тогда почему сразу же назвал по имени? Это был наверняка кто-нибудь из комиссии, решил он. Кто-то сегодня днем сказал ему свой номер, а он машинально запомнил его и позвонил. Но... стоп. Про письмо не мог знать никто. Никто! Нет, комиссия тут ни при чем...

Нет, тут так просто не разберешься. И его снова неудержимо потянуло позвонить по телефону. И снова по этому же номеру. Поговорить. Просто так, ни о чем, но поговорить. Услышать человеческий голос. Но Александр лишь отодвинул телефон на край тумбочки и плашмя бросился на кровать. Спать уже не хотелось.

«Ну зачем я сюда приехал?» Завтра, он уже знал это, с самого утра снова попрется на главпочтамт. Потом до пяти защита. После защиты снова главпочтамт. И до самого его закрытия он будет кружить там по тротуарам. Но ведь ничего не будет! «Неужели я сам этого не понимаю? Понимаю, но не могу справиться с собой. Не хочу!.. А, может, хочу? Надо? Хорошо? Плохо?»

Его взяла злость на все на свете и в первую очередь на самого себя. Он закутался с головой в простыню, послал всех к черту... и заснул.

В семь часов утра Григорьев проснулся. За окном было пасмурно, но это его не удивило. Что еще можно ждать от осенней погоды? Сегодня солнце, завтра — дождь.

На улице истинный сентябрь, и в голове сентябрь, и в душе. Неуютно.

Десятиминутная пытка бритьем, умывание, буфет. Без десяти восемь он был уже готов, чтобы выйти из гостиницы.

И снова ему захотелось позвонить по телефону. Поговорить. Хоть с кем. Просто взять трубку и поговорить. И номер, по которому он звонил накануне, все не выходил из головы.

Александр сел в кресло и с любопытством начал разглядывать аппарат. Телефон, как телефон, из бежевого пластика, самых совершенных, современных форм. Внизу собственный номер его, выведенный красивыми цифрами в рамочке... Григорьеву на мгновение показалось, что его ударили по голове чем-то тяжелым. Несколько секунд он ничего не мог сообразить, настолько все это было необъяснимо: номер телефона был 19-77-23!

Чертовщина какая-то! Значит, он звонил по собственному телефону! Тогда можно объяснить, почему он пришел ему в голову. Случайный взгляд, и номер подсознательно запомнился.

Но по собственному номеру звонить бесполезно, невозможно! Элементарная электротехника объяснит это каждому. Никогда в жизни он не звонил по номеру, с которого говорил сам. Это и в голову не приходило. Он был уверен, что это и никому вообще не приходило в голову. Может, все происшедшее вчера, ему только показалось, приснилось? Может, ничего и не было?

Он снова набрал злополучный номер.

— Здравствуй, Александр, — приветствовал его тот же самый голос, знакомый и незнакомый одновременно. — Ну хоть ты-то разобрался?

— Кто говорит? — разъяренно спросил Григорьев. Все это было очень похоже на розыгрыш.

— Александр Григорьев.

— Это я — Александр Григорьев.

— Я — тоже... Значит, не разобрался...

— Кто вы такой?

— А на главпочтамт пойдешь?

Никто не мог знать об этом!

— Да кто же вы такой, черт вас возьми!

— Я Александр Григорьев.

— Как это понимать? Откуда вы знаете про главпочтамт?

— Я знаю. Ну ладно. Звони, если захочешь.

— Вряд ли! Я мистификаций не люблю.

— Звони, если захочешь.

Александр бросил трубку. В то, что его душа может разговаривать с ним самим по телефону, он, конечно, не верил. Он и в душу-то не очень верил. Но на розыгрыш это все-таки было мало похоже. А что говорили тому толстячку, подумал Александр, который здесь жил перед ним? Действительно, с ума можно сойти.

В дверь постучали, осторожно, негромко, но

по-хозяйски. Александр поднялся с кресла и открыл дверь.

— Входите.

— Директор Солюхин. Андрей Павлович. А вы — Григорьев.

— Да, Александр. Проходите. Садитесь.

Директор, стройный, подтянутый, похожий на крупного научного работника, прошел, сел в кресло и дотронулся пальцем до корпуса телефона. Александр сел рядом на край кровати и машинально взглянул на часы.

— Понимаю. Времени у всех в обрез. Буду краток. Вы, Александр, уже пользовались этой штуковиной? — Директор осторожно щелкнул телефон. — Действует?

— Пользовался. Действует как аттракцион «американские горки». Аж дух захватывает.

Директор рассмеялся.

— Ах, молодежь! Крепкие у вас нервы. Значит, он вам не мешает жить?

— Да как вам сказать... Ничего страшного, но и не особенно приятно.

— А другие бегут.

— Я знаю. Видел.

— Так вот, Александр, этим феноменом заинтересовался ученый мир.

— Откуда же ученый мир узнал?

Директор непонимающе посмотрел на Григорьева:

— Я сам сообщил. По долгу службы.

— Ну-ну.

— Сегодня вечером в эту комнату явится комиссия. Человек пять. Понимаете?

— Понимаю. Выметаться, значит, надо.

— Что вы? Наоборот! Вы как представитель пострадавших...

— Я не пострадавший. Этот телефон не нанес мне никакого ущерба.

— Ну, хорошо. Как свидетель. Устраивает вас это?

— Допустим.

— Вы, как свидетель, можете быть полезны комиссии. Наверное, придется отвечать на вопросы или продемонстрировать феномен. Мало ли что еще. Словом, я попросил бы вас сегодня вечером, часиков в семь, быть у себя в номере. Как вы?

Александра это не устраивало, но взгляд директора молил.

— Ладно. Буду в семь.

История с этим телефоном заняла слишком много времени. Теперь Александра могло выручить только такси. И случай сразу же улыбнулся ему, как только он вышел из корпуса, таща в руке помятый плащ.

На главпочтамте девушка, выдающая корреспонденцию до востребования, приветливо улыбнулась ему как хорошему знакомому и развела руками, прибавив:

— Наверное, еще пишут.

«Если бы так», — подумал он с тоской.

У главпочтамта он позвонил из автомата Бакланскому, но того уже не оказалось дома.

Тогда Александр снова поймал такси и через десять минут уже был у проходной своего головного научно-исследовательского института, где и должна была проходить защита.

В бюро пропусков Григорьев встретил Анатолия Данилова. Тот изучал карту достопримечательностей Марграда, висевшую на стене.

Пропуска, наконец, были выписаны. Григорьев и Данилов благополучно миновали проходную, поплутали по этажам института и нашли нужный отдел.

Бакланский был уже здесь. Он сразу же начал представлять своих сотрудников различным начальникам, кандидатам и докторам наук. С первого раза Григорьев запомнил только троих: заместителя директора института по научной части Анатолия Юльевича Согбенного, толстого человека лет пятидесяти; начальника отдела Громова Игоря Андреевича, высокого стройного старика, немного чопорного, которого сразу же представил себе одетым в черный фрак; и начальника лаборатории Владимира Зосимовича Карина, руководящего работами, несколько похожими на исследование группы Бакланского. Данилов же, впервые попавший в такую ученую компанию, не запомнил от волнения ни одной фамилии.

Григорьеву много раз приходилось работать и встречаться с различными руководителями и администраторами. И всегда он не мог отделаться от чувства, что его по ошибке принимают за своего родного сына. Добродушие и радость были настолько неподдельными, что ему становилось немного стыдно. Впрочем, Григорьев знал — они могли так же дружелюбно высечь, раздолбать идею, разложить ее на жалкие косточки и сравнить с землей. И при этом на них невозможно было сердиться.

Комиссия должна была начать работу в десять часов. Шел одиннадцатый, но собрались далеко не все. Особенно члены комиссии, которые являлись представителями других институтов и проектных организаций.

Бакланский был весел, оживлен, всех смешил, рассказывая анекдоты. И только тот, кто хорошо знал его, например, Григорьев, мог заметить, что Виктор Иванович сильно нервничает. Незаметно для одних и вполне естественно для других он прощупывал почву. Когда нужно, Бакланский умел быть обаятельным человеком. Виктор Иванович был опытным волком в делах, касающихся защиты тем. Он уже успел выяснить, как относятся к их отчету те, кто будет разрабатывать тему дальше, и те, кто проводил работы, несколько похожие на их собственные.

Члены комиссии разгуливали по коридору. Бакланский выбрал момент и спросил у Григорьева:

— Как — устроился с гостиницей?

— Хорошо, Виктор Иванович.

— Ну и отлично. А если бы не повезло, мог позвонить мне. У меня отец болеет, но устроить можно. А старик, так тот был бы чрезвычайно рад. — В его голосе было столько искреннего участия, что Григорьеву даже стало чуть-чуть стыдно за вчерашние мысли о своем шефе. — А ты, Толя, нашел свою тетку?

— Нашел, — ответил Данилов. — Все нормально.

В коридоре на стенах висели газеты лабораторий, разнообразные, яркие, привлекающие внимание стенды и плакаты, фотографии лучших людей отделов. На одной из них Александр узнал вчерашнюю девушку из ресторана. Ее звали Галя Никонова. Фотографы, конечно, умеют делать фотографии, на которых все кажется красавцами и красавицами. Но здесь было что-то совершенно необыкновенное. Каждый понимает красоту по-своему. Так вот, для Александра эта девушка с фотографии вдруг предстала эталоном красоты. У нее было правильное овальной формы лицо с высоким лбом и искусно сделанной прической. Большие широко расставленные глаза, живые даже на фотографии. Нос прямой с продолговатыми нервными ноздрями, губы ярко очерченные...

На такое лицо можно смотреть сколько угодно, и оно не перестает нравиться, каждое мгновение поражая совершенством и красотой.

Ему почему-то захотелось увидеть ее, но он, конечно, не стал разыскивать ее по лабораториям. Для чего? Он просто вспомнил вчерашний вечер, вспомнил, как ей вчера хотелось танцевать. Вчера он мог познакомиться с Галей естественно. И она была бы рада, он это чувствовал. А сегодня она так же естественно может и не захотеть его видеть.

Он не влюбился в нее, нет. Просто он долго не замечал других женщин. А теперь он подумал, что, может быть, это будет началом его выздоровления. Что бы ни случилось, жить все-таки стоит... Все дело, однако, было в том, что он не хотел выздоравливать, не хотел, чтобы к нему вернулось серое, мучительно однообразное, если вдуматься, настроение.

Рядом остановился Анатолий, проследил направление взгляда Александра и сказал:

— Хороша! Я видел ее. Работает в лаборатории. Тебе нравится?

— Ради бога! — остановил его Александр. — Ничего не хочу про нее знать. Понял?

— Понимаю, — сказал Данилов и тихонько кашлянул.

Это означало, что он принял решение помочь своему товарищу. Он всегда и всем любил по-

могать, даже если эта помощь от него не требовалась. И теперь он мог вот здесь же в коридоре, хотя Галя ему тоже явно нравилась, познакомиться Сашку с ней и тихонько уйти, оставив их вдвоем. И тогда Григорьев не знал бы, что ему с ней делать, о чем говорить. Поэтому он предупредил, чуть резковато, но искренне:

— Толька! Учти, что я просто подошел и посмотрел. Мне нравится совершенно другая женщина.

Данилов понимающе кивнул, но не поверил.

Комиссия, наконец, собралась вся, и их пригласили в кабинет начальника отдела Громова.

Григорьев шел рядом с Бакланским и неожиданно для самого себя спросил:

— Виктор Иванович, а почему вы все-таки взяли на защиту меня, а не Соснихина или Бурлева?

Бакланский вздрогнул и удивленно посмотрел на Григорьева, потом, как ни в чем не бывало, спокойно сказал:

— Ты нашел очень подходящее место, чтобы задавать ненужные вопросы... Тебе ведь хотелось поехать в Марград? Вот ты и в Марграде. А Соснихин и Бурлев и так часто ездят по командировкам. Доволен ответом?

— Доволен, — ответил Григорьев. Он понимал, конечно, что Бакланский говорит неправду, но выяснять сейчас что-либо было действительно не место.

— А почему у тебя возник такой вопрос? — спросил Бакланский.

Все уже рассаживались за огромный стол.

— Звонил мне... спрашивал, почему я здесь оказался...

— Кто звонил? — теперь Бакланский был настоящему заинтригован. — Когда звонил?

— Да так... ерунда какая-то.

— Когда звонил?

— Вчера. В гостиницу.

— Ты говорил кому-нибудь, в какой комнате гостиницы остановился?

— Нет, конечно. У меня и знакомых-то здесь нет...

— А голос? Голос хоть немного знакомый?

— Голос очень знакомый. Я пытался вспомнить, ничего не получается. Мистика какая-то.

— Он назвал себя?

— Да, сегодня утром.

— Так он и сегодня звонил тебе. Кто же он?

— Назвался Александром Григорьевым.

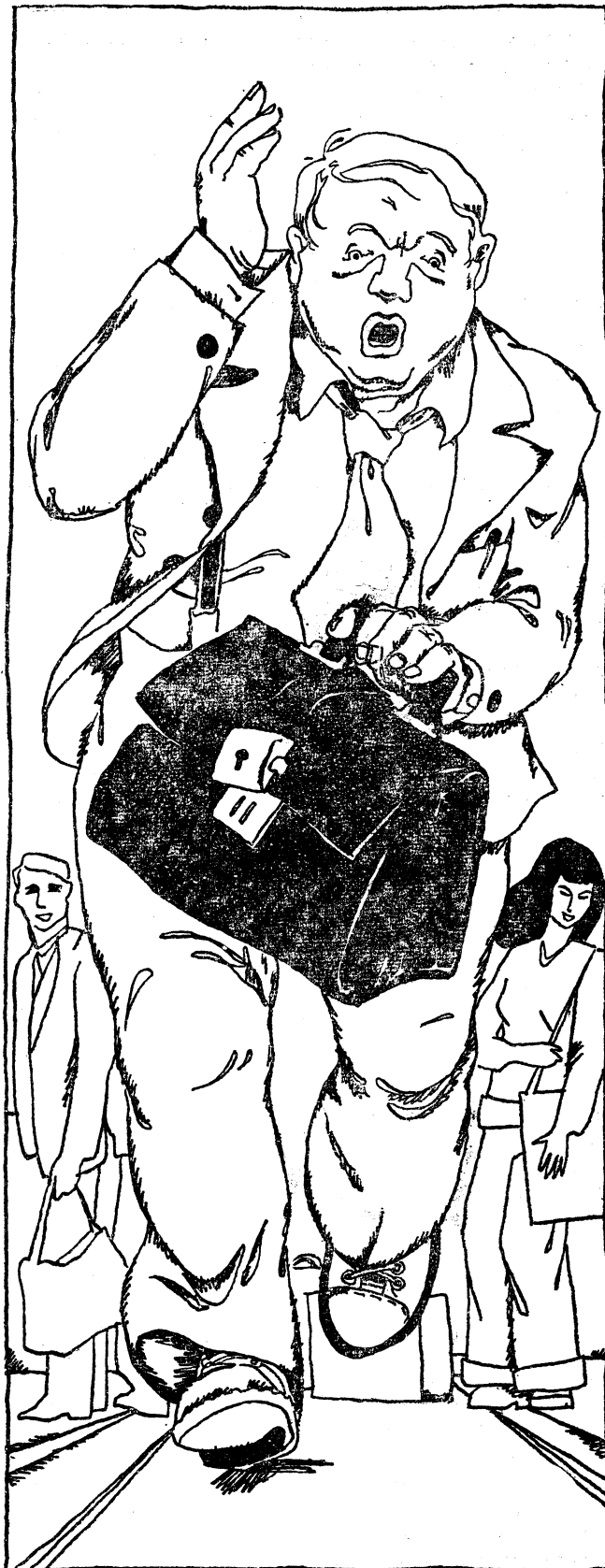
— Однофамилец? Странно, странно. Может, родственник? Хотя все равно это ничего не объясняет.

— Таких родственников у меня нет... Собственно, звонил не он, а я сам.

— Час от часу не легче. Кому и зачем ты звонил? Накануне защиты!

— Я звонил по собственному номеру.

Бакланский сразу обиделся:

— И у тебя шуточки в стиле Соснихина. Помощнички!

Соснихина он терпеть не мог за его неиссякаемый юмор.

— Я на самом деле звонил по собственному номеру. Не верите? Приезжайте ко мне в гости-ницу.

— Глупости, ерунда. Собственный номер всегда занят. Когда ты поднимаешь трубку, номер уже занят. Господи, ну что за глупости приходят людям в голову? Тут о другом должна голова болеть. Тема, наше СКБ, люди...

— Вот она у меня и начала болеть. Причем, не здесь, а еще в Усть-Манске.

— Смотри, Григорьев. Всякие выходки здесь неуместны. — Настроение Виктора Ивановича мгновенно стало тоскливым-тоскливым. Но он взял себя в руки. Он умел это делать.

— Итак, товарищи, — сказал Анатолий Юльевич Согбенный, председатель комиссии. — Позвольте, я зачитываю приказ министерства от девятнадцатого сентября. — Он назвал номер приказа, наименование темы, фамилии членов комиссии и фамилии людей, которым было разрешено присутствовать на защите.

Это была обычная формальная процедура перед началом защиты.

Несколько экземпляров отчета лежало на столе. Члены комиссии должны были ознакомиться с ними. Хотя, как Григорьев знал, читали в основном техническое задание, выводы и рекомендации. И только кто-нибудь, обычно самый молодой из членов комиссии, который присутствовал на подобной защите впервые, удосуживался прочесть весь отчет. Но это, однако, не говорило о том, что комиссию можно обвести вокруг пальца. Это были опытные люди. Они обычно на лету схватывали все самое основное и очень тонко чувствовали всякие подвохи и слабо проработанные места.

Одним словом, если Бакланский и не подавал виду, что волнуется, то это делало ему честь. Вернее, честь его выдержке. Тема, которую приехала защищать группа Бакланского, была, конечно, не совсем доработана. Это чувствовали все исполнители. Но им приходилось защищать и не такие темы. И они всегда выкручивались.

Первое слово было предоставлено Бакланскому. Демонстрационные плакаты и графики были уже развешаны на одной из стен кабинета. Они были выполнены в цвете, с большим изяществом и вкусом.

Виктор Иванович заговорил хорошо поставленным голосом. У него — прирожденный дар оратора. Своим голосом он мог заморозить любую аудиторию, неслышными шагами он передвигался вдоль стены, водил по цветным диаграммам указкой и говорил.

Его группа работала над созданием устройства по автоматическому распознаванию речи. Для проверки принципа автоматического распознавателя был создан фонетограф. Это огромное устройство состояло из микрофона, усилителя, распознающего устройства и электрической пишущей машинки. Для них это устройство служило просто инструментом проверки правильности гипотезы. Но в принципе его можно было использовать как самостоятельный аппарат. Например, для диктовки в микрофон текста доклада или научной статьи, чтобы получить на выходе устройства тот же текст уже отпечатанным. Другими словами, это устройство могло решить проблему автоматизации труда машинисток и стенографисток. А сотрудники вычислительных центров смогли бы вводить данные в математические машины, просто диктуя их в микрофон.

Решение проблемы, которая стояла перед ними, нельзя было переоценить. В системе «человек—машина» больше не было бы промежуточных звеньев и составление программы значительно упростилось бы.

И еще одну проблему могла бы решать их система. Проблему передачи информации на большие расстояния при уровне сигналов измеримых или даже меньших, чем уровень помех. Для демонстрации этой возможности Бакланский, Григорьев и Данилов почти двое суток устанавливали свою машину на телефонной станции.

Результаты их работы были пока еще скромными. Машина могла распознавать всего лишь семьсот слов. Но, как говорят, лиха беда начало. В принципе более мощную машину можно было создать уже сейчас. Вот только какие бы у нее получились габариты и вес? Об этом в отчете не говорилось ничего.

Некоторые исполнители давно чувствовали, что избрали не совсем правильный путь. Но Бакланский умел убеждать и доказывать. Кроме того, он работал над докторской диссертацией. На теме, собственно, и основывалась его диссертация. Работать он мог почти без всяких передышек, заражая всю лабораторию верой в успех и неистощимой энергией. Когда же сотрудники лаборатории скисали, он просто давил на них своим авторитетом, своей эрудицией, рассуждениями о государственной необходимости их работы...

Виктор Иванович кончил говорить, уложившись в точно отведенное ему время. Это свойство обычно очень ценится комиссиями. Следующим по распорядку дня должен был выступить Григорьев. Пока снимали графики и развешивали схемы и чертежи, нетерпеливые члены комиссии успели задать Бакланскому несколько вопросов. Но Виктора Ивановича нельзя было так просто заставить врасплох. Он пообещал ответить, но сде-

лал это так громко и в такую подходящую среди шума паузу, что председательствующий вынужден был напомнить, что вопросы должны задаваться позже. Все согласно закивали и успокоились.

Григорьев начал рассказывать о принципиальной схеме своей аппаратуры. Причем, как было условлено у него с Бакланским, особое внимание уделял применению в ней микромодулей, прочих микродеталей и интегральных схем. Сам он, честно говоря, не видел в их применении особого достоинства, особой заслуги своей группы, но в техническом задании был пункт об интегральных схемах, и Бакланский строго-настрого приказал ему остановиться на этом особом. Вот он и шпарил сейчас терминами из полупроводниковой техники.

Григорьев не успел уложиться в отведенное ему для доклада время, но когда сел на свое место, Бакланский шепнул, что это даже хорошо. Комиссия очень дорожит временем, и теперь вынуждена будет ограничиться вопросами, ответы на которые содержались в его, Бакланского, докладе, но были им пропущены. Они всегда старались делать так, специально упуская в докладах некоторые важные моменты, чтобы члены комиссии вынуждены были задать вопросы. В этом усматривалось два плюса. Во-первых, ответы на предполагаемые вопросы были уже готовы, во-вторых, некоторые члены комиссии считали, что они сами додумались до каверзных вопросов, и были весьма довольны собой и даже проникались к защищающимся уважением и доверием. На самом же деле доклад строился так, что эти вопросы, не страшные для исполнителей, просто-напросто логически вытекали из него.

Выступления Бакланского и Григорьева заняли часа полтора, и поэтому председательствующий Анатолий Юльевич Согбенный объявил перерыв, которого любители покурить ждали со все нарастающим нетерпением.

Не успел Григорьев выйти в коридор, как к нему подошел начальник лаборатории Владимир Зосимович Карин. Голова у него была совершенно седая. А улыбался он так добродушно и понимающе, что невольно вызывал у собеседника ответную улыбку. Он подошел к Григорьеву, трудно переставляя ноги, и сказал:

— А вы, мальчики, кота в мешке привезли, — Карин не осуждал, просто констатировал факт. И не успел Григорьев возразить, как он продолжил: — Но это ничего. Защититесь. Проблемка-то модная, да и сложна. С ходу не взять.

— Должны защититься, — согласился Григорьев.

— А почему вы пошли по этому пути? Ведь метод простого увеличения параллельных блоков приведет вас к тому, что ваша аппаратура

станет высотой с Монблан. И все равно с вершины этой горы решения проблемы не увидишь.

— Вообще-то мы пытались ухватить проблему с разных сторон. Для частных решений наш метод, наверное, наиболее совершенен.

— Но ведь не устройство же для программного управления станками вам нужно сделать? Для этого, конечно, хватило бы и ста слов. А так вы рискуете зайти в тупик.

К ним подошел Бакланский.

— Ну что, Владимир Зосимович? Как тут поживает Марград? Жары-то как не бывало. В такой прохладный вечер и рюмочку пропустить не худо!

— Было бы время, — усмехнулся Карин.

— А что? Сегодня вечер занят?

— Вечером нужно успеть еще в одну комиссию.

— На износ работаете, Владимир Зосимович, а то бы поговорили, — продолжал Бакланский. — Александр вот у меня еще не был.

— Спасибо, Виктор Иванович. Но мне сегодня нужно в семь обязательно быть в гостинице, — сказал Григорьев.

— Ну ладно, заняты, так заняты. Коньяк, он не портится. А как, Владимир Зосимович, настроение у комиссии?

— Обычное. Одним поскорее смотаться надо, а другим все равно, где сидеть.

— Ну-ну, — потер руки Бакланский.

— Тут вот только один представитель какого-то института на вас зуб точит.

— Какого института? — мгновенно преобразился Бакланский и стал сосредоточенно внимательным.

— А тот товарищ, что сидит рядом с вами. Высокий такой.

— Ростовцев? Так это же представитель института, который будет продолжать вашу работу. Они же второй этап делать будут!

— Да?.. Там хитроватые мужички сидят, — сказал Карин.

— Им бы только отбояриться от данной работы. Тема хлопотная, а денег не так уж и много.

— Было бы с чего начинать. Может, поэтому? — спросил Карин.

— Начинать есть с чего, — твердо ответил Бакланский и добавил: — Извините, Владимир Зосимович.

Он отвел Григорьева в сторону и спросил:

— Послушай, Александр. Так кто же тебе все-таки звонил?

— Не знаю, Виктор Иванович. Давайте попробуем позвонить вместе.

— Да куда звонить-то?

— По собственному номеру телефона. Может, это не только в гостинице.

— Ничего не понимаю. Толком можешь объяснить?

— Не могу. Тут надо самому испытать.

— Это в твоей гостинице, в твоём номере чудеса происходят. А весь остальной мир нормален и занимается полезными делами.

— Вы правы. Но проверить не долго.

— Сейчас не могу, да и не верю.

— Не хотите, я один схожу.

Кто-то взял Бакланского под руку, а Григорьев пошел искать телефон.

В гостинице он звонил по собственному номеру. Может, с другими телефонами ничего не получится? Да и не должно получиться. И ни с одним телефоном в мире.

В лаборатории он заглядывать постеснялся и поэтому дошел до самой приемной. Там он попросил у секретаря разрешения и набрал на диске номер, написанный на самом телефоне. Это был идиотский эксперимент. Григорьев понимал не хуже Бакланского, что ему должны, как обычно, ответить частые гудки. Но в трубке что-то щелкнуло и затем раздалось:

— Слушаю, Сашка.

— Так, значит, с любого телефона к тебе можно звонить?

— Наверное, не знаю... Как у тебя настроение? Защищаетесь?

У Александра вдруг пропало всякое удивление, и он спокойно, как при обыкновенном телефонном разговоре с хорошо знакомым человеком, сказал:

— Начали потихоньку...

— Мы тоже начали. И в голове сейчас всякие бунтарские мысли бродят. Бакланский узнает — с ума от злости сойдет.

— У меня тоже всякие дикие мысли в голове... Постой, так значит, и у вас есть Бакланский? — спросил Григорьев.

— Есть.

— А откуда ты говоришь? И нельзя ли нам встретиться? Интересно, все-таки. Такое странное совпадение.

— Я говорю из приемной института. — И он назвал институт.

Григорьев переспросил его, хотя ответ уже знал:

— В Марграде?

— Конечно, в Марграде.

Вот так. Он звонил из Марграда, из того же института, что и Григорьев, из той же приемной, по тому же самому телефону. В таком случае Григорьев мог разговаривать только сам с собой.

— Ну и что ты намерен делать? — спросил тот Григорьев.

Александр промолчал.

— Все ждешь письма?

— Жду, жду! — выкрикнул Александр и бросил трубку на рычаг.

Ему было плохо, ему нужно было письмо. Оно должно прийти на почтамт. Пусть на листке

будет хоть одно слово «Нет!», но ответ должен быть. И как это ни нелепо было, он вдруг понял, что в командировку поехал только из-за нее...

В коридоре, когда он вышел из приемной, все еще разгуливала комиссия. Да и сотрудники лаборатории тут же курили. Словом, было оживленно, как на Главном проспекте. Навстречу попался Бакланский, уже о чем-то разговаривающий с председателем комиссии.

— Ну что ж, пора заканчивать перекур, — сказал Анатолий Юльевич. — Давайте, товарищи, продолжим работу.

Бакланский задержался и сказал:

— Александр, ты выбрось всякую ерунду из головы. Сейчас начнется самое главное.

— Я снова с ним разговаривал, — сказал Александр. — Можно с любого телефона. Попробуйте, интересно ведь.

— Черт бы вас побрал! — вдруг озлился Бакланский. — У одного блажь в голове, другой из буфета не может вылезти.

Тут и у Григорьева в душе что-то взорвалось:

— Тогда зачем же вы меня с собой взяли? Чтобы я как попугай повторял все, что скажете вы?

— Успокойся, Александр. Люди же смотрят.

— Постараюсь, — буркнул тот.

Он отстал от своего шефа и задержался возле стенда, на котором висела фотография хорошей девочки — Гали Никоновой. Нет, она определенно действовала на Александра положительно — успокаивала, ободряла. Настроение у него сразу улучшилось, и он спокойно вошел в кабинет, где уже рассаживалась комиссия.

Бакланский сидел возле телефона, и вид, надо честно признать, был у него жалкий и растерянный. Он положил трубку на рычаг и посмотрел на номер телефона. Александр подумал, что шеф сейчас звонил тоже по собственному номеру. Виктор Иванович отошел от телефонного столика и сел рядом с Григорьевым.

— Чертовщина какая-то! — сказал он.

Но Бакланского не так-то просто выбить из колеи. Он уже снова был жизнерадостен, полон сил и энергии.

— Ты вот что, — сказал он Григорьеву, — ты в прениях не выступай.

— Почему же? — удивился Александр. В другой раз он бы только обрадовался этому. Но сейчас тон Бакланского ему не понравился. — Я тоже хочу высказать свои мысли.

— Кому они нужны?! Еще брякнешь что-нибудь.

— Значит, Виктор Иванович, уже началась паника? Или просто плохие предчувствия?

— Конечно, — сказал Бакланский, — в нашей работе есть определенные недостатки. А где их нет? Но все-таки тему мы должны защитить. Понял?

Понял, конечно. На карту поставлена не только тема сама по себе, но и труд всего СКБ, его руководителей, инженеров, техников. Одно смущало Григорьева. Никогда ранее мысль о бесполезности или явной недоработке их темы ему и в голову не приходила...

Председатель комиссии предложил задавать вопросы. Вопросы, естественно, делились на три типа. О принципиальной стороне дела, о его схемном решении и об экспериментальных результатах. Первое относилось к Бакланскому, второе — к Григорьеву, а третье, по-видимому, опять к Бакланскому. Анатолию Данилову Виктор Иванович наверняка бы не разрешил отвечать на вопросы. Тот мог или не понять существа вопроса, или ответить по простоте своей чистосердечно и честно. Анатолий на этой защите был как бы некоторым дополнением к их экспериментальной установке.

На защите не принято отвечать на вопросы немедленно. Нет. Комиссия задавала вопросы, а исполнители пока только записывали их. Причем, Бакланский записывал все, а Григорьев только то, что относилось к нему. Уже в самих вопросах была некоторая путаница, неразбериха. Это означало одно: мало кто из членов комиссии удосужился тщательно изучить отчет. Многие, конечно, пролистали его мельком, а некоторые — мало заинтересованные этой темой — не читали вовсе. Совместными усилиями они, конечно, дойдут до всего. Однако сколько до этого момента наслаивалось глупых и наивных вопросов! Но Бакланский был этому только рад. Вопросы позволяли ему отвечать изящно, с юмором, занимали время. А ведь всем известно, что любая комиссия всегда торопится.

Наконец, все вопросы были заданы. Комиссия немного подустала, и все мирно пошли обедать.

Столовая располагалась на двух этажах. Григорьев потолкался на одном этаже столовой, потом спустился на другой. Есть не очень хотелось. Можно было зайти в буфет и выпить пива. Он так и хотел было сделать, но вдруг увидел ту самую хорошенькую, милую девушку — Галю Никонову. И тогда он подошел к ней и сказал: — Галя, вы пропустите меня без очереди? Впереди себя.

Сначала она посмотрела на него удивленно и насмешливо, потом узнала и сказала:

— А я думала, что вы обедаете только в ресторанах.

— Это только когда вы там, Галя.

— А я и была-то там впервые. Правда, Любаша? — обратилась она к подруге, в которой Александр узнал ее вчерашнюю спутницу. Любаша посмотрела на него с улыбкой и кивнула копной светло-желтых волос.

— Я сомневаюсь, что этот... — сказала она.

— Саша, — подсказал Александр.

— ...что этот Саша обратил вчера на нас внимание. Он был так поглощен своим шашлыком.

— Я тоже хочу есть, — сказал подошедший Данилов.

— Ну вот, еще один! — недовольно и громко сказал кто-то из стоящих в очереди.

Григорьева передернуло и он решил стать в конец очереди, но тут раздался добродушный голос Карина:

— Да что вы, ей-богу! Это же наши дорогие гости из Усть-Манска.

За стол они уселись вчетвером: Галя, Любаша, Анатолий и Александр. Незаметно разговор перекинулся на то, как приезжие устроились с жильем. Сначала Данилов рассказал о своей тетушке, потом Александр о том, что произошло в гостинице «Спутник». Он рассказал и о комнате, и о телефоне, и о своем разговоре с Сашкой, не вдаваясь, правда, в подробности. Тут с иронией завспоминали о телепатии. А Григорьев возьми да и предложи:

— Вот кончим обедать и пойдемте звонить. А потом каждый расскажет, что услышал. Хорошо?

Ему, конечно, не поверили, но согласились. Побродили по коридорам, нашли телефон в пустующей комнате. Первым вызвался звонить Данилов, а две девушки, то смеясь, то приглушая смех и глядя на Григорьева преувеличенно серьезно, ждали, как же он будет выкручиваться, ведь ничего не произойдет.

Но Александр был уверен в себе и глубоко-мысленно изрек: «Вот так!», когда телефон сработал, а глаза Данилова полезли из орбит.

— К-кто гов-ворит? — растерянно спросил Анатолий.

— Так это не шутка? — удивилась Галя.

— Будет ваша очередь, — сказал Григорьев, — узнаете.

Данилов сначала заикался, потом перестал, а в конце заговорил бодро и даже рассмеялся.

— Ну что? — спросил Григорьев, когда тот повесил трубку.

— Это, конечно, разыгрыш, но только я не знаю, как ты это устроил.

— Я ничего не устраивал.

— Да что же вам сказали? — нетерпеливо спросила Любаша.

— Кто-то, знающий меня по имени, заявил, будто я хочу, чтобы мы все четверо провели вечер вместе... Но... но я сам хотел это предложить. А? Как вы? Договорились?

— Но я... — начала было Любаша. — Нет, давайте сначала все позвоним.

— Давайте, — согласились остальные, а Данилов вдруг выгнул грудь колесом и стал очень похож на красавца улана, только что надвое разрубившего врага. Это превращение означа-

до, что жизнь хороша, и Анатолий доволен собой.

Любаша набрала номер и ей, конечно, тоже ответили. Она смешно зажала трубку обеими ладонями и говорила в нее, повернувшись к остальной спиной. Она говорила и отвечала односложно: «Откуда вы знаете?.. Да... Нет... Конечно... Хорошо...» Потом она облегченно вздохнула, повесила трубку и повернулась уже успокоенная, довольная и даже веселая. Смешинки так и прыгали у нее в глазах.

— Ну что? Что тебе сказали? — затормошила ее Галя.

— Ой, девочки! — сказала Любаша. — Это или гипноз, или... Скажите, — она ткнула Григорьева пальцем в грудь, — откуда вы все знаете?

— Ничего я не знаю.

— Но вы же видели вчера Игоря?

— Игоря?

— Да. Так вот, она сказала, чтобы и Игорь был с нами...

— Кто это — она? — спросила Галя и потянулась к трубке.

— Я бы и сама хотела знать.

— Любаша говорила с Любашей. Так ведь? — спросил Григорьев.

— Так, — удивленно ответила девушка. — Она назвала себя Любашей.

— Любашей? — повторила Галя рассеянно. — Я тоже попробую.

Она говорила чуть испуганно и недоверчиво, но последняя фраза вырвалась у нее произвольно:

— Да, нравится... Ну и что?.. Нет, все равно! Теперь Любаша трясла ее за руку:

— Что тебе-то говорили? Что тебе нравится?

— Нравится? — переспросила Галя. — Мы говорили... о платьях. Мне нравится голубое.

— У тебя ведь и нет такого...

— Нет, — согласилась Галя. — Ну, в общем, это не важно. Она сказала, что мне нравится эта идея насчет сегодняшнего вечера. И это действительно так. Какая разница, как провести вечер.

Она была чем-то расстроена, словно ей сказали колкость, на которую она не нашла чем ответить. Александр почти не знал эту хорошенькую девочку Галю Никонову, но чувствовал, что если и та Галя похожа на эту, то она не могла сказать ничего грубого, злого. Хотя, возможно, это была мягкая правда, которая иногда жестче грубой.

Настроение у девушки изменилось, это было заметно. Она пыталась вызвать в себе прежнюю легкость и веселость, но ей это плохо удавалось.

Теперь настала очередь звонить Григорьеву.

— Сашка, — сказал он и замолчал, потому что не знал, что говорить дальше.

— Вот что, — тоже после некоторого молча-

ния заговорил тот Александр. — Неужели ты думаешь, что кто-то поможет тебе забыть ее?

— Нет. Но я бы и не согласился, будь это даже возможным.

— Вдруг ответ уже есть?

— Я поеду сразу же после работы.

— А этот вечер в компании с девушками? Тебе нравится Галя?

— Нравится. И многим, наверное. Что ж из этого?.. А от вечера я, пожалуй, откажусь. Их будет четверо, а я — пятый лишний. Да у меня же вечер занят! В семь часов комиссия начнет выяснять, кто ты такой и почему мы можем разговаривать.

— Тебе не кажется, что ты смутил душу этой девушки?

— Нет, нет. Конечно, нет.

— Ну, хорошо. А защита?

— Защита, кажется, пройдет нормально.

— А что будет после?

— Что будет?

— Кто-то ведь должен будет разрабатывать технический проект.

— Это уже нас не касается.

— Да, вас это уже не касается.

Тот, другой Александр, неожиданно положил трубку. Григорьев пожал плечами и положил свою. Хорошо тому, знающему, по-видимому, все.

Данилов смотрел на Григорьева настороженно. Любаша с любопытством, Галя с каким-то смешанным чувством недоверия и презрения.

— Говорите же! — чуть ли не приказала она Григорьеву.

— Вечером мне нужно быть в гостинице. Там меня будет ждать очередная комиссия. В семь часов.

— Какая еще комиссия? — удивился Данилов. — Что за ерунда!

— Не я ее выдумал. Авторитетная комиссия. Вы же, вероятно, хотите знать, с кем только что говорили? И я хочу. И многие другие.

— Пошли, — Галя потянула подругу за локоть. — У Александра, видимо, много забот. Непорядочно было бы отвлекать его.

— Стойте же, — задержал их Данилов. — Он же хороший парень, этот Григорьев. Не может, значит, не может. Но мы-то встретимся вечером? Ну кто-то ведь должен показать мне вечерний Марград?

...Комиссия уже наполовину втянулась в кабинет, когда Григорьев все же нашел знакомый коридор и прошел мимо фотографии Гали Никоновой. С фотографии она смотрела на него очень серьезно и чуть осуждающе.

Кое-кто, извинившись перед председательствующим и сославшись на срочные дела, уже сбегал. Это были люди, менее других заинтересо-

ванные в теме, люди, которым было все равно, попавшие в комиссию волей непонятных стечений обстоятельств. Они, конечно, придут, чтобы расписаться в приемочном акте, и подпишут все, что бы в нем ни заключалось.

Но до этого акт еще должен быть составлен. И как составлен! Бакланского мало радовало уменьшение рядов представительной комиссии. Но он был тверд и непоколебим в решении постоять за свое СКБ, за своих работников. Можно было поклясться, что сейчас в голове у него нет ни одной мысли, которая бы не касалась темы. Бакланский был собран и уверен.

— Товарищи! — сказал председательствующий. — Сейчас Виктор Иванович будет зачитывать вопросы и отвечать на них. А задавший вопрос пусть, пожалуйста, представится. Мы тут собрались из разных организаций и городов и пока еще не очень хорошо знаем друг друга. Но, я думаю, у нас будет время познакомиться поближе.

— Будет, будет! — зашумели некоторые члены комиссии, выразительно подмигивая друг другу.

— Итак, товарищи, начнем. Пожалуйста, Виктор Иванович.

Анатолий Юльевич сел с таким видом, словно он сделал наиболее важную и тяжелую часть возложенной на него работы.

— Можно мне отвечать, не вставая? — спросил Бакланский.

— Конечно, Виктор Иванович!

— Первый вопрос, — начал Бакланский. — Может ли наша система решить проблему словесного ввода программ в вычислительные машины?

— Это мой вопрос, — чуть привстал молодой человек, сидевший напротив. — Марград. Институт автоматизированных систем управления. Кандидат наук Стеблин Виктор Викторович... Только в моем вопросе пропущено одно слово. Может ли ваша система полностью, — он еще раз подчеркнул, — полностью решить проблему...

— Все понятно, — перебил его Бакланский и просиял, словно ему сказали комплимент. — Поскольку это наиболее общий вопрос, то нам необходимо договориться, что значит «полностью», что означает «словесный ввод программы» и что такое «вычислительная машина».

— Ну, знаете ли! Мы так долго прозаседаем, — недовольно сказал Стеблин. — Тут, по моему, можно ответить просто и коротко.

— Это только вопросы можно задавать просто и коротко. Да и то — на первый взгляд. Вы можете дать определение, что такое вычислительная машина, и учесть при этом философскую, техническую, информационную и прочие стороны этого понятия?

— Конечно, — полез в бой молодой кандидат наук, но уже через две минуты вынужден

был сдать свои позиции. Бакланский закидал его вопросами так, что даже непонятно стало — кто же здесь защищается?

— Вот видите, — сказал Бакланский. — Я, конечно, не могу ответить на данный вопрос, поскольку составляющие самого вопроса не имеют точного определения.

— Товарищи, — сказал Анатолий Юльевич, который как раз в это время отвлекся от мыслей по предстоящей на следующей неделе конференции и вслушался в спор. — Прошу задавать вопросы конкретно и чтобы они не выходили за рамки технического задания. Прочие вопросы можно задавать в кулуарах.

Бакланский, конечно, допек этого кандидата из НИИАСУ. Ясно стало, что в дальнейшем Стеблин поостережется задавать вопросы во время заседаний, но в перерывах будет долго и нудно ходить за Бакланским, дергать его за лацкан пиджака и выяснять, в чем же заключается философская проблема компьютеров, чтобы хоть как-то вернуть себе утраченное расположение духа.

— Пробовали ли мы применить другие идеи для составления функциональной схемы? — зачитал вопрос Бакланский.

— Это мой вопрос, — сказал начальник отдела Громов.

— Конечно. На этапе предварительной проработки задания мы рассматривали и другие варианты. На совместном заседании заказчика и исполнителей был одобрен именно этот вариант.

— Как?! — взвился сидящий рядом с Бакланским Ростовцев — представитель института, который должен был разрабатывать технический проект. — Разве такое совещание было?

— Было, — спокойно сказал Бакланский. — В феврале прошлого года. Протокол совещания подписан обеими сторонами и без особых мнений.

— Но почему же нас не...

— Спокойно, товарищи, — попросил Анатолий Юльевич. — В работе должен быть порядок.

— Но почему же нас не поставили в известность?! Заказчик заказчиком, но ведь продолжать-то работу нам!

— Состав совещания утверждали вышестоящие инстанции, — сказал Бакланский. — Обратитесь к ним. Хотя прошло уже полтора года.

— И мы только сейчас узнаем об этом?!

— Разве это наша забота — информировать?

— Ну, хорошо. По чьей инициативе было созвано совещание? — спросил Ростовцев. Выражение лица его было растерянным, словно он получил неожиданный удар в спину.

— Мне отвечать на вопрос? — спросил Бакланский у председателя.

— Товарищи, ради бога, давайте по порядку. Так мы прозаседаем всю неделю. Игорь Андреевич, вы удовлетворены ответом?

— Ни в коей мере! — ответил Громов, и его сухая стариковская фигура еще более вытянулась. — Интересно было бы посмотреть этот протокол, Сергей Сергеевич, — обратился он к представителю заказчика. — Было такое совещание?

— Кажется, было, — Сергей Сергеевич Старомытов вопросительно и чуть испуганно посмотрел на Бакланского.

— Господи, неужели меня сейчас начнут уличать во лжи? — тихо спросил Бакланский.

— Да, да, было, — поспешно сказал Сергей Сергеевич.

— Вы же заказчик! — удивился Громов. — Вы деньги платите за работу! Мы все можем подписать акт о приемке темы, но ведь кашу-то расхлебывать будете вы!

— Мы... — Сергей Сергеевич чуть было не сказал, что они только платят деньги... Странно запутаны иногда финансовые дела. Хотя и в этом, наверное, есть смысл. Своеобразная перекачка денег из одного министерства в другое, или из главка в главк. Тему финансирует одна организация, а делается она для другой. Первой все равно, что там делается, а вторая не имеет никаких юридических прав, если только в ней не найдется пробойный мужичок, который все расставит на свои места. — Мы проводили такое совещание. Меня лично, правда, там не было.

Я недавно занимаюсь этой темой. Но протокол был. И это направление одобрено.

Такое совещание действительно было, вспомнил Григорьев. Приехал к ним представитель заказчика. Путешествие все-таки, да еще за государственный счет! Бакланский быстренько убедил его в необходимости создания совместного документа. «Чтобы дело двигалось без задержек». Кто теперь знает, что это был за специалист, скорее всего инженер в совершенно другой области, да еще с больной печенью или напротив — большой любитель повеселиться в чужом городе. Он и подписал протокол. Потом протокол ушел к заказчику. И директор организации-заказчика подписал его, раз внизу уже была подпись человека, который должен был разбираться в технике лучше самого директора. Соснихин тогда возражал, потому что выбор направления работ был далеко не обоснован, и этот протокол до какой-то степени связывал руки и самим исполнителям.

— Стало быть, есть два документа, — сказал Громов, — техническое задание и протокол согласования. Причем, второй документ необоснованно ограничивает первый, который, кстати, утвержден в министерстве.

— Милый ты мой Игорь Андреевич, — вступил в спор председатель, — что они, по-твоему, не выполнили пункты технического задания?

— Да как сказать? Получается, на мой взгляд, что-то вроде этого.

— Так сказать... что-то вроде... Игорь Андреевич, ты разве не знаешь, что это в акт приемки не запишешь? В акте все должно быть четко и понятно каждому. Ну не будут же в министерстве проводить работу по сравнению каких-то методов. Им там на это начхать. Для этого и создана наша комиссия, чтобы все переварить и подать в готовом виде. Такие-то пункты выполнены, такие-то требуют доработки, одни — за счет исполнителя, если их вина, другие — по дополнительному договору. Конкретно, какой пункт они не выполнили?

— Я, Анатолий Юльевич, сформулирую свою мысль в достойных выражениях позднее, но смысл моего вопроса и выступления в том, что товарищи сделали паровой велосипед. Вроде бы он и движется, но какой ценой?

— Опять: вроде бы, — улыбнулся председатель.

— Ну, ладно. Пробовали ли исполнители решить проблему распознавания образа не тривиальным методом, который, кстати, может завести только в тупик?

— Пробовали, — ответил Бакланский.

— Вы удовлетворены ответом? — спросил Согбенный.

— В высшей степени! — съязвил Громов и

как-то стал меньше ростом. — Большого, я вижу, тут не добьешься.

— Виктор Иванович, — перегнулся через стол Карин. — Соснихин ваш, да и Бурлев ведь были у нас. Кое-что мы им показывали, да и вы сами знаете. Почему же никакого упоминания в отчете. Ведь наше направление очень перспективно...

— Владимир Зосимович, — постучал ручкой по пепельнице председатель. — Что за тайные переговоры? Давайте придерживаться установленного порядка. Продолжайте, Виктор Иванович.

— Еще два слова по второму вопросу, — сказал Бакланский. — Я понимаю, что в науке, а особенно в технике, можно идти разными путями. Но путь, который нравится одним, не дискредитирует другой. И личные симпатии...

— Я удовлетворен вашим ответом, Виктор Иванович, — остановил его Громов. — Не трудитесь продолжать.

— Следующий вопрос.

Виктор Иванович зачитал его. Задавший вопрос представился. Им оказался товарищ из Перми. Вопрос был о гибкости в применении системы с различными исполнительными механизмами. Бакланский ответил четко и понятно. Пермчак остался доволен.

И еще на несколько вопросов ответил Виктор Иванович. Если вопрос касался чего-то хорошо

проработанного, то ответ был точен, предельно лаконичен и изящен. В этом уж Бакланскому нельзя было отказать.

— Может ли наша система распознавания образа служить в качестве секретарь-машинистки? Товарищ, наверное, имел в виду, может ли наша система печатать с голоса. — Кто-то хихикнул. — Может. Правда, специальные тексты. В отчете есть протоколы испытаний. А завтра, если распорядок работы комиссии не изменится, вы сможете увидеть это своими глазами.

— Что за специальные тексты? — спросил Ростовцев. — Нам ведь нужно печатать любые тексты!

— Я выскажу свои соображения, если меня пригласят на обсуждение вашего технического задания, — вежливо сказал Бакланский.

— Извините! Но вы все-таки могли бы пояснить.

— Могу. Тексты, состоящие из набора семисот-восьмисот слов.

— В протоколе сказано, только семьсот, — заметил Громов.

— Работы велись до самого отъезда. Есть дополнительные изменения в сторону улучшения работы системы.

— Протокол должен отражать полное состояние дел по теме, — сказал председатель. — Одного дня не хватило?

— Извините, но одного дня у всех не хватает, — сказал Бакланский с улыбкой, понимающей и доброй. — И у комиссии может не хватить.

— Судьба всех комиссий...

— И исполнителей тоже... Так я продолжу? Имеет ли значение тембр голоса говорящего, скорость речи, динамический диапазон?

— Старков. Марградская телефонная станция, — представил молодой человек, которому принадлежал вопрос.

— Динамический диапазон не имеет значения. На входе стоит устройство с автоматической регулировкой усиления. Скорость речи — в пределах нормальной человеческой, до ста слов в минуту. Тембр голоса имеет значение. Система настраивается на спектр с определенными формантами голоса. Но в каждом конкретном случае можно настроить систему на любой голос.

— То есть, вас система поймет, а меня не поймет?

— Да. А если точнее, то сейчас она настроена на форманты голоса нашего старшего инженера Анатолия Данилова.

— Сколько времени занимает перестройка?

— М... м... Несколько часов.

— Фью, — присвистнул кто-то.

— В том случае, если форманты очень различны. Но практически это не вызовет дополнительных трудностей. Ведь обычно с системой будет работать один оператор.

— Или два, — вставил Карин.

— Да... Может быть и два. Вам, — Бакланский обратился к Старкову, — как представителю АТС, наверное, будет интересно узнать, что система может быть использована, как увеличитель отношения сигнал — шум, то есть неразборчивую речь делать разборчивой. Для телефонной станции это должно быть очень интересно.

— И тоже только на определенный голос?

— Не совсем. Поскольку на другом конце провода в качестве приемника используется человек, возможности системы расширяются.

— Это понятно, — сказал Громов.

— Да. Конечно.

Прошло почти полтора часа. Председатель объявил перерыв.

В коридоре Бакланский сказал Григорьеву:

— Александр, защита, кажется, будет трудная. Кое-кому мы перебежали дорогу. Надо держаться дружно.

— Не дорогу мы перебежали, а лежим бревном на дороге.

— Черт тебя возьми! Ты сам напросился в эту командировку! Изволь слушаться и говорить то, что нам требуется... Анатолий вот понимает это, кажется.

— Мне что... — сказал Данилов.

— И то хлеб.

— А не будет ли честнее признать, что тему мы не выполнили? — спросил Григорьев.

— Кто тебе это внушил? В Усть-Манске ты говорил совсем другое.

— Прозреть никогда не поздно. Я знал и раньше, только меня это не очень касалось.

— Ты прозреешь... Из-за нимфы слюни распустил?

— Как вы смеете!

— Ах, да! Молчу, молчу! Твое дело. Но только, что касается меня, ты должен просто-напросто исполнять. Кто тебя надоумил?

— Я уже говорил, что задумывался над этим и раньше. А телефонные разговоры с моим двойником...

— Чтобы не слышал я больше об этом! Детство! Дурасты!

— Но ведь и вы, кажется, говорили со своим?

— Фокус это. Не стоит размышлений.

— На вас лица не было, когда вы положили трубку.

— Чушь!.. Мне, возможно, понадобится ваша поддержка.

— Тогда лучше отправьте меня в Усть-Манск.

— Ну, Григорьев! Ты...

Карин убеждал Громова:

— Игорь Андреевич, кое-что они все-таки сделали.

— Ну да. Спаяли грудку транзисторов, а для чего? Разве что-нибудь новое появилось в результате этого?

— Не всегда новое получается. И потом, ведь затрачен труд людей. Не пропадать же ему впустую.

— А он и не пропадет. Этот труд превратится, превратился уже в докторскую диссертацию Бакланского. И не более.

— Разве он готовит докторскую?

— Уже готова. Он меня в оппоненты пригласил. Теперь, наверное, кается, что разговор завел.

— Нет, для докторской здесь слишком много липы.

— Значит, для докторской — много, а для защиты проекта — мало?

— Ох, да какие только темы не проходят!

— А меня увольте.

В кабинете заместителя директора НИИ по науке Ростовцев говорил Анатолию Юльевичу:

— Анатолий Юльевич, эту тему нельзя пускать дальше.

— Завалить, значит, надо.

— Ну, завалить, не завалить...

— А тут только одно из двух.

— Пусть они как хотят, но мы продолжать ее не будем.

— Записано же у вас в плане?

— Рекомендации надо включить в акт, чтобы тему дальше не развивали.

— Выходит, братец, тему принимаем и прикрываем? И все довольны!

— А хотя бы и так!

— Вы же раньше за нее чуть ли не в драку.

— Да! Если бы она была сделана на уровне.

— Ничего не могу поделать. Запишите в акте свое особое мнение.

— Придется. Но можно и по-другому. Через вышестоящие инстанции.

— Уж не угроза ли это?

— Да что вы!

— Хорошо. Если придет распоряжение из главка, мы эту тему не примем. Но ведь не придет такое! Так что пусть все-таки решает комиссия.

Сергей Сергеевич Старомытов в одиночестве угрюмо покусывал сигарету и размышлял: «Черт меня дернул перейти на эту руководящую работу. Паял раньше транзисторы, настраивал схемы, отвечал только за себя, за свой труд... Миллиончик Бакланский скушал. Миллиончик мы ему выдали. Не из своего, правда, кармана. Из государственного. Я — представитель заказчика. Но ведь я ничего в этом не понимаю. И вообще, вся эта тема мне до чертовой бабушки! Да и инсти-

туту нашему. Обходились без компьютеров, а теперь автоматического секретаря уже надо? Предположим, нам не надо, но ведь кому-то надо, раз весь этот сыр-бор загорелся. Пешка! А если начнут в поддавки играть? Кого жертвуют? Представитель заказчика, вы Бакланскому миллион стравили. Ваше мнение? Принимать тему или нет? Принимать все же? Жаль. Ведь целый миллион ухлопали».

Старомытов в сердцах бросил сигарету и пошел по коридору.

Комиссия вновь собралась в кабинете начальника отдела Громова.

— Продолжим, товарищи, — сказал Анатолий Юльевич. — Что-то заметно поубавилось нас. Ученого секретаря прошу выяснить, кто не вытерпел и ушел. Тема очень важная для народного хозяйства. В исполнении темы есть недостатки. Решать должны все, а не перекладывать ношу на наши плечи. Вы, пожалуйста, обзвоните их утром. Вплоть до директора звоните, но чтобы завтра были все. Пожалуйста, Виктор Иванович.

— Вопрос о том, каковы перспективы уменьшения габаритов и веса аппаратуры.

— Сколько она у вас сейчас? — спросил Карин.

— Около двух тонн, — чуть поморщился Бакланский.

— А, помнится, товарищ Григорьев очень здорово упирал на микромодули и интегральные схемы, — вставил слово вдруг сам председатель.

— Естественно, на это и был сделан главный упор в работе.

— И все равно две тонны? — сказал Ростовцев и чуть покосился на сидящего рядом Бакланского.

— Но вы же, товарищи, знаете, что у нас за интегральные схемы. До японских, к примеру, им еще далеко.

— А почему? — неожиданно спросил Григорьев.

— Что почему? — удивился Бакланский. — Ты, Григорьев, не мешай отвечать.

— Ну, а все-таки... — настаивал Ростовцев.

— Извините, товарищи, — сказал Бакланский. — Я сейчас отвечаю.

Григорьев нагнулся к самому уху Бакланского и сказал очень тихо:

— Потому что кто-то вроде нас защитил тему, которая не сделала в микроэлектронике ни одного шага вперед.

— Да, да, — громко сказал Бакланский. — Я согласен, что если бы нашу систему выполнить на японских интегральных схемах, ее габариты уменьшились бы в пять раз.

— Всю систему или только макет, который вы привезли? — спросил Ростовцев.

— Да, я имею в виду макет, конечно.

— Тогда хорошего мало, — сказал Ростовцев.

Виктор Иванович продолжал отвечать на вопросы. И хотя судьба темы висела на волоске, не очень, впрочем, еще тонком, Бакланский держался с достоинством. Он был корректен и не давал втянуть себя в перепалку, которая, казалось, вот-вот могла разгореться по каждому вопросу. На один вопрос он даже ответил: «Нет. Не знаю». И этим как бы показал, что вот, мол, чего не знаю, того не знаю, но уж что знаю, того у меня не отберешь.

И на вопросы, обращенные к Григорьеву, он тоже отвечал сам. В электронике Бакланский разбирался превосходно, да и по схемным решениям с ним особенно не поспоришь. Конечно, триггеров, к примеру, или эмиттерных повторителей можно изобрести десятки типов, но отличаться друг от друга они будут не принципиально.

— А что у вас Григорьев и Данилов молчат? — спросил вдруг Карин.

— Отчего же. Данилов у нас специалист по экспериментальной части. Завтра у него будет работа. А Григорьев составлял всю принципиальную схему. Конечно, может и он отвечать на все, что касается темы.

— У меня только один вопрос к Григорьеву, — сказал Громов. — Как он считает, можно ли чисто схемными решениями уменьшить вес системы до необходимого по техническому заданию уровня?

Григорьев молчал. Бакланский безучастно рассматривал свои руки.

— Так как же?

— Нет, — ответил Григорьев. — Нельзя.

— С применением самых совершенных интегральных схем?

— Все равно.

— Вопросов больше нет.

— У меня вопрос, — сказал Ростовцев. — Что же нам собираются передать товарищи из Усть-Манска? С чем мы начнем работать?

— Вполне нормальная тема, — сказал Бакланский. — У вас институт сильный. Вы и не такую тему можете поднять.

— Бойтесь данайцев, дары приносящих, — буркнул Ростовцев.

— Я думаю, — сказал председатель комиссии, — мы на сегодня сделали много. Заслушали два доклада, ответы на многочисленные вопросы. Многие выяснили. Недостатки в исполнении темы, конечно, есть. Завтра посмотрим, как действует макет. Все собираются здесь, а отсюда на автобусе поедем на телефонную станцию. Послезавтра будет обсуждение. А там пора и проект акта приемки набрасывать... Ну, что ж, товарищи, все на сегодня. Не забудьте отметить пропуску у секретаря.

Несколько минут члены комиссии еще не расходились. Бакланский мирно и вежливо беседо-

вал с Громовым и Ростовцевым. Григорьев и Данилов ждали его в коридоре.

— Так что делать вечером будем? — спросил Данилов.

— Толя, я не могу сегодня быть с вами. Ведь в гостинице действительно переполох с этим телефоном. И в семь часов придет комиссия. И вообще, мне ничего не хочется: тоска зеленая.

Из кабинета вышел Бакланский, взял за локоть Григорьева, отвел в сторону и сказал, тихо и спокойно:

— Ты вот что, Александр. Ты завтра, пожалуйста, сходи-ка в музей. Да и дела у тебя какие-то здесь. Займись ими. Отдохни. В общем, развейся. Мысли глупые выбрось из головы.

— Так... Понятно...

Легковая машина действительно заехала за Кариним, едва он успел поужинать. И пока они мчались к гостинице, Владимир Зосимович больше думал о прошедшем дне защиты, чем о привидениях в каком-то номере ультрасовременной гостиницы.

Самое интересное было в том, что формально руководитель темы прав. Всевозможные протоколы, параграфы инструкций для служебного пользования, двояковоозможное истолкование пунктов технического задания ограждало его от критики большинства членов комиссии.

С другой стороны, и Карин это отлично понимал, так же как и Бакланский, тема все равно будет принята. Что бы ни случилось, тема будет принята. Заказчик тоже должен выполнять план. И этот миллион, что он заплатил усть-манцам за тему, должен быть закрыт, официальным актом приемки темы признан израсходованным правильно, своевременно, с пользой. Если тема не будет принята, то план не выполнит не только СКБ, где работает Бакланский, но и сам заказчик, а значит, и главк заказчика, и его министерство, и главк, да и министерство самого Бакланского. Конечно, в главке перетрясут все тематические планы, благо еще не самый конец года, и перекроют это невыполнение другими работами других СКБ и НИИ, особенно за счет научно-исследовательских госбюджетных тем, разработка которых только что началась, в которых еще ничего не ясно, и объективно определить процент выполнения плана не представляется возможным.

Словом, тема будет принята. Это, пожалуй, понимали все. Только одним это было необходимо и приятно, а другим — опасно и накладно в недалеком будущем.

По сути дела, борьба должна была развернуться вокруг пункта рекомендаций акта, где и будет указано, что в системе, предъявленной Бакланским, нужно переделать, каким образом, в какой срок, за чей счет. И тут уж заказчик

никаким образом не согласится платить лишние деньги на доработку и тем самым из поддерживающего превратится в нападающего, еще более запутывая ситуацию. Институт Ростовцева, как будущий исполнитель и продолжатель работ, хотел бы получить, конечно, эту тему отработанной до предела. А поскольку этого не предвиделось ни сейчас, ни в ближайшем будущем, администрация института, чьи интересы защищал Ростовцев, воздвигла бы ему памятник, сумеет ли он провалить тему.

Остальные члены комиссии по разным пунктам технического задания тоже занимали различные позиции, исходя, конечно же, из интересов своих собственных институтов.

Карин понимал, что каждый в чем-то прав, что никого нельзя обвинить в заведомой лжи и неискренности, что компромиссы неизбежны, моральные издержки здесь тоже неизбежны, что здесь трудно, пожалуй, невозможно найти единственно правильное решение, да еще удовлетворяющее всех.

Были на памяти Карина и такие темы, защита которых доставляла чуть ли не эстетическое наслаждение всем членам комиссии своей логичностью и завершенностью. Но таких все-таки было мало.

Карин полагал, что тему надо спустить на тормозах, тихо, без грохота и шума, и постепенно прикрыть. Потому что и дальнейшее ее развитие в другом институте, если тема будет принята, и доработка ее в Усть-Манске, если тема будет завалена, потребуют одинаково огромных средств, в любом случае не оставляя никаких надежд на успешное завершение.

Так Карин решил для себя все проблемы, когда машина лихо подкатила к парадному подъезду гостиницы.

На главпочтамт Григорьев приехал зря. Не было там для него письма. И на мгновение стыдно стало ему, что так сильно привязала его к себе женщина, которую он почти и не знал. Ну что он нашел в ней? Однако стоило ему только задать себе этот вопрос, как всплыло все, что было связано с ней, случайные встречи возле киосков и магазинов, остановок трамвая и троллейбуса... И столь поразительно полной оказалась жизнь в эти последние месяцы.

Нет, что бы ни случилось, а Григорьеву необходимо увидеть ее. Вот только так ли необходимо ей увидиться с ним? Судя по всему, он ей был вовсе не нужен.

Ну вот, приехал он из-за нее в Марград. Тут уж не станешь себе врать. Из-за нее! И эта защита вначале казалась препятствием, отнимающим время. А что-то вдруг стало меняться. Противно вдруг стало на себя смотреть. Вроде и не человек ты, а пешка какая-то. Толкнет тебя Бак-

ланский туда, сделаешь шаг вперед, прижмет пальцем — на месте будешь стоять, прикрикнет — сожрешь кого-нибудь.

И участие в обмане, о котором раньше не задумывался, становилось невозможным. Но если обман длился уже долго, если ты искренне верил, что делаешь что-то необходимое, без чего люди не могут обойтись! Если сто человек, выбиваясь из сил, создавали машину, надеясь на благодарность, на премию, на простое участие и уважение, если все они делали эту тему два года, вкладывая в нее свои души, свои знания, свою боль и свое счастье, — разве можно сейчас все это бросить, оставить сотню людей без надежды? Даже не сотню, а все СКБ, да и свое ли только? Каково будет людям узнать, что они занимались ерундой, чепухой? И делали ее с чистой совестью.

Впрочем, вот тут-то, наверное, и заковыка. С чистой ли? И все ли? Разве он не знал, что Соснихин и Бурлев давно уже пытались повернуть решение темы в другом направлении? Он просто не примкнул ни к ним, ни к Бакланскому. Он бездумно делал то, что ему поручали. И делал огромную работу, хорошо делал. Почему же только теперь он начал все понимать? Почему вдруг прозрел?

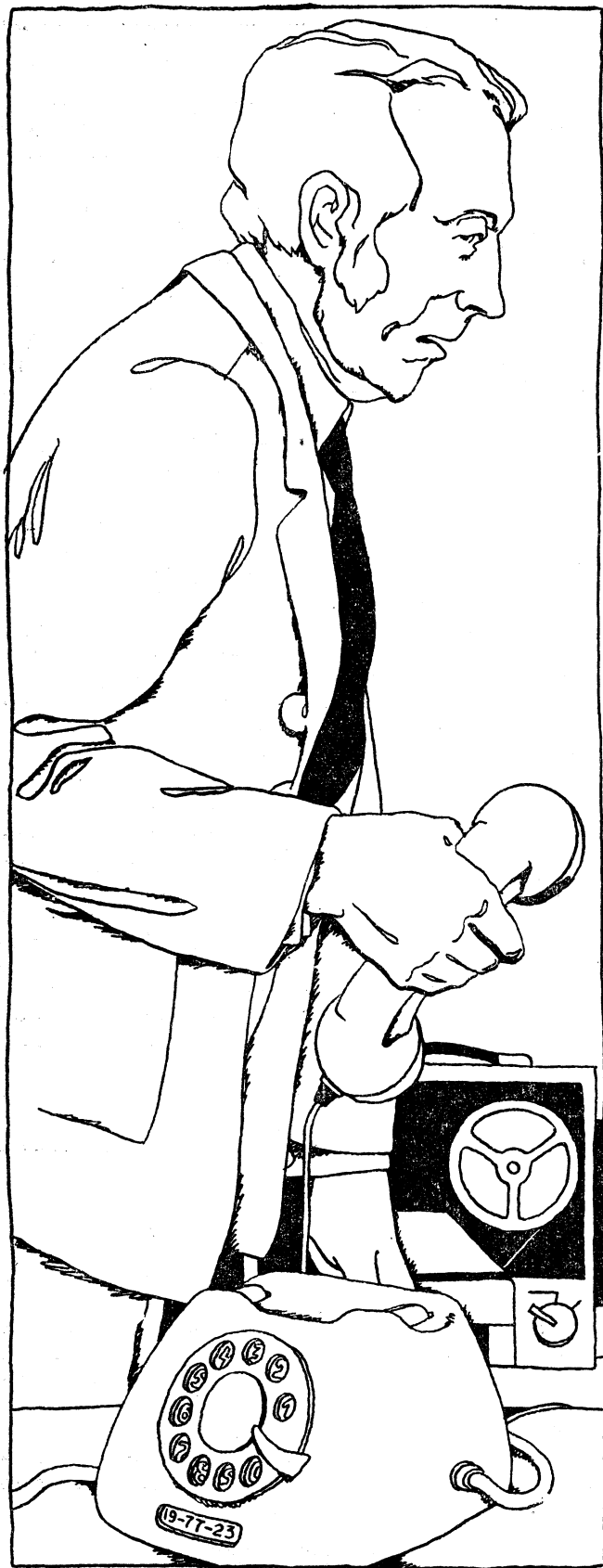
А эти телефонные разговоры? Почему он воспринимает их так близко? Уж не потому ли, что и сам с ними в душе давно согласен? Ведь его даже не очень удивляет, что он разговаривает с кем-то таинственным, непонятным, невозможным, что все это абсурд, если не мистика. Ведь только смысл вопросов его и занимает, а не сам факт невозможного.

«Почему ты здесь оказался?.. Ты все еще ждешь от нее письма?»

Этот кто-то очень хорошо его знает. Даже лучше, чем он сам себя... То, что тему не стоит защищать, он уже понял. Ну, работали они впустую, так ведь теперь будут другие работать впустую! И кто-то потом будет мучиться, как сейчас он сам. Но и то, что тему не дадут не защищать, и что он сам в открытую не выступит против нее, он тоже знал. И злость на себя, на свое равнодушие, на желание жить тихо и мирно охватила его. Он понял, что ему хочется быть другим перед этой женщиной. Или он всегда хотел быть другим, но не хватало какого-то маленького толчка, импульса.

Ну что ж, Бакланский, подавляй восстание, неподготовленное, стихийное, заранее обреченное на неудачу...

В полседьмого Григорьев уже был в гостинице. Поскольку спешить ему было некуда, он зашел в буфет, съел сардельку — необходимый атрибут каждой гостиницы, и выпил стакан топленого молока. Потом поднялся к себе в комнату. Уютно было здесь. Александр сел в кресло у телефонного столика и представил себе, что

он один в этом большом незнакомом городе, и только нить телефонного шнура связывает его с все-таки существующим где-то миром. И если это чувствовал каждый, кто жил здесь в комнате, конечно же им хотелось добраться до этого мира, кому-нибудь позвонить, чтобы услышать человеческий голос. И ничего таинственного в этом нет, подумал Александр.

Он набрал номер. И теперь уже совершенно знакомый голос сказал:

— Ну что, печальный рыцарь?

— Ничего, — ответил Александр. — Сижу, жду комиссию.

— Боишься?

— Боюсь.

— Ну, конечно, не комиссии?

— Да нет. Боюсь того, что хочу сделать.

— Я тоже боюсь. Но думаю, что сделаю.

Они оба замолчали. Александр чувствовал, что между ними сохраняется еще ледок недоверия, который пока не позволяет поговорить без некоторой настороженности, совершенно свободно. Но все ближе становились они друг другу, эти два Александра, два Сашки.

В дверь постучали.

— До свиданья, ко мне пришли, — сказал Александр.

— До свиданья, ко мне тоже пришли, — ответил тот Александр.

Григорьев крикнул:

— Да, да, войдите!

Дверь распахнулась. На пороге стояли директор гостиницы и еще несколько человек.

— Добрый вечер, — сказал директор. — Это наша комиссия. Проходите, товарищи. Сейчас вы тут во всем разберетесь.

Члены комиссии, здороваясь, вошли в комнату.

— Господи! — вдруг громко сказал один из входящих. — Григорьев! Так это вы? В вашей комнате телефон мудрит?

— Владимир Зосимович? Вот неожиданность! И вы попали в эту комиссию?

— Попал вот каким-то образом.

— Эта комиссия предварительная, — пояснил директор. — Ничего ведь пока неизвестно.

— А что же вы днем ничего не сказали про свою комнату?

— Да как-то к слову не пришлось.

— А Виктор Иванович знает?

— Знает, но не верит. Да об этом уже многие знают, даже в вашем институте.

— Вот как!

Комиссия чувствовала себя неуверенно. В-первых, дело-то было какое-то несерьезное, невзаправдашнее, во-вторых, все были незнакомы, в-третьих, место для работы было неподходящее — одноместный номер гостиницы. Некото-

рые представились Григорьеву, другие промолчали.

— Дорогие товарищи, — начал директор. — Может, здесь фокус какой? Вы уж, пожалуйста, разберитесь. Вот вам телефон, вот товарищ, который все сам испытал. Приступайте, прошу вас.

Карин подошел к тумбочке, с недоверием поднял трубку и набрал злополучный номер. Григорьев пододвинул ему стул, но Карин не успел сесть.

— Володька, черт, давненько мы с тобой не разговаривали! — раздалось в трубке.

Владимир Зосимович от неожиданности даже отдернул руку с трубкой.

— Ну что? Сработало? — спросил Григорьев.

— Похоже. — И в трубку: — Кто со мной говорит?

— Да ты что! Уже и узнать не можешь? Неужели настолько забыл?

— Факт, — сказал Карин собравшимся в комнате. — Связь с кем-то устанавливается. Довольно необъяснимо. — И снова в трубку: — С кем имею честь разговаривать?

— Раньше звали Володькой. А теперь Владимиром Зосимовичем Кариним. Помнишь такого?

— Карин? Я Карин. Нет, это я Карин! — Собравшимся: — Какой-то однофамилец. — В трубку: — Ничего не понимаю. Кто вы?

— Значит, компромиссы неизбежны, говоришь? Так, Володя?

— Ах, вот что! — Карин положил трубку на рычаг. — Попробуйте еще кто-нибудь. Если это фокус, то подстроено очень здорово.

— Дайте попробовать мне, — попросил директор гостиницы.

— А вы что, не пробовали еще? — удивился Карин.

— Не удосужился как-то. Все дела. — И он взял трубку.

— А голос не показался вам знакомым? — спросил Григорьев у Карина.

— Вроде бы — да. Но чей, не могу вспомнить... Вот что. Тут нужен магнитофон. Надо все записывать на ленту. А потом, когда наберутся записи, проанализировать. Может, даже на математической машине. Есть тут у них магнитофон.

Директор в это время кончил говорить с таинственным собеседником. Лицо его заметно посерело, а глаза виновато блуждали.

— Д-действительно. Трубку больше в жизни никогда не подниму.

— О чем поговорили? — с улыбкой спросил Григорьев.

— Да уж поговорили!

— У вас в гостинице магнитофон есть? — спросил Карин.

— Магнитофон? А-а... Магнитофон. Есть. А что?

— Хорошо бы записывать телефонные разговоры.

— Магнитофон сейчас принесем. Только вы уж меня увольте от дальнейших экспериментов... Маша! — крикнул он женщине, украдкой заглядывающей в дверь. — Позвони Водкину. Пусть магнитофон принесет!

В комнату внесли магнитофон. У электрика, который тащил его, оказалась и отвертка. Начали разбирать телефон и подсоединять его к магнитофону. Когда все было готово, комиссия вдруг застенчиво запереглядывалась. Чей разговор записывать? Директор отказался наотрез. Карин тоже не высказал желаний. Александр Григорьев, поскольку не был членом комиссии, скромно помалкивал.

Наконец, выразил желание поговорить представитель телефонной станции Петр Галкин. Он больше всех чувствовал свою ответственность в работе комиссии. Включили магнитофон. Записали. И как набирается номер, и как что-то щелкает в телефоне, и как Галкин сказал первую фразу: «Кто говорит?»

Разговор был короткий, но для комиссии от этого не менее важный. Разохотившись, записались на магнитофонную ленту еще двое. Во время записи все вели себя тихо, стараясь даже не покашливать. А когда было записано уже несколько разговоров, все оживились, оставили телефон в покое и начали прослушивать запись.

Запись получилась хорошей и чистой. И вот на что все сразу обратили внимание. Человеку, который поднимал трубку, отвечал его однофамилец. И не просто однофамилец, а человек с таким же именем и отчеством. Причем он, казалось, хорошо знал говорившего с ним. И даже более того. Чувствовалось, что он ждал этого звонка. Кто-то во время разговора догадался спросить того, на другом конце провода, о месте, с которого говорил таинственный собеседник. Место оказалось то же самое: Марград, гостиница «Спутник», комната 723. Чепуха, одним словом.

Магнитофон закрыли, записи решили забрать для «дальнейшего изучения феномена».

Карин уходил последним.

— Что вы намерены делать вечером? — спросил он у Григорьева.

— Лечь, смотреть в потолок и мечтать. Контакты, даже с пришельцами, мне запрещены Бакланским. Все это может помешать защите темы. Он все предусмотрел, кроме этого казуса с телефоном. Но Бакланский не бог, и он не может все предусмотреть.

Карин улыбнулся, протянул руку.

— Владимир Зосимович, а ведь вы говорили с самим собой! — крикнул ему на прощание Григорьев.

ОКОНЧАНИЕ СЛЕДУЕТ.

ПУТЯМИ СТАРЫХ ГОРНЯКОВ

**Вильям
САВЕЛЬЗОН**

Восемь лет назад, по командировке Оренбургского радио оказавшись в Москве, я напросился в гости к всемирно известному советскому писателю-фантасту Ивану Антоновичу Ефремову.

О многом поговорили мы в тот сентябрьский день 1969 года: о его книгах, о путешествиях по Уралу, Центральной и Средней Азии, Северу, Сибири, Дальнему Востоку, Китаю, Монголии. И приятно было, что среди всех дальних и ближних краев, куда забрасывала его судьба, особое место занимают в его памяти старые рудники в восьмидесяти километрах к северо-западу от Оренбурга — Каргалинские медистые песчаники, поселок Горный, где с доисторических времен пробивался человек в недра земли.

Именно в те годы понял Иван Антонович, что мысли, образы увиденного, услышанного, пережитого переполняют его, что он может и должен писать.

Я попросил его прочесть для записи на магнитофон небольшие отрывки из «оренбургского» рассказа. Иван Антонович улыбнулся («Я же з-зайка страшный, з-замучаетесь со мной!»), подошел к стеллажам, длинными сильными пальцами пробежал по корешкам книг, достал одну, нашел «Путями старых горняков».

Сначала он и вправду сильно заикался, но чем дальше читал, тем глаже и выразительнее становилась речь. Читал он безо всякой аффектации, очень просто, неторопливо. Он читал — и словно оживала его молодость.

«...В 1926 году я изучал старые медные рудники недалеко от Оренбурга. Здесь на протяжении едва ли не тысячелетий велась разработка медных руд, и рудники образовали на

обширном пространстве запутанный лабиринт пустот, пробитых человеческими руками в глубине земли.

Рудники эти давно закрылись, и ничего не осталось от их надземных построек, на склонах и вершинах низких холмов выделяются красивыми голубовато-зелеными пятнами группы отвалов — больших куч бракованной руды, окаймляющих широкие воронки, а кое-где видны провалы старых засыпанных шахт.

Здесь хорошо отдыхается после однообразного пути по пыльной и знойной дороге. Ветер колышет ковыль и, посвистывая в кустах, наводит на мысль о прошлом, о том, что эти, теперь такие безлюдные и заброшенные, участки когда-то были самыми оживленными в степи. Раздавались крики мальчишек-погонщиков конного подъема, хлопали крышки шахтных люков, скрипели воротки, грохотали тачки и слышалась болтовня женщин на ручной разборке руды...»

Какая-то магия: Иван Антонович читает неспешно, просто, и все окружающее растворяется. Явственно проступает когда-то с детской яркостью представленное — темные сырые подземные лабиринты, где плутают попавшие в беду молодой геолог и старый штейгер Поленов...

Потом уже, вернувшись домой, я перечитал рассказ и с удивлением обнаружил, что всего-то в нем около тридцати страничек. Мал золотник, да дорог!

Дорог ефремовский дар еще и тем, что за каждым словом у него — мысль, колоссальные знания.

Вот и о тех Каргалинских медистых песчаниках, где он начинал, Ефремов почти сорок лет спустя помнил очень многое: расположение входов и выходов, главные направления подземных выработок, историю

этих работ с древнейших времен, людей, с которыми работал.

О Корнилыче Поленове (в жизни — Хренове) из рассказа «Путиами старых горняков» вспоминал:

— Корнилычу было тогда лет восемьдесят пять. И бодрый старик был, дрова рубил, по хозяйству работал. Выходил со мной на сырт, показывал старые шахты, следов которых уже и не осталось. Он помнил их местонахождение, глубины помнил. И я от него очень много записал. Мудрый был старик, настоящий горняк. Он к жизни вдумчиво подходил, не мелочился, видел самую глубинную суть...

Или вот еще пример ефремовского подхода к делу, его знаний. После возвращения из Москвы было, конечно, устроено семейное чтение, и мой сын засомневался: не выдуман ли зверь гишу, который в повести «На краю Ойкумены» настаивает беглецов ночью в саванне, стуча страшными когтями по твердой земле?

Послали Ефремову письмо.

«Гишу — это вымерший теперь вид гигантской гены, изображения которой еще встречались на фресках в Египте эпохи Древнего Царства — примерно 4500 лет назад, — ответил Ефремов. — Как выясняется теперь, гены — вовсе не трусливые хищники, как их обычно изображали раньше. Это грозные и активные звери, перед которыми отступают даже львы. А уж перед гишу должны были трястись слоны!»

Поражала в Ефремове напряженность духовной жизни, позволявшая ему подняться над болезнью, и увлеченно, с удовольствием рассказывать и о проблемах межзвездных сообщений, и о смешных приключениях в оренбургских степях.

— У вас все еще говорят: «ничё»? Я это оренбургское «ничё» на всю жизнь запомнил. Едем как-то с возницей, лихим казачиной. Очень крутой спуск, мостик через ручей, за мостиком село.

Я говорю: «Держи, дядя! Лошадь понесет, телега раскатит — и дров, и костей наломаем!»

Посмотрел, подумал: «А, ничё!»
А какое «ничё» — лошадь помчалась, телега прыгает, прет на нее.

Чудом удержались, одним духом пролетели мостик, вышибли ворота. И встали. А хозяин уже бежит из дома с топором. Ну, конец! Подбежал, сверкнул глазами. А увидел, как нас на полуразвалившейся телеге смешно разметало, — засмеялся, бросил топор: «А, ничё!»

Но это так, шуточки. А вообще оренбургские годы мне очень многое дали, с них многое началось. Оренбург у меня вот здесь, в сердце.

Вот какая у меня есть идея. Если б собрать бывалых людей с хорошей памятью, с такой географической памятью, какая бывает у геологов, у моряков, у топографов, и составить сравнительную серию рассказов?

Я бы рассказал вам о тогдашнем Оренбуржье, а вы о теперешнем. И вот, когда вы видите такое наглядное изменение в стране, тогда лучше начинаете понимать путь, пройденный страной. А то ведь мы как-то берем ее только в данный момент, не в каком-то движении. Обязательно надо бы вам, журналистам, подумать и выступить с таким предложением — «История в действии!»

Через какое-то время после встречи с Ефремовым дорога привела меня в Горный, в тот самый поселок, в котором он жил и работал. Результатом этой поездки был очерк в областной газете. Говорилось в нем о делах большого колхоза «Рассвет», о геологах, которые ищут здесь нефть. Рассказывалось, что цела белая хатка, обсаженная кленами. А на ней мемориальная доска: «В этом доме жил писатель И. А. Ефремов».

Установили эту доску лет десять назад почитатели таланта Ивана Антоновича. Хозяйка — Анна Егоровна Камнева — хорошо помнит молодого геолога Ефремова и рассказывает, что часто сюда, в удаленный от дорог поселок, заезжал школьники, студенты, туристы. А у геологов это уже давняя традиция — приехать сюда, зайти в дом, где все, как при Ефремове, — из маленьких окошек виден склон горы, изрытый старыми рудокопами, у дальней стены стол, на котором он перебирал свои находки, колодец в присенцах, низкий, прогнувшийся от старости дощатый потолок.

Жаль, не осталось в Горном ко-

ренных потомков «рудашей» — Хреновых, Головых, Шавриных, что нет уже напротив ефремовского дома той хаты, описанной в рассказе, в которой жил старик штейгер Хренов. Переезжают люди в большое село Комиссарово, где центральная усадьба колхоза «Рассвет».

А потом я ходил по холмам у поселка, — там тысячи запыленных воронок, входов в шахты. Отвалы в воронки поросли папоротником, ковылем да дикой вишней. С открытием богатых медных месторождений старые рудники потеряли значение. Тихо бродят по горам тени облаков, и шелестят в воронках мелкой плотной листовой карликовые вишенки.

В отвалах набрал я камешков — и густо-синих, и нежно-зеленых, и изумрудных, и красных, и черных. Нашел несколько кусков окаменевшего дерева. Все это было поднято в те времена, когда кипела здесь жизнь, из-под земли, из находящегося и сейчас где-то под ногами лабиринта штреков, штолен, квершлагов и орт...

Газетный тот очерк, цветные слайды с видами Горного, несколько камешков и кусочков дерева («может, Вы именно их и выкинули более сорока лет назад, а я вот подобрал») посланы были Ивану Антоновичу.

Ответ пришел из подмосковной больницы, где лежал Ефремов. Он тепло благодарил за подарки, напомнившие ему о молодости, писал, что романом «Таис Афинская» прощается пока с беллетристкой и намеревается взяться за научно-популярную книгу о палеонтологии.

А через некоторое время — траурная рамка в «Литературной газете».

И первая мысль: нет, такой человек не мог умереть! Смерть — не для него, могучего, веселого путешественника и мыслителя.

...Живет его голос в картонной коробке с магнитофонной лентой. Живут замечательные книги этого человека, который когда-то прошел у нас в Оренбуржье путями старых горняков.

ФОРУМ МЕЧТАТЕЛЕЙ

**Александр
ШАЛИМОВ**

писатель-фантаст

В конце августа прошлого года украшением старинного польского города Познани стала космическая ракета... Огромная, желтая, она вздымалась над облаками в яркосинее небо и напоминала исполинскую восковую свечу. Только вместо язычка пламени ракету-свечу венчало перо. Обыкновенное стальное перо, которым написано множество книг.

Первый раз мы увидели ракету-свечу на главном вокзале Познани, где нас — делегацию советских писателей — встречали польские коллеги. Потом она сопровождала нас повсюду. Плакаты с ракетой-свечой глядели из витрин магазинов и со стен маленьких кафе, которых так много в Познани. Они висели у входов в кинотеатры и просто на стенах домов. Этими плакатами были украшены киоски «Рух» — стеклянные коробки, в которых можно купить почти все, начиная от свежих газет и цветных открыток и кончая зубными щетками, губной помадой и детскими сосками.

А в недавно выстроенном отеле «Полонез», где поселили нашу делегацию, желтая ракета-свеча, или ракета-перо, присутствовала везде — в холлах, в барах, даже в кабинах лифтов. И уж конечно — у главного входа, где рядом с ней развевались флаги многих стран — свидетели большой международной встречи. Ракета-перо и была символом этой встречи — Еврокона-III, Третьего Европейского конгресса писателей-фантастов.

В Познани — прекрасном старинном городе, возрожденном из руин и пепла второй мировой войны, — знают и любят фантастику. Гостеприимно и радушно встречали иностранных делегатов организаторы Еврокона-III и «отцы города». Задача хозяев была непростой. На конгресс съехалось более двухсот официальных делегатов — писателей, редакторов и издателей из двадцати европейских стран, прибыли, как наблюдатели, фантасты Австралии и Канады, а кроме того, в качестве туристов — большие группы молодежи из Болгарии, ГДР, Румынии, Венгрии, Бельгии и других стран, представляющие чита-

тельский актив и многочисленные клубы любителей фантастики. На западе таких «болельщиков» называют «фанами» (сокращение от слова «фантастика»), и появление этого нового читательского «клана» наглядно свидетельствует о росте интереса к фантастической литературе. Достаточно сказать, что молодежный клуб «Прогностика и фантастика»¹ в Софии, носящий имя советского писателя Ивана Ефремова, объединяет около пятисот человек!

История международных встреч фантастов, несмотря на относительную молодость этого жанра, тесно связанного в своем развитии с научно-технической революцией, достаточно богата. В 1975 году в Мельбурне (Австралия) прошла 33-я международная конференция, посвященная фантастике! За последнее пятилетие заметно активизировались и фантасты Европы. Так, в 1971 году в Будапеште была организована первая встреча писателей-фантастов социалистических стран. В 1972 году в Триесте состоялся Первый европейский конгресс фантастики (Еврокон-I), годом позднее в Познани снова встретились писатели-фантасты социалистических стран, в июле 1974 года в Гренобле (Франция) состоялся Еврокон-II. Именно на гренобльской встрече и было решено провести Еврокон-III в Польше.

Автору этих строк довелось присутствовать на встречах фантастов в Познани и в 1973, и в 1976 годах. Обе встречи были интересны и плодотворны, ибо, подобно иным региональным и международным конференциям, дали возможность обсудить и оценить состояние современной фантастики, ее направления, возможности, перспективы. Товарищеские беседы и диалоги с писателями, редакторами, художниками, критиками, деятелями кино, радио, телевидения, встречи с «болельщиками» жанра — «фанами» — позволили обменяться мыслями, взглядами, суждениями, новыми книгами, опытом творческой и организаторской работы.

¹ О нем рассказывалось в предыдущем выпуске «Калейдоскопа».

Еще на встрече 1973 года в Познани была принята декларация, в которой говорилось о громадном воспитательном значении фантастической литературы для подрастающих поколений, о ее роли в воспитании у молодежи — будущих строителей коммунистического завтра — гуманизма, чувства ответственности за сохранность среды обитания и самой планеты. В декларации была подчеркнута важность укрепления связей между авторами и читателями фантастики разных стран, отмечалась целесообразность обмена опытом творчества и необходимости создания условий, благоприятствующих развитию фантастики в литературе, живописи, кино, телевидении.

Одним из этапов на пути практической реализации этой декларации стали и встречи на Евроконе-III. Наиболее полно содержание и значение фантастики было раскрыто в проблемном докладе члена советской делегации ленинградского писателя и критика Е. Брандиса, убедительно показавшего, что хотя фантастика и тяготеет к синтезу научного и художественного мышления, она — неотъемлемая часть, одно из направлений художественной литературы нашего времени. Сейчас, в эпоху научно-технической революции, когда знания и энерговооруженность человечества стремительно возрастают и в руках отдельных ученых и инженеров оказываются сосредоточенными невообразимые мощности, перед всеми людьми Земли встают актуальнейшие задачи: научиться обращаться с собственными знаниями, уберечь Землю для внуков, сделать человека лучше, чем он есть сейчас... Это задачи всего человечества, и именно о них говорит в лучших своих произведениях современная фантастика. И если художественная литература в целом является «человековедением», то ее фантастическая ветвь, по мнению Е. Брандиса, может рассматриваться как «человечествоведение».

Но эпоха научно-технической революции в мире разных социальных систем несет человечеству не одни блага... Растет загрязненность биосферы, накапливаются огромные запасы смертоносного оружия, военная пропаганда уродует человеческие души — все это находит отражение и на страницах современных фантастических произведений. Авторы, пытаясь представить будущее, строят модели утопические и антиутопические. И вторые становятся предостережением... Современные фантастические утопии и антиутопии — это два полюса надежд и тревог человечества...

В большинстве докладов, прозвучавших на разных языках на познанском форуме, красной нитью проходила мысль о том, что лучшие фан-

тастические произведения это те, которые способны воспитывать гуманных и мудрых строителей великого Завтра родной планеты. Модели, рисуемые авторами, могут и должны быть разными, но их философская направленность не должна нести в себе идеи антигуманизма и человеконенавистничества. К сожалению, не все писатели-фантасты стоят на таких позициях. Обширная выставка фантастической литературы, подготовленная к открытию познанского Еврокона, показала это более чем наглядно. С красочных обложек многих западных изданий на читателя устремлен целый арсенал всевозможных орудий уничтожения, тарачат налитые кровью глаза земные и космические чудовища, зывают о мщении погибающие в страшных мучениях обнаженные красавицы. Разумеется, наряду с этой бульварного типа литературой, на выставке было представлено немало и того лучшего, что издано в разных странах за последние десятилетия: произведения С. Лема, Р. Бредбери, А. Кларка, К. Саймака, произведения советских авторов, переведенные на многие языки. Без образов советской фантастики не было, пожалуй, ни одного стенда! Именно за последние годы она получила мировое признание. На фоне разнообразных изданий, представленных на этой выставке многими европейскими странами, заметно выделялась книжная продукция СССР, а 25-томная библиотека современной фантастики, изданная «Молодой гвардией», вообще не имела себе равных. В докладах подробно анализировались литературные недостатки современных фантастических произведений, среди которых отмечались: схематичность героев, приоритет технологии и техники над психологией, повторяемость идей и коллизий. Отмечалось, что выход талантливых новаторских произведений обычно влечет за собой появление целого ряда имитаций. Однако все эти недостатки не являются специфической особенностью фантастики, и большинство их свойственны литературе в целом.

На одном из последних заседаний с яркой речью выступил летчик-космонавт СССР дважды Герой Советского Союза А. Леонов. Он говорил о массовости фантастической литературы в нашей стране, о том, что ее любят и читают. Рассказал о впечатлениях своего выхода в космическое пространство. Этот рассказ очевидца, воплотившего в реальность мечты авторов фантастических произведений, необычайно зримый и образный потому, что очевидцем был не только инженер, ученый, но и художник, глубоко взволновал присутствующих.

Хочется особо отметить одно из важнейших положений его речи: ни в коем случае не следует смешивать

зловещие аллегории сюрреалистов, как и бессодержательные «творения» абстракционистов, с фантастической графикой и живописью. Подлинная фантастика тяготеет к реализму и в изобразительном искусстве.

Выступление А. Леонова стало кульминацией познанского Еврокона. В нем, словно в фокусе гигантского телескопа, оказались совмещенными мечты и их воплощение, фантастика и футурология, надежды человечества и реальные перспективы будущих поколений.

Специальное жюри членов оргкомитета конгресса присудило три главные премии в области фантастики: польскому писателю Станиславу Лему, советскому летчику-космонавту и художнику-фантасту А. Леонову и французской издательнице — редактору Э. Жиль. Конгресс избрал новый Европейский комитет фантастов, в состав которого вошли и советские писатели Еремей Парнов и Александр Кулешов.

Покидая гостеприимную Познань, мы увозили с собой впечатления многих дружеских встреч, незаконченных споров, новые замыслы и планы. Общее ощущение — встречи были полезными и плодотворными. Фантастика будет развиваться и совершенствоваться, будет звать людей к новым свершениям, потому что она учит мыслить, а значит — принимать решения...

Ветер шевелил плакаты Еврокона на стенах домов. Желтая ракета-свеча, казалось, готова была взлететь в заоблачные дали. Ее полет обещал быть безграничным, как мечта...

ЧТО В ИМЕНИ ТВОЕМ?

Борис
ЗЕЛИЧЕНКО

В старинном уральском селе Багаряк, которое появилось на карте еще в XVII веке, 5 февраля 1976 года состоялся митинг, посвященный памяти Теодора Нетте и Иоганна Махмасталя. Красные следопыты села подготовили к этому дню литературную композицию. На сельском кладбище, на могиле Иоганна Адамовича Махмасталя были возложены венки от уральцев, от Министерства иностранных дел СССР.

Осенью 1941 года Иоганн Махмасталь эвакуировался в Багаряк, здесь он жил в доме Н. И. Говорухиной. В начале февраля 1942 года Иоганн Махмасталь умер от паралича сердца. Он завещал похоронить его на перекрестке дорог. Старое кладбище в Багаряке как раз и находится в треугольнике проселочных дорог.

Вскоре умерла и хозяйка дома Н. И. Говорухина. Лишь много лет спустя ее сын узнал, кто такой был дядя Иоганн...

Маяковский дружил с Нетте. Несколько раз они ездили вместе за границу. Теодор Янович прекрасно владел немецким языком и нередко бывал переводчиком поэта.

Маяковский писал о Нетте:

«Знаю его прошлое, его успехи, непоколебимую убежденность в правоте нашего дела, его пламенное стремление к великим целям, его любовь к искусству. До поздней ночи он читал мне любимые стихи Гейне и Шиллера. Замечательный, незабываемый товарищ!»

Через четыре месяца после злодейского убийства Нетте Владимир Маяковский плывал на пароходе «Ястреб» из Одессы в Ялту. Встречным курсом шел корабль, на борту которого горели освещенные солнцем золотые буквы — «Теодор Нетте». Поэт был взволнован и потрясен встречей с кораблем, носящим имя его друга.

В порт,
горящий,
как расплавленное лето,
разворачивался
и входил
товарищ «Теодор

Нетте».

Это он.

Я узнаю его...

15 июля 1926 года было опубликовано это знаменитое стихотворение, ставшее классикой советской поэзии.

...В феврале 1926 года из Москвы в Берлин с очередной дипломатической почтой отбыли два дипкурьера, два коммуниста — Нетте и Махмасталь. Вдруг ночью в вагон ворвались агенты вражеской разведки. Началась перестрелка. Советские дипкурьеры сражались с врагами не на жизнь, а на смерть. Они не могли отдать врагам документы. Но силы были неравными. Теодор Нетте был убит —

пять пуль бандита прошли тело коммуниста. Махмасталь, истекая кровью, продолжал отстреливаться, он сразил убийцу Нетте.

В купе рядом с мертвым Нетте и израненным Махмасталем лежал залитый кровью дипломатический багаж.

Во время похорон Нетте заместитель наркома иностранных дел сказал: «Никаких компрометирующих документов в этой почте, конечно, не было, но захват ее дал бы возможность нашим врагам изготовить фальшивые документы и выдавать их за подлинные, захваченные в диппочте».

Теодор Янович Нетте был посмертно награжден орденом Красного Знамени.

Всего 30 лет прожил Теодор Нетте. В 17 лет он стал коммунистом. Революцию встретил закаленным бойцом. С 1919 года Теодор Нетте — на дипломатической работе. На этой работе, ответственной и опасной, он погиб во время «битвы коридоровой».

...Пароход «Тверь» был построен в 1912 году на Невской судостроительной верфи. «Тверь» совершала рейсы между Владивостоком и Охотско-Камчатским побережьем, иногда ходила в порты Японии, Китая. В 1920 году пароход захватили интервенты. В Италии, куда судьба занесла «Тверь», корабль переименовали в «Сориа».

Лишь через шесть лет пароход был возвращен в СССР. В феврале 1926 года, после убийства советского дипкурьера, ему и было присвоено имя «Теодор Нетте».

Михаил Иванович Кислов был последним капитаном «Теодора Нетте». Он и рассказал о дальнейшей судьбе парохода.

До 1929 года «Теодор Нетте» обслуживал Крымско-Кавказскую почтово-пассажирскую линию. Затем «Нетте» работал на Дальнем Востоке. Кстати, здесь во время одного из рейсов на пароходе родился мальчик. По просьбе пассажиров родители назвали его Теодором.

В тридцатые годы «Теодор Нетте» стал минным заградителем. Но корабль-ветеран уже отслужил свой век. В 1946 году его разоружили и поставили на мертвые якоря в бухте Золотой Рог во Владивостоке.

Однако «Теодору Нетте» все же пришлось совершить еще один — последний свой рейс. И опять до Петропавловска-Камчатского на капитанском мостике стоял все тот же М. И. Кислов.

5 ноября 1953 года «Теодор Нетте» с заполненными забортной водой трюмами прочно сел на грунт в мелководной Авачинской губе.

И сейчас, полузатопленный, он служит молотом-причалом — к нему швартуются тихоокеанские суда.

М. И. Кислов выступил с инициативой — «Пусть будет новый корабль «Теодор Нетте»! Пусть подвиг героя всегда светит людям».

Этот призыв был поддержан ленинградскими газетами. На него откликнулись пионеры и школьники Ленинграда

и Латвии, родины коммуниста Нетте. Было собрано более трех тысяч тонн металлического лома на строительство нового «Теодора Нетте».

На одном из стапелей Балтийского завода состоялась закладка судна. Капитану М. И. Кислову доверили вложить в секцию закладную доску. Это — латунная пластинка, на которой выгравировано: «Балтийский судостроительный завод им. Серго Орджоникидзе, г. Ленинград. Лесовоз «Теодор Нетте». 10 000 т. Заложен 8.08.1962 года».

Лесовоз «Теодор Нетте» был объявлен ударной комсомольской стройкой.

8 июня 1963 года на Балтийском заводе состоялось торжество. Заполнены трибуны. Вместе с судостроителями здесь последний капитан — М. И. Кислов, дочь Теодора Нетте — Ирина Теодоровна и, конечно, же, пионеры — те, кто собирал металлолом на постройку судна.

Раздается команда:

— Разрезать задержник!

Дрогнуло, ожило стальное тело корабля. Он двинулся, над кормой взвился государственный флаг. Вот днище коснулось невской воды.

Маяковский сказал бы так:

Здравствуй, Нетте!

Как я рад, что ты живой
дымной жизнью труб,
канатов

и крюков.

Пионеры дружины имени Теодора Нетте московской школы № 584 прислали на Балтийский завод такую телеграмму:

«Юные теодоровцы приветствуют спуск корабля «Теодор Нетте», поздравляют с этим торжественным событием, обещают учиться еще лучше, собрать больше металлолома на постройку нового корабля — «Иоганн Махмасталь».

И начался сбор металлолома в фонд Махмасталья. На призыв откликнулись москвичи, латыши и ленинградцы.

На большой корабль требуется много металла — 18 000 тонн.

Зимой 1964 года завершилось строительство газотурбохода «Иоганн Махмасталь».

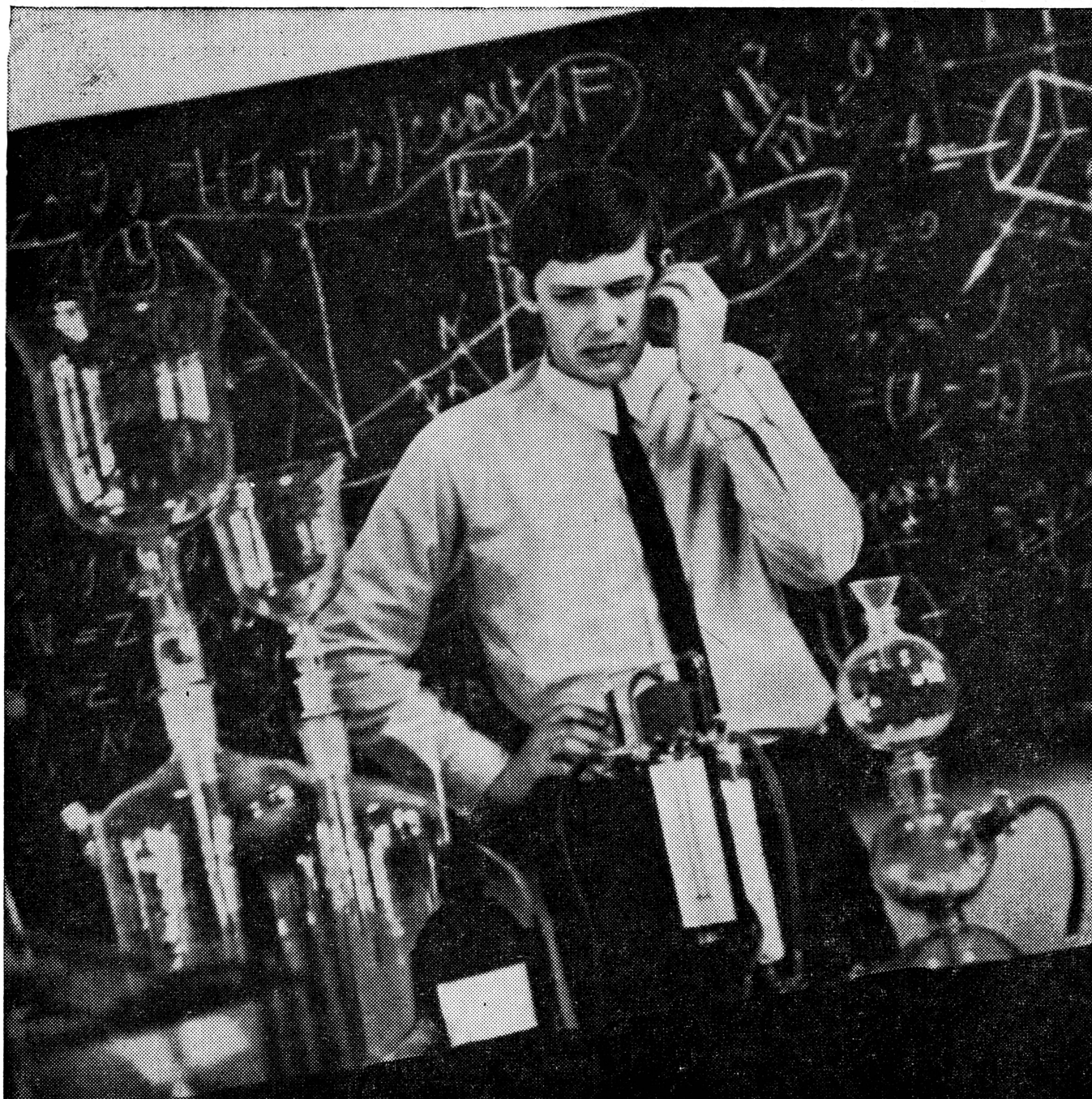
Пионеры 584-й школы Москвы рассказали по телевизору своим сверстникам о жизни и деятельности эстонского революционера Иоганна Адамовича Махмасталья.

Участник большевистского подполья и Великой Октябрьской революции И. А. Махмасталь с 1923 года работал в наркоминделе.

Интересна такая деталь его биографии. Командир боевой рабочей дружины на «Новом Лесснере», что на Выборгской стороне, Иоганн Махмасталь со своим отрядом освобождал в дни Февральской революции заключенных Петроградской тюрьмы «Кресты». И среди тех, кому он принес свободу, был Теодор Нетте.

Где был похоронен Махмасталь, долго оставалось неизвестным. Красные следопыты села Багаряк нашли могилу Иоганна Махмасталья.

ПО СЛЕДАМ ВЕЩЕСТВ

**Давид
ФИНКЕЛЬШТЕЙН**

*Рисунки
С. Мальшева*

Мы по праву гордимся достижениями науки и техники.

Но то, что достигнуто живыми существами в бесконечной цепи приспособлений, изумляет.

Человеку еще долго придется учиться у природы.

Однако нет надобности слепо копировать биологические системы.

Надо творчески воспринять их принципы.

Наука еще не умеет воспроизводить в природе даже простейший одноклеточный организм.

Он гораздо сложнее устроен, чем любой объект неживой природы.

И — другое.

Человек «критикует» природу.

Его совершенно не удовлетворяют ни скорости рабочих процессов

в биологических системах, ни допускаемые ими пределы температур, давлений.

В природе много несовершенного.

Далеко не все, что оправдано в ней, приемлемо в технике.

Именно здесь кроются истоки молодой еще науки — бионики.

Соглядатая конструкций и технологии живой природы.

Ее цель — использовать биологические закономерности для повышения качества технических систем, машин и приборов и для расширения их возможностей.

Живые приборы

Наш разговор о химико-аналитической бионике начнем с рассказа об отдельных живых органах — «приборах», чутко отзывающихся на внешние воздействия.

В Балтийском море обитает рыба угорь. Место же ее нереста испокон веков одно — Саргассово море. Что способствует угрю безошибочно продвигаться в эту даль? В подобных случаях принято было прибегать к довольно расплывчатому термину «инстинкт». Но теперь мы достаточно осведомлены, что в основе любого инстинкта лежит материальный носитель, он в каком-либо органе тела.

Ученым Калининградского института рыбного хозяйства и океанологии удалось установить измерением биотоков угринового мозга, что угорь обладает органом, чувствующим изменения концентрации солей и кислорода в воде. Такой хеморецептор¹ ориентирует рыбу в путешествиях, так как в Балтике вода слабо соленая, стало быть, богата кислородом, в Атлантике — солонее, а в Саргассовом море — сильно соленая и мало наикислороженная. Вот угорь различает эти перепады содержания кислорода в 2 микрограмма (мкг)² на литр воды, а соли — 8 мкг на литр.

Личинка майского жука в течение 4—5 лет развивается в почве, питаясь корнями деревьев. Почти лишенная органов чувств, личинка тем не менее уверенно пробирается к корням, орудя твердой головой, словно бульдозер. Ориентиром ей служат слегка повышенные концентрации угольной кислоты в почвенном воздухе, поскольку корни растений выделяют углекислоту. В этом убеждает простой опыт. Зашприцуйте углекислоту в почву, где заведомо нет растений со съедобными корнями, и вскоре там закопошатся обманутые в своем чувстве личинки хруща.

С трудом человек различает изменение температуры воздуха на 3—4 градуса. А вот гремучая змея име-

ет в углублении между ноздрями и глазами орган, чувствительный к инфракрасным лучам, обнаруживающий разницу в температуре, равную тысячной доле градуса. Этот орган и позволяет змее достигать свою добычу в крошечной темноте.

Стоп! Не уклонились ли мы от темы, говоря о температуре — факторе физическом? Нисколько. В химическом анализе ныне почти безраздельно господствуют приборы, которые улавливают разнообразнейшие сигналы — оптические, электрические, магнитные. Словом, любой физической природы.

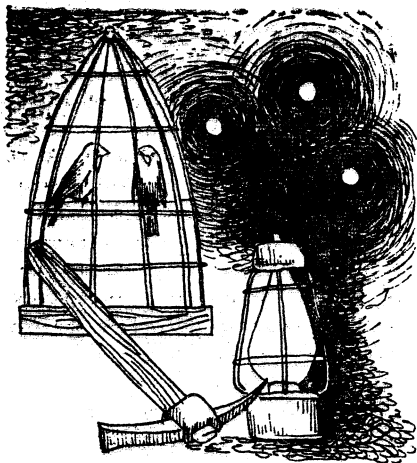
Уроки природы

Одно из ярких проявлений научно-технической революции — движение за чистоту материалов. Начавшись в атомной индустрии, оно перебросилось на другие отрасли новой техники, и постепенно охватило почти всю промышленность. Разумеется, чем чище продукт, тем суровее требование к чувствительности методов контроля. Иначе не убедиться, что необходимая чистота достигнута.

Химики, физики и конструкторы создали множество остроумных методов и приборов для анализа веществ высокой чистоты. Весьма важно также определять малые примеси в воздухе, в воде, в почве, чтобы обнаружить ядовитые вещества. В определении сверхмалых количеств веществ нуждаются теперь медики и биологи для анализа тканей и выделений организмов, а также и археологи, метеорологи, криминалисты...

¹ Рецепторы — особые нервные образования, способные возбуждаться при действии механических, химических, тепловых, световых, звуковых раздражителей.

² 1 мкг — 1 миллионная доля грамма.

Лишь один пример. Несколько лет назад был достигнут новый рубеж в производстве полупроводникового германия. Для приборов, измеряющих малые энергии, стали получать германий небывало чистым: на триллион его атомов приходится меньше одного атома примеси. И что примечательно: разработать метод, позволивший надежно определять столь малые примеси, оказалось не менее трудно, чем получить германий столь выдающейся чистоты. Между тем, назревает нужда в еще более чистых веществах.

Но существующие методы анализа имеют предел чувствительности. Это — оковы для практики. Как быть? В поисках новых идей анализа взоры ученых и обращаются к живой природе, которая — мы это видели на примере того же угря, личинки майского жука и гремучей змеи — являет столько примеров специфических и очень чувствительных реакций на многие примеси, на ничтожные изменения температуры, электрического и магнитного поля.

Исследователи находятся еще в начале пути. Бионические задачи нуждаются в комплексном изучении физических, физиологических и биохимических процессов. Надо основательно заглянуть в «черные ящики» живых органов, ответственных за эти процессы, и удачно воспроизвести их в приборах.

Использование проявлений жизни в химическом анализе имеет давнюю историю. Еще в прошлом веке шахтеры брали с собой под землю ка-

нарик — они чувствительны к взрывоопасному рудничному газу. По поведению канарейки (спокойное или учащенное дыхание, ложится ли на бок и т. д.) судили о накоплении опасного газа. Давно также замечено, что месторождения цинка часто расположены в тех местах, где привольно растут фиалки, а австралийские золотоискатели пускали в ход свои лотки у рек, берега которых поросли кустами жимолости.

Однако велика разница между веком нынешним и минувшим. Прежде брали уроки у природы, руководствуясь поверхностным наблюдением причинно-следственных связей, ныне же приходится проникать в глубинные процессы, в деталях познавать скрытые связи и закономерности, пытаться открывать у живых существ новые, неизвестные качества.

Уже существуют надежные лабораторные приемы, в основе которых лежат жизненные процессы. Это микробиологические и ферментативные методы анализа.

Микробиологические методы используют количественную зависимость между содержанием определяемой примеси (ее вносят в чашку с питательной для микробов средой) и интенсивностью размножения определенных микроорганизмов. Так определяют вещества, которые либо благоприятствуют микробам, либо, наоборот, подавляют их. К первым относятся витамины, аминокислоты, а также сахара, вызывающие дрожжевое брожение. Ко вторым — антибиотики и различные микробные яды.

Чувствительность таких методов различна, она необычайно высока, например, для витаминов, — достигается уловление триллионных долей грамма.

Быстро развиваются ферментативные методы анализа. Ферменты (катализаторы белковой природы) продаются теперь в большом ассортименте, очищенные и стандартизованные. Их выделяют главным образом из мутантов микробов и грибов. С помощью их определяют тысячи веществ в химической, пищевой, фармацевтической промышленности, в медицине и биохимии. Анализируемая примесь выступает в роли либо участника реакции, протекающей при

воздействии фермента, либо в роли ее замедлителя.

Два решающих достоинства имеют эти два метода. Первое — специфичность. Можно определять одно вещество в сложной смеси. Второе достоинство — скорость анализа. За считанные секунды накапливаются миллиарды и триллионы молекул продукта реакции.

В сельском хозяйстве используются фосфорорганические инсектициды. Они токсичны для человека и животных. Потому-то явилась необходимость контролировать воду, воздух и пищевые продукты на ничтожные содержания фосфорорганики. Помог фермент из группы холинэстераз. Измерили активность фермента в отсутствие и присутствии инсектицида, и определили его содержание вплоть до 0,015 мкг в пробе.

Фактор звериной шкуры

В только что описанных методах используется реакция микроорганизмов либо ферментов на условия внешней среды. В новейших же бионических поисках аналитики стремятся моделировать отдельные живые органы.

Например такая задача. Моделирование органов обоняния животных с целью определять следы пахучих веществ. Известно, что собаки, насекомые, рыбы крайне чувствительны к запахам. Самец бабочки «ночной павлиний глаз» обнаруживает самку на расстоянии до 10 километров. Ему

Атлас паутин

Оригинальный метод обнаружения веществ предложен на основе поведения одного из пауков. Замечено, что если паук съедает в своем корме ничтожную дозу (доли микрограмма) какого-либо из наркотических веществ или просто соприкасается с ним, то меняется конструкция паутины. Каждому веществу соответствуют только ему присущие изменения в конфигурации тенет.

Создан атлас паутин, сотканных пауком под воздействием на него наркотизирующих веществ. Сличение рисунка, полученного в эксперименте с рисунком в атласе, позволяет опознать, чем паук потчевался. Кстати сказать, и чутье собаки можно усилить, ослабить или парадоксально извратить, давая ей в пищу специфически действующие вещества.

Создавая приборы для анализа следов, конструкторы близкого будущего не смогут не интересоваться тем, что таракан и гремучая змея видят в инфракрасном свете, а пчелы в ультрафиолетовом и поляризованном свете. Что дельфины, летучая мышь, а также ее лакомая пища моль обладают великолепными локационными системами в области ультразвука, а многие рыбы чувствуют инфразвук и магнитное поле. Ученые и конструкторы прочтут и используют эти и многие другие патенты природы.

Для этого достаточно концентрация 10^{-12} мкг вещества, выделяемого самкой, в литре воздуха. Стаю рыб можно на время остановить в узком протоке, если погрузить в воду руку или кусок звериной шкуры! Доказано, что сигнал тревоги возникает из-за поступления в воду вещества, входящего в состав белка. Его называют «фактор звериной шкуры». Одна его часть в 80 миллиардах частей воды вызывает у рыб тревогу.

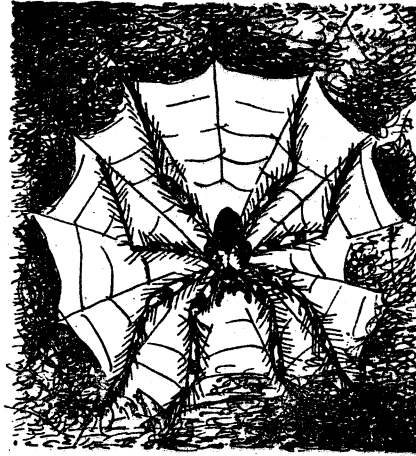
Объектами пристального изучения стали обоняние собаки и строение ее носа. Это привело к конструированию ряда вариантов прибора «искусственный нос», определяющего пахучие вещества в воздухе, воде и на земной поверхности для нужд санитарии, криминалистики и военно-химической защиты.

У собак чутье к ароматическим компонентам выделений сальных и потовых желез на коже в миллионы раз выше, чем у людей. Это — одна их особенность. Другая, особо ценная для криминалистов, — способность собаки распознавать запах определенного человека среди запахов сотен тысяч людей. Аромат человека подобен отпечатку пальца, он генетически предопределен, и натренированная собака может спутать только однойцовых близнецов.

Как объяснить неповторимость запаха? Хотя из кожных желез всех людей выделяются вещества одного и того же ассортимента, количественные составы компонентов смеси бесконечно разнообразны и неповторимы. В этом оркестре пахучих веществ первую скрипку играет масляная и изомасляная кислота. Достаточно десятков их молекул, чтобы собака учуяла след. Далее по интенсивности запаха идут валериановая, изовалериановая, каприловая и другие кислоты.

Собака способна различать широкий набор запахов. В этом она рекордсмен среди домашних животных.

Существует добрый десяток конструкций «искусственного носа». В США используется полицией электронный анализатор запаха — «электронный нос», — устройство которого сохраняется в секрете. В печати сообщалось, будто он в тысячу раз чувствительнее обоняния натренированной собаки. Прибор копирует

функции обонятельных нервных корешков в слизистой оболочке носа животных. Работает он на полупроводниках, которые изменяют электропроводность в зависимости от формы и размеров молекул паров, поступающих в прибор.

В других моделях сочетаются полупроводники с адсорбентами. Поглощая пахучие пары, адсорбенты выделяют тепло. Его количество зависит от химического состава паров. Соответственно изменяется сопротивление электрической цепи, фиксируемое на ленте самописца. Сопоставляя записи, можно сравнивать составы следов запаха, изъятых с места преступления, с пробами запаха подозреваемых лиц. Созданы также анализаторы запаха, основанные на газовой хроматографии.

Чувствительностью носа собаки обладает газосигнализатор «электронная ищейка», находящий применение на предприятиях для сигнализации опасных концентраций токсичных и взрывчатых веществ в воздухе. Например, на фабриках химической чистки он сигнализирует о повышенных содержаниях паров перхлорэтилена. Прибор работает на принципе избирательного поглощения пахучими веществами ультрафиолетового излучения. Воздух проходит между лампой, излучающей ультрафиолетовые лучи, и детектором. Чем значительнее поглощаемое излучение, тем больше оптическая плотность, фиксируемая детектором. Он же издает сигнал, если концентрация превышает предельно допустимую.

Судьба корабля

● Наша Вагановская восьмилетняя школа четырнадцать лет собирает материалы о моряках Краснознаменной Ладожской флотилии. По двадцать лет родственники многих матросов и офицеров знали о их судьбе только из коротких записей в похоронных извещениях — «пропал без вести», «тело предано морю...» Наши ребята смогли рассказать о погибших подробнее. Следопыты разыскали все одиночные могилы, которых было много по берегам Ладоги и в болотах, и перенесли останки героев в одну общую, которую называли «Ладожский курган».

Наш музей — только о моряках.

Самый интересный материал собран о судьбе сторожевого корабля «Конструктор».

Анкетные данные корабля таковы. В 1906 году минный крейсер под названием «Сибирский стрелок», построенный в Хельсинки, вступил в строй кораблей Балтийского флота. В октябрьские дни 1917 года судно стояло на ремонте, но команда его участвовала в штурме Зимнего дворца. В 1925 году «Сибирский стрелок» стал экспериментальным кораблем по испытанию новых образцов минно-торпедного оружия и был переименован в «Конструктор».

В августе 1941 года корабль вошел в состав Ладожской военной флотилии. Он обстреливал вражеские позиции, водил караваны с продовольствием для Ленинграда, буксировал баржи, перевозил эвакуированных.

Командир корабля капитан II ранга Г. А. Зеланд в самой сложной обстановке был собран, находчив, иск-

лнительно хладнокровен. Команды его были точны, коротки до предела. 7 октября 1941 года командир погиб. В этот день погода была пасмурной. «Конструктор» принимал топливо с баржи. Внезапно, как коршун, вынырнул из облаков фашистский самолет и сбросил четыре бомбы. От осколков погиб командир и несколько членов команды. Командование кораблем принял старший помощник лейтенант М. Ф. Пантелеев. Раненный в голову и ноги, он позволил отправить себя в госпиталь, только когда закончился бой.

В будущих боях героизм членов экипажа проявлялся еще не раз. Матросы вспоминают о мужестве командира зенитной пушки Егора Крамаренко, — смертельно раненный, он продолжал управлять огнем. Старший краснофлотец Иван Задорин с раздробленной челюстью не покинул боевого поста. Пулеметчику Сергею Бетину осколком бомбы оторвало руку, но и он не бросил оружия...

Спустя месяц корабль с эвакуированными людьми на борту, следовавший из Осиновецкого порта в Новую Ладогу, подвергся еще одной жестокой бомбардировке с воздуха. Взрывом была разрушена вся носовая часть. Корабль удалось завести в бухту Морье. На этот раз, казалось, «Конструктор» окончательно вышел из строя.

Однако на следующий день экипаж решил на общем собрании: сохранить корабль, отремонтировав его своими силами. Сделать «Конструктор» самоходной артиллерийской базой. Пусть и с деревянной носовой частью, но он будет мстить врагу!

Предстояло одновремен-

но обеспечить топливо и заготовить стройматериалы. Чтобы отапливать судно, ежедневно требовалось до шести кубометров дров. Путь за ними в лес составлял туда и обратно десять километров. Транспортной служила «матросская тяга». Трудно поверить, но команда на своих плечах вывезла тогда 1000 кубометров древесины...

Каждый матрос мог попроситься в другую часть. Но люди дали слово над прахом погибших товарищей — восстановить корабль. Все члены команды стали универсалами — плотниками, водолазами, сварщиками.

Командование инженерного управления Балтийского флота, оценившее энтузиазм экипажа, сделало невероятное: в условиях войны, когда каждый килограмм металла был на вес золота, оно дало разрешение на строительство металлической носовой части, вместо деревянной. В начале августа 1942 года «Конструктор» своим ходом покинул бухту Морье и взял курс на Новую Ладогу, где был поставлен в док для окончательной доработки.

Так он родился заново.

Сорок третий год корабль встретил в полной боевой готовности. Он снова конвоировал транспорты, поддерживал артогнем наступающие советские войска.

Боевая страница биографии «Конструктора» завершилась десантной операцией на реке Тулокса.

После войны корабль еще долго работал, выполнял специальные задания.

По инициативе следопытов нашей школы морякам со сторожевого корабля «Конструктор» поставлен памятник. Ежегодно, в День Победы, на берег бухты Морье приезжают оставшиеся в живых члены экипажа — почтить память погибших товарищей.

Лена ВЕЛИКОРУСОВА,
председатель отряда
красных следопытов
Вагановской школы

*Всеволожский район
Ленинградской области*

И стал краеведом

Рисунок
Н. Лазаревой

У каждого в детстве было свое хобби: кто коллекционировал марки, кто старые, порывшие от времени «керенки» и «катеринки», кто спичечные этикетки. А я классе в пятом отдал предпочтение книгам. Библиотека моя началась с того, что из родительского ящика на свою этажерку я перетаскал все институтские учебники по сельскому хозяйству, — конечно, в структуре солонцов и бухгалтерском учете я тогда даже не пытался разобраться. Этот, казалось бы, бессмысленный шаг толкнул меня на следующий: я стал постоянным читателем сельской библиотеки.

Однажды, копаясь в толстых фолиантах, наткнулся я на небольшую книжечку с гусиным пером и чернильницей на обложке. То было популярное пособие — «Литературное Зауралье» Михаила Даниловича Янко. Прочитал книжечку, и очень удивился. По моему тогдашнему мнению, все писатели жили в Москве... Помню, в районной газете была напечатана двадцатистрочная информация за подписью бригадира, нашего соседа по улице, — впечатление она произвела такое, что я с тех пор считал соседа самым умным человеком.

Из книжечки М. Д. Янко я узнал, что писатель Глебов, автор «Карабарчика», живет совсем рядом — в Кургане; что писатель, рассказы которого мы читали еще во втором классе, — Мамин-Сибиряк — тоже наш, уральский...

Как-то по Челябинскому радио довелось мне услышать рассказ о краеведе Владимире Павловиче Бирюкове, о его знаменитом архиве. В то время меня уже мучили вопросы: как хранить газетные вырезки,

как разобрать их, систематизировать. И я решился написать Владимиру Павловичу письмо.

Ответный конверт был объемистый, самодельный, из грубой синей бумаги. Когда я наконец решился его распечатать, на стол выпал сверток пожелтевших от времени листов. То была тоненькая брошюрка с длинным и витиеватым названием: «Шадринский уезд — житница Урала и г. Шадринск — место для Уральского сельскохозяйственного института» (Государственная типография, Шадринск, 1920 год). Тут же, на обложке, — автограф.

В письме, с первых строк, учительские интонации: «Даже не верится, что ты интересуешься краеведением. Краеведы всегда называют полностью имя и отчество, не говоря уже о полном адресе, а ты ставишь только одну букву. Непорядок». От этих строк пришлось покраснеть, а дальше — еще больше: попало и за плохой почерк, и за неточности. Но стыд и обида прошли быстро. Владимир Павлович дал в руки наивного шестиклассника то, что среди книголюбов зовется уникалом, редкой книгой. «А почерк, в конце концов, — думал я, — исправить можно».

Тогда, по совету Бирюкова, написал я на базу посылторга и вскоре получил его книгу «Краеведческая копилка».

Второе письмо пришло от Бирюкова, оно было дружеским. «Теперь я все-таки знаю, как твое имя, — писал Владимир Павлович. — Только почему ты не сообщил свое отчество? На тебя карточка заведена в день получения первого письма. А потому имя я обозначил лишь одной буквой «В», после второго письма доба-

вил «...иктор», а отчество до сих пор написать не могу». И дальше: «Если ты настоящий краевед, то прежде всего должен описать свое селение, где и как оно расположено, при каком водоеме, кто жители, их занятия, фамилии, что говорят старики о начале селения и т. д.».

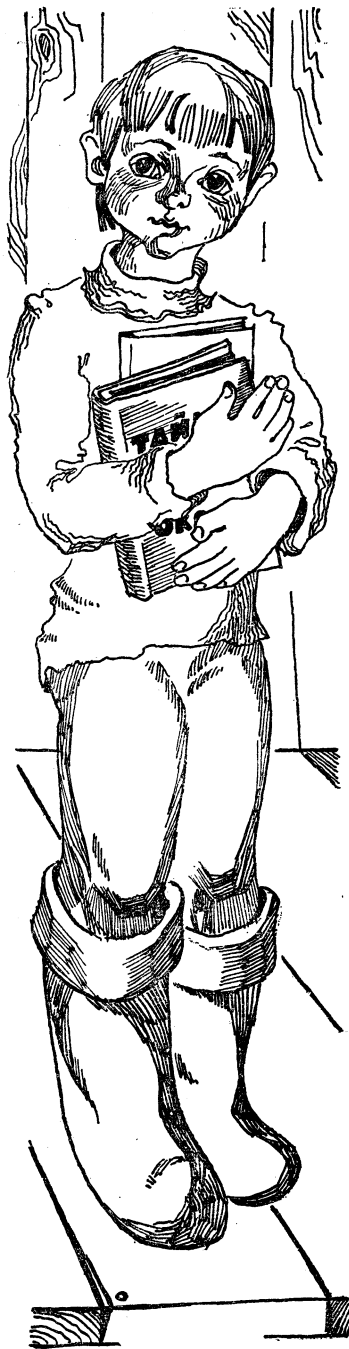
С этого началась деловая переписка. Незвестный шестиклассник из глухой зауральской деревеньки слал в Свердловск собранные от стариков рассказы и воспоминания, газетные вырезки, местные книги. Обрато шли длинные, ободряющие письма, и в каждом конверте был какой-нибудь сюрприз: редкая книга, газетная вырезка с нужной информацией.

31 мая 1971 года я получил от Владимира Павловича последнее письмо: «Витенька, здравствуй! Твой присыл с книжечкой о Каясанском совхозе я получил и читал. Но как не специалист в агрономии, не все понимаю... Ты просишь посылать тебе еще для пополнения твоего собрания, так вот я шлю номер «Уральского рабочего». Мог бы послать еще кое-что, но необходимо только время, чтобы извлечь материалы. Особенно хочется послать мою книжку «Очерк краеведческой работы» 1923 года, изданную тиражом всего в 300 экземпляров. Так что представь, какая это редкость...»

Но времени уже не оставалось... 22 июня «Советское Зауралье» опубликовало некролог: «Курганская писательская организация с глубоким прискорбием извещает, что в Свердловске на 83-м году жизни скончался старейший писатель-краевед Владимир Павлович Бирюков».

Не стало чуткого, доброго наставника. Но дело его продолжалось: уже в третий раз на всеуральский форум собираются краеведы — эти съезды получили название «Бирюковских чтений».

И я не забыл уроки Владимира Павловича. Мое школьное увлечение стало делом всей жизни. Не без помощи В. П. Бирюкова я понял, что краеведение не только интересно — им необходимо заниматься.

Убедился в этом еще раз недавно, когда по просьбе учителей одной из курганских школ отдал материалы о курганских декабристах и мне сказали: «Большое спасибо!»

Виктор МАШНИН

г. Щучье
Курганской области

ОТКУДА ПОШЛИ

**Борис
РЫБАКОВ**

*Рисунки
М. Паукера*

Много лет назад удалось услышать мне про анекдотичный случай, происшедший в Славянском районе Читинской области. У озера встретились двое путников. Поскольку время было позднее, решили заночевать вместе. Разожгли костер, приготовили ужин и уселись вечеровать. За трапезой стали знакомиться.

— Кобылкин, — называет свою фамилию первый. Второй же, немного заикаясь и с усмешкой, называет свою:

— Жеребцов!!!

Первый, решив, что над ним насмеются, бросился в драку...

Фамилии, как фамилии, но в определенных условиях их звучание становится или смешным, или оскорбительным как в данном случае.

В конце двадцатых — начале тридцатых годов Советское правительство разрешило гражданам СССР менять неблагозвучные фамилии. Газета «Известия» печатала на своих страницах заявления граждан о перемене фамилий. Передо мной вырезки из газет. Их мне любезно предоставил пенсионер из Жигулевска Куйбышевской области В. В. Бриллиантов. Кто же менял фамилии?

Василий Николаевич Плут, житель города Ростова-на-Дону, пожелал иметь фамилию Донской, Давид Авнерович Гитлер сменил фамилию на Ленский. Роман Митрофанович Беспорточный стал Новиковым. Не понравилась супругам Бардаковым их фамилия, и они заменили ее на Орловых. Вполне понятно стремление Дмитрия Васильевича Бздюлева, Владимира Михайловича Безмозгова, супругов Шлюхиных, Ольги Петровны Безмозгой, Николая Владимировича Шута, Николая Макаровича Сопливого, Петра Петровича Трепачева и многих других изменить свои фамилии на более благозвучные.

29 октября 1970 года по Центральному телевидению выступил один из первых комсомольцев города Иванова, член КПСС с 1917 года Павел Константинович Большевиков. Прежняя его фамилия была Царев. Когда-то, на заре Советской власти, комсомольцы решили, что фамилия комиссара не соответствует историческому моменту и должности, которую он занимал. Решение собрания было единодушным, и с того памя-

ного дня Царев стал Большевиком.

Так что же она представляет из себя, наша русская фамилия, когда возникла, откуда взялась, что означает?

Только в XVI—XVII веках начали появляться фамильные прозвания, хотя с XIV века ведут свои родовые старинные княжеские рода Шуйских и Курбских.

В XVII веке было 16 знатных родов, члены которых, обойдя низшие чины, имели право называть себя боярами: Черкасские, Воротынские, Трубецкие, Голицины, Хованские, Морозовы, Шереметьевы, Одоевские, Пронские, Шейны, Салтыковы, Репины, Прозоровские, Буйносовы, Хилковы и Урусовы.

Большими преимуществами пользовались и другие 15 родов: Куракины, Долгорукие, Бутурлины, Ромодановские, Пожарские, Волконские, Лобановы, Стрешневы, Борятынские, Милославские, Сукины, Пушкины, Измайловы, Плещеевы, Львовы.

В XVII веке происходит распад больших родов на мелкие фамильные объединения. Их фамильные прозвания образовывались, как правило, по нецерковному имени предка. Отпрыск князей Стародубских, упоминаемый в памятниках как Андрюшка Ковер, стал родоначальником князей Ковровых. Сын ярославского князя Федора Голубого стал Владимиром Темносиним.

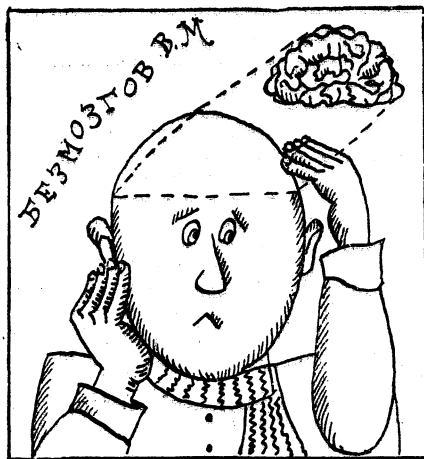
Боярин Андрей Иванович Кобыла в первой половине XIV века имел трех сыновей. Старшим был Семен Жеребец, правнук которого записан как Игнатий Жеребец-Кобылин. Второй сын Андрея — Александр Елка-Кобылин, от него пошли Кобылины, третий — Федор Кошка — родоначальник бояр Кошкиных, родственников Романовых, позже занявших царский трон.

А вот у духовенства и до середины XVIII века не было фамилий. Для них достаточно было прозвания: Вознесенский поп Иван — по церкви Вознесения, Никольский дьякон Григорий — дьякон у Николы.

С конца XVIII и особенно в первой половине XIX веков в духовных семинариях поголовно всем записывали фамилии или заменяли неподходящие, чтобы не стал священ-

РУССКИЕ ФАМИЛИИ

ником какой-то Собакин или Полу-
пьянов. Архиерей, глава епархии,
нарекал своих подопечных по на-
именованиям драгоценностей — Брил-
лиантов, Диамантов, Серебров или
по названию цветов, благородных
растений и птиц — Виноградов, Ги-
ацинтов, Фиалков, Лебедев, Соловьев,
Голубев...

Таким образом, русское духовен-
ство награждали фамилиями «по
церквам, по цветам, по камням, по
скотам и — яко восхощет его пре-
освященство».

У крестьян фамилии установи-
лись гораздо позже. В отличие от
дворян, они не вели родословных.
Помещичьим крепостным вообще фа-
милии не полагались. Большой тол-
чок к «офамилливанью» русского кре-
стьянства дала отмена крепостного
права. Однако царскому правитель-
ству так и не удалось добиться, что-
бы фамилии охватили всех. 13 марта
1913 года Херсонская губернская
земская управа обратилась в выше-
стоящие инстанции со «слезнищей»,
что не в силах содержать 1700 бес-
фамильных подкидышей.

Как же россияне до возникнове-
ния фамилий обходились без них?
Как именовались?

У человека было только имя. В
обиходе обычным было мирское имя.
При этом князья применяли, как пра-
вило, сложные имена со второй ча-
стью на -слав, -полк, -волод — Бря-

числав, Всеслав, Ярослав, Святополк,
Всеволод... Встречаются и заимство-
ванные из греческих — Олег, Ольга,
Игорь, но таких было мало.

С введением христианства появи-
лись греческие, лагинские и другие
имена, которые были сведены про-
поведниками христианства в кален-
дарные списки — святцы. Довольно
странно производилось насаждение
чуждых русскому языку имен. Спе-
шили священники поскорее обратить
в православие народ. Несмотря на
непогоду и дорожные условия, архи-
ереи разъезжали по деревням. Впе-
реди скакали стражники, загоняя всех
в реку, отдельно — мужчин, отдель-
но — женщин. Подъезжала архиерей-
ская карета. Здесь: «Во имя отца,
сына и святого духа! Крестится раб
божий Василий». Кучеру: «Гони
дальше!» Там: «Крестится раба бо-
жья Марфа. Гони!» — надо успеть к
обеду в богатое село, а до него еще
две деревни. В одной все мужчины
станут Николаями, в другой — Ива-
нами.

Фамильные прозвания от кален-
дарных имен на первом этапе офами-
ливания были немногочисленными и
находились в прямой зависимости от
распространенности личных имен. В
большинстве городов в XVII веке
встречаются в избылици Алексеевы,
Александровы, Ивановы, Петровы...
Резкий скачок числа фамилий наблю-
дается с конца XVII века, когда кре-
стьян стали записывать по имени
отца. Вышел указ правительства, по-
зволяющий менять обидные прозва-
ния на благопристойные. Чаше всего
отчество отца (имя деда) станови-
лось фамилией. Популярное имя
Иван дало фамилию Ивановых сот-
ням тысяч русских.

Из 34 247 лиц, упомянутых в
справочнике «Весь Петербург» за
1910 год, 124 фамилии встречаются
у ста и более носителей. Так, Ивано-
вых было 1908, Васильевых — 1352,
Петровых — 1325, Михайловых — 789,
Яковлевых — 662. На седьмом месте
значилась фамилия Соколов (753),
на тринадцатом — Лебедев (540),
Волков — на 22-м месте (389), Солов-
ев — на 25-м (382), Орлов — на 27-м
(323).

В списках 180 городов XVII века
редки фамилии Иванин, Ивашкин,
Ивашев, Иваников, еще реже фами-

лии Ванин, Ванькин. Зато сейчас мы
имеем почти всю гамму образова-
тельных форм от имени Иван.

Сейчас в Москве больше 100 ты-
сяч Ивановых. На втором месте по
численности стоит фамилия Кузнецо-
вых, хотя в целом по стране она за-
нимает третье место. На втором ме-
сте по стране и на третьем по Мос-
кве значится фамилия Смирновых.

Православные крестьяне в боль-
шинстве случаев избегали обязатель-
ного, по дням календаря, ассорти-
мента имен, навязываемых церковью.
Акакий, Гигантий, Голендуха, Горазд,
Дула, Кукша, Мамант, Павлин, Пав-
сикакий, Папа, Псой, Сатир, Тигрий,
Урван — и такие имена были в свят-
цах. Здоровый народный вкус надеж-
но охранял язык от имен, которые
были чужды русскому человеку и
вызывали ненужные ассоциации. Из
1100 имен церковного календаря на-
родный вкус и традиции отобрали
относительно небольшую группу
имен, получивших наиболее широкое
распространение, передававшихся по
наследству, перенесенных в фами-
лии.

Только этим можно объяснить
тот факт, что наряду с календарны-
ми в обиходе у русских множество
мирских, некалендарных имен.

Откуда же взялись такие вроде
бы необычные фамилии, как Козлен-
ков, Глистин, Волкодав, Сороксобак,

Дрянь, Свинья, Гробов, Покойник, Негодяев, Голопузов, Сопляков, Негробов? Неужели в старину были такие имена — Козленок, Глиста, Дрянь, Свинья, Покойник, Негодяй? Исторические документы утвердительно отвечают на эти вопросы. В «Актах феодального землевладения и хозяйства XIV—XVI веков» читаем: «Елизар Собака Михайлов сын Неронова», «Семен Сокол Григорьев Чертов», «Костя Ширий Иванов сын Близнецов». В «Писцовых книгах города Казани 1565—1568 гг.» отмечаются такие прозвания: «Прибору Субботы Григорьева сына Чаадаева», «двор сына боярского Замятни Андреева сына Безстужева», «князь Василий Ушатый Федор Гвоздь Васильевич Туренин».

Выходит, что такие мирские, некалендарные имена, как Собака, Сокол, Ширий, Прибор, Суббота, Гвоздь и много других находились в применении у русского народа.

На первый взгляд может показаться, что присвоение человеку того или иного имени носило произвольный характер. Но такое предположение ошибочно, ибо в каждом отдельном случае выбор имени вполне обоснован событиями семейной жизни или местом, временем, условиями рождения. Бажен — желанный, Ждан — жданный, Неждан — нежданный, Нечай — нечаянный, выражали отношение родителей к рождению ребенка. Первушка, Пятый, Шестак, Большак, Меньшой указывали на то, каким по счету в семье был ребенок. Некрас, Плакса, Бессон, Безобраз, Смирной, Худяк, Верста, Занка и масса других им подобных имен характеризовали какие-то качества ребенка. Часто ребенка называли некрасивым именем только того, чтобы нечистые силы не унесли его. А присвоение имен хищников-зверей или птиц имело защитную силу: вырастет сын и будет сильным, как медведь, храбр как лев, быстр как ястреб, ясновидящим как орел. Иные имена фиксировали время рождения ребенка: Суббота, Понедельник, Недела, Вешняк, Май.

Прозвищные некалендарные имена отличались от календарных христианских своей конкретностью. Они не только были ближе, понятнее народу, чем заимствованные церковные, но были метки, образны. Вспомним «Мертвые души» Гоголя... Русский народ «...не лезет за словом в карман, не высиживает его, как насадка цыплят, а вцепливает сразу, как паспорт на вечную носку, и нечего прибавлять уже потом, какой у тебя нос или губы — одной чертой обрисован ты с ног до головы!»

Достаточно открыть первые страницы «Словаря древнерусских личных собственных имен» Н. М. Тупикова, чтобы убедиться, насколько неисчислима фантазия русских людей при выборе имен в X—XIII веках.

В XV веке в роде смоленских князей Фоминских в четырех поколениях употреблялись ботанические прозвища: Трава (от него — Травинь), Осока, Пырей, Шавель, Дятелина, Вязель (полевой горох), Атава, Салмак (рядовая посадка плодовых деревьев, винограда). Один из подданных Травинных носил прозвище Отрасль, а его сын — Ветка Отраслев.

У тульского вотчинника Никиты Васильевича Мясного (1528 год) были сыновья Софон Мешок, Иван Шарап (шарап — разграбление), Иван Мешочек, а у Ивана Мешка — сын Осип Карман.

В семье помещиков Бежицкой пятины Поскотинных были имена — Друг, Товарищ и Ташлык Леонтьевичи. В Рязани жили в XVI веке Добыча и Неудача Ивановичи Алымовы.

В роде москвичей Тыртовых (тырта — пустобай, спорщик) в XVI веке были сыновья Гам, Зук (звук), Шум. Сына Зук именовали Крик Зуков Тыртов. А вот у Гама Тыртова сына уже называли Миром: мол, пошумели и довольно.

Пожалуй, мало кому известна фамилия новгородского помещика середины XV века Ивана Линя, который и сыновей своих окрестил порыбьи. И вот ходили по новгородским улицам рука об руку с батюшкой Линем все его сыновья — Сом, Ерш, Окунь и Судак...

Прозвища донесли до нас профессии, бытовавшие на Руси. Нам хорошо знакомы фамилии Токарев, Слесарев, Мельников, Кузнецов, Конавалов, Дегтярев, Кожевников, Пушкарев, Калашников... Фамильные прозвания, образованные от названий профессий, представляют интересный материал для изучения эко-

номики и культуры России. Слово «трапезник» сейчас у многих ассоциируется с понятием церковного обряда. Однако это не так. В городах Руси была профессия трапезников, занимающихся торговлей, обменом товаров. Фамилия Носовщиков сохранила нам название профессии первого помощника лоцмана на судне. Носовщика вытеснил боцман.

Фамилия Моршечников долгое время оставалась в моей картотеке «темной». И только обращение к древнерусским профессиям помогло раскрыть суть ее. В старину моршечники изготавливали головные уборы замужних женщин, которые назывались моршенками.

Давно из речевого лексикона исчезли гиуны и мытники, кромешники и покладники, мечники, кощен, зажитники, бобровники, но русский народ в своих именах, прозвищах и фамилиях донес до нас их значение.

Большое число фамилий образованы от тюркских имен. Этому не стоит удивляться. Общение русских с тюркскими народами было продолжительным. Большое число тюркских слов и понятий вошло в русский лексикон. Эти слова послужили корнями для русских прозвищ и мирских имен.

Немало изменений внесло в русскую лексику более чем трехсотлетнее владычество монголо-татарского ига. В летописных источниках читаем такие татарские имена, как Алай Михалков, боярский сын Ахмет Михайлов сын Козлов, Кизилбай Самойлов, сын Маринин Булгак Григорьевич Ромозан, боярский сын Шеремет Андреев сын Вяткина. Среди 348 русских фамилий на букву А, помещенных в работе В. А. Никонова «Русские фамилии», я насчитал 83 производных от тюркских имен, что составляет почти 29 процентов.

Столь безобидное занятие как изучение имен приводит иногда к казусам.

На меня в обиде супруги Салыкины из Севастополя за то, что я расшифровал им значение их фамилии. В московских говорах бытовало слово «салалыка» в значении ябедник, наушник, сплетник. Средний слог «ла» выпал.

Г. Н. Бульчев, мой хороший товарищ, руководитель предприятия, когда узнал от меня, что в основе его фамилии лежит нарицательное слово «плут, бесстыжий, наглый торгаш» тоже обиделся, будто я дал его предкам имя Бульч...

Изучение русских фамилий, их истории, происхождения, смысла помогает узнать многое — и экономику, и культуру страны, и богатство лексики великого русского языка.

ЛЮДИ ОГНЕННОЙ ПРОФЕССИИ

● Как люди приходят в металлургию? Что в ней привлекает на всю жизнь?

Когда описывают металлургическое производство, говорят о том, как человек, касаясь кнопки, управляет огромной печью. Берет ковш, вмещающий до 300 тонн стали, и, нажимая рычаги, легко заливает металл в изложницы. Направляет десятитонные слитки в прокатные валки...

Все это на современном заводе, конечно, есть. Но нельзя забывать, что люди имеют дело с горячим металлом, что их профессия не исключает тяжелого физического труда, наличия необычных ситуаций, требующих мгновенной реакции и решимости. Однако того, кто сердцем прикипел к этому нелегкому занятию, не пугают трудности. Ощущение собственного могущества в укрощении горячего металла в большей степени и определяет романтику огненной профессии.

В старину говорили: «Человек неученный, что топор неточеный. Можно таким дерево срубить, да трудов много».

Сколько же надо знать металлургу? Горняк и металлург XVI века Г. Агрикола перечислял науки, знание которых необходимо для занятия горным делом и получения металлов. Среди них философия, «дабы он мог знать происхождение и природу подземного мира», медицина, астрономия, наука чисел и измерений, архитектура, рисование и вопросы права.

Вот чем определялся круг профессиональных знаний металлурга четыре сотни лет назад. Какие же знания требуются в условиях научно-технической революции?!

Разные пути ведут в металлургическую профессию, не одинаков уровень квалификации. Следовательно, и различны формы подготовки.

Сын директора Магнитки А. Д. Филатова, решивший стать металлургом, как-то сказал отцу:

— Вот я кончу институт, дадут мне, например, стан...

— Сразу стан? — говорит отец. — Запомни, сын: станы не дают, и мартены, домны, коксовые батареи — тоже не дают. Никому! Их берут. То есть надо завоевать право взять их — умением, опытом, знаниями, отношением к людям.

Замечательные слова. Действительно, хорошим специалистом можно стать только тогда, когда человек постепенно шагает по своей профессиональной лестнице.

И все-таки какой металлургической профессии отдать предпочтение? Какая из них самая лучшая? В народе верно говорят, что это та, которой человек посвящает все свои силы и знания, ибо авторитет профессии во многом зависит от того, как мы сами относимся к ней. В современном производстве можно вли-

делить три основные металлургические профессии: доменщик, сталеплавищик и прокатчик. Каждая в свою очередь делится на большое число специальностей.

Доменщик стоит у начала металлургического цикла. Он первым встречает огненные реки чугуна и направляет их в огромные ковши. Прикрывая щитком лицо, человек повелевает здесь огненной стихией. Это красиво, увлекательно, но и ответственно, требует сильного характера, настойчивости.

Опытный доменщик Челябинского металлургического завода Н. А. Мutowкин говаривал новичкам:

— Доменное производство самое беспокойное, но и самое интересное. Сколько лет работаю, и каждую смену открываю что-то новое.

В выплавке чугуна заняты газовщики, водопроводчики, машинисты вагон-весов и рудных кранов, мастера, технологи. Но основная фигура все же — горновой. Раньше в хозяев горна подбирали обычно здоровых ребят по принципу: «Сила есть — ума не надо». Нынче горновой должен иметь широкий круг технических знаний.

Сталевар и его подручный варят сталь. Технология процессов получения самых различных марок сейчас точно разработана. Но чтобы ее соблюдать, сталевару надо быть очень грамотным, ибо личное мастерство и сейчас не утратило своего значения. Пробу металла, взятую в печи, отправляют пневматической почтой в лабораторию для анализа. Но еще до его получения опытный сталевар скажет, какая сталь у него получается. Он видит, как кипит ванна, как выглядит проба на изломе, какие искры взлетают в момент, когда металл из пробной ложки сливается на плиту.

Прокатные специальности включают немалый перечень названий. Сварщик готовит слитки к прокату, нагревая их в термических печах или колодцах до 1250°С. Блюмингом управляют три оператора: двое работают, третий — отдыхает. Работа очень напряженная. Сидят они в мягких креслах, руки их лежат на рычагах управления, ноги на педалях. Руки в непрерывном движении — они ведут прокатку слитков.

Ежегодно сотни выпускников средних школ поступают на работу в металлургические цехи уральских заводов или в профтехучилища. Знают ли они производство, с которым думают связать свою судьбу? Должны знать, ибо среди множества специальностей им предстоит выбрать одну и на всю жизнь.

Н. МЕЗЕНИН,
инженер-металлург,
кандидат технических наук

Уголек

**Михаил
ДЕМЕНОК**

Рисунки
Н. Мооса

В кабаргинское лесничество приняли лесником немолодого, уже в годах, переселенца с Брянщины — Романа Федоровича Гурова. Работником он оказался исполнительным, а главное — мастеровым. Любое дело — посадить молодняк на пустошах, отклеить деревья, изготовить сани крестьянские или наколоть клепки — все сделает Роман, да так, что залюбуешься.

Остановился однажды у его кордона лесничий Фрол Акимович Воронов. Прошелся по двору и загадочным тенорком, как бы между прочим, сказал:

— Невесело живешь, Роман!

— Как?! — удивился лесник. — Весело-невесело, а стараюсь! Работаю с раннего утра и до позднего вечера, то на обходе в лесу, то дома по хозяйству!

— Да я не про то! — перебил Романа лесничий. — Мужик ты работающий. Но как же вышло, что на кордоне нет собаки? Ты возьми-ка щенка от моей Тайги...

А через пару дней по кордону носился и облаивал кур и хрюшек полугодовалый щенок, которого Роман за его черную, как смоль, шерстку назвал Угольком.

Первое время Роману и его жене Анисье действительно было весело с Угольком. Заливистый лай, как звонок, звенел по двору: мол, внимание, на кордоне кто-то появился. Выйдет Роман на крыльцо, смотрит на Уголька и диву дается: щенок-то не зря голос подает, ворону облаивает, которая прилетела на сеновал воровать куриные яйца.

— Молодец, Уголек! — Роман погладит в знак благодарности широкую грудку лайки, а потом нальет в миску жирного супа с куриными лапками. — Ешь!

Казалось, что их дружбе не будет конца. Но к осени, как только из лесных чащ засквозило холодком, Уголька как будто подменили. Однажды он на глазах у Романа, когда тот обмолачивал кедровые шишки на семена, схватил жирную курицу-молодку за красноватую голову. Роман в сердцах огрел Уголька метлой.

По совету жены лесник посадил Уголька на цепь. Но и она не помогла. Ляжет Уголек возле своей конуры и притворится, будто спит, а сам косит глазом в сторону кур. Как только одна из них подойдет поближе, Уголек тут же ее придушит.

— Так тебе, старый, и надо, не будешь кормить собаку куриными ножками, — бранила Романа жена.

Решил избавиться лесник от собаки. И может расстался, если б не Фрол Акимович Воронов. После листопада он наведалься на кордон.

— Ну как, весело живешь, Роман?

— Чересчур весело, Фрол Акимович, голова аж кругом идет.

И Роман поведал лесничему о проказах Уголька.

— Знакомая история, бывало моя Тайга похлеще штучки выбрасывала. За день десяток соседских кур придавит и не облизнется. Наличными приходилось рассчитывать с бабами... А теперь вот, —

он погладил стоявшую у ног рослую со стоячими ушками, черную, как Уголек, собаку.— Цены ей нет. На ровном месте зверя поставит... Вот что я скажу тебе, Роман: пришла пора натаскивать Уголька на зверя. Моментаально про кур забудет.

В первое же воскресенье лесничий взял Романа с Угольком попугать кабанов в Елисейевой пади, где звери не только откармливались на желудях, но и портили лесопосадки. Оба охотника, облаченные в мягкие куртки и брюки, сшитые из шинельного сукна, обутые в легкие кожаные ичиги, подшитые тонким войлоком, двигались по чернотропу бесшумно. Впереди весело бежали Уголек и Тайга.

Когда до заветного места оставалось метров триста, взвизгнула вдруг тонко Тайга, словно кто ее стегнул кнутом, и помчалась сквозь орешник. За нею увязался Уголек.

Тайга с ходу налетела на первого подсвинка, подмяла его. Поросяенок взвизгнул. Тотчас из чащи выскочил широкогрудый дымчатый кабан-верзила и, хрюкая, клацая зубами, ринулся на Тайгу. Но тут в кабаный загривок зубами впился Уголек. Он так и ехал по орешнику на кабаньем загривке, пока лесничий не выстрелил. Кабан повалился, подмявая под себя орешник. Уголек схватил раненого секача за ухо, но тут же с визгом покатился по орешнику, обливаясь кровью,— кабан в предсмертных судорогах нанес удар клыками Угольку в живот...

Глядя с жалостью на собаку, Роман возьми и скажи:

— Ну вот, Фрол Акимович, сам случай Уголька порешил.

— Выбрось из головы! — возмутился лесничий.— Сейчас зашьем Угольку рану и домой отнесем...

Только на двенадцатые сутки выходил Роман Уголька. Рану на животе ежедневно смазывал то гусиным, то медвежьим жиром, а кормил бульоном с куриными лапками. И снова побежали своим чередом деньки. По утрам Роман отправлялся в лес — собирал шишки на семена, укрывал еловыми лапками питомник на зиму, проверял лесосеки. И всегда с ним был Уголек. Он не раз удивлял Романа своей быстротой и умом.

В конце мая пошел Роман смотреть дальний кедровый подросток. Позвал Уголька, но того нигде не было. Свистнул раз-другой и, надеясь, что Уголек догонит, зашагал в лес. В Ерохиной балке наткнулся на свежие медвежьи следы. И тут же из орешника на тропинку выкатились два медвежонка. Роман знал, что к ним лучше не приближаться. Стал уходить стороной. Но рядом уже выросла черная медведица. Сильным ударом сбила Романа с ног. Лесник успел выхватить нож, но медведица придавила руку и подмяла Романа под себя.

— Уго-ле-ек! — из последних сил крикнул Роман. И тут, словно из-под земли, возле разъяренной медведицы вырос взъерошенный пес. Он с яростным лаем набросился на медведицу и стал хватать ее за задние лапы. Налетал стремительно и бесстрашно. Медведица оробела и побежала.

Роман очнулся — Уголек лизал его щеку.

...Каждый день, по заведенному правилу, обходит Гуров свой лесной участок: нет ли самовольных рубок, пожара, не поселились ли в рощах вредители? И всегда впереди него бежит Уголек, заглядывая под каждый кустик, под каждую колоду. Он все такой же резвый и беспокойный.

Лупоглазый

**Николай
НИКОЛАЕВ**

В чабанском домике я увидел небольшую темно-серую птицу. Сидела она на подоконнике, тараша желтые кошачьи глаза. Голова — круглая, хвост — до смешного короткий, будто подстрижен.

Пожилой, бородатый чабан Корней Леонтьевич сосредоточенно резал ножом сырое мясо. Небольшие дольки протягивал птице. Та схватывала коротким загнутым клювом, жадно проглатывала.

— Это сова? — спрашиваю.

— Сыч.

— Сыч?! Тот самый?

— Тот самый, о ком худая молва...

— А вы-то не боитесь его?

— Я жизнью ему обязан!

— Занятно. А как приручили лупоглазого?

— Сычи сами поселились в кошаре. Лет восемь живут. Вечерами ухают, хохочут. Особенно, когда отара с пастбища ворочается. Овцы давно привыкли.

— А где сычи обитают?

— Взгляните.

Мы вышли из домика. Корней Леонтьевич поднес сыча к камышитовой стене. Тот подпрыгнул и юркнул в темную дыру.

— Днем дрыхнут, а ночью один лупоглазый за трех кошек справляется. Стоит мыши где-либо пискнуть, и она уже в когтях.

— А чем же особенным ваш сыч отличился?

— Долгая это песня...

И вот что я узнал.

Прошлой осенью в поисках корма отара далеко отошла от зимовья. День на диво выдался знойным, удушливым. А с полудня вдруг засвистал ветер. Небо стало пепельно-желтым. С востока по степи вприпрыжку побежали сухие серые шары перекасти-поля. Солнце заметно мрачнело, укорачивало тучи, наконец, потерялось где-то в сумрачной выси. А ветер неистовствовал, вздымал тучи бурой пыли. Начиналась черная буря.

Только теперь Корней Леонтьевич понял: «Это надолго, надо спешить».

Овцы, почуяв неладное, перестали пастись. Сбиваясь в кучу, все быстрее и быстрее двигались за ветром. Чабан кликнул собак, указал направление, свистнул, они с лаем погнались отару. Овцы текли плотной массой, блеяли на сотни голосов. В душе чабана росла тревога. Дышать стало тяжело. Пыль забивала глаза, нос, песок царапал горло. Ноги становились непослушными.

Иногда Корней Леонтьевич замечал, как сквозь мглу, будто белый пузырь, выныривало лишенное лучей солнце. А вскоре каштановая муть захлестнула все. Отара двигалась вслепую, наугад.

Многое передумал чабан. Больно, обидно было, что так просчитался. Теперь стало понятно, почему с самого утра нещадно палило солнце, почему чибисы, скворцы, сбиваясь в табунки, стремительно улетали в сторону моря...

Буря свирепела. Порывы ветра валили с ног. Овцы безудержно катились, как живой поток. Тревога когтила сердце: «Сбились с пути. Миновали зимовье. Еще час, от силы — два, и овцы начнут валиться». Он вспомнил, как в прошлом году чабан из соседнего колхоза вот так же был застигнут бурей. Отара шла за ветром всю ночь, натолкнулась на старый глубокий колодец. Живая лавина снесла ограждение, и падали овцы в яму до тех пор, пока она не наполнилась доверху. Погибли сотни маток...

«Как остановить, спасти отару? Сейчас... никто не поможет. Завтра будет поздно!» Чабан во тьме натолкнулся на упавшего, обессиленного ягненка. «Началось... Самое страшное...».

Он поднял ягненка на руки. Но идти и без того было тяжело.

Корней Леонтьевич представил, что вот так же и он свалится. А к утру непоенные, обессиленные овцы растеряются по степи. Занесет их пылью.

Мрак все сгущался. В двух шагах чабан ничего не видел, но чувствовал движение, слышал испуганное блеяние, соение животных. Позади глухо лаяли собаки на отставших.

И вдруг где-то справа, в черной мути неба раздалось: «Ха-ха-ха! Хо-хо-хо!».

— Что это? Неужто схожу с ума? — проговорил Корней Леонтьевич.

«Уф! Уф! Уф!» — стонал кто-то в небе.

Как по команде, отара резко шарахнулась вправо, пошла в ином направлении. И тут он понял: это — спасение!

Хохот то удалялся, то приближался. А овцы двигались теперь на этот звук с удвоенной быстротой. В кромешной тьме отару разыскал и вел к зимовью сыч-лупоглазый.

Дуэт

**Николай
СЕМЧЕНКО**

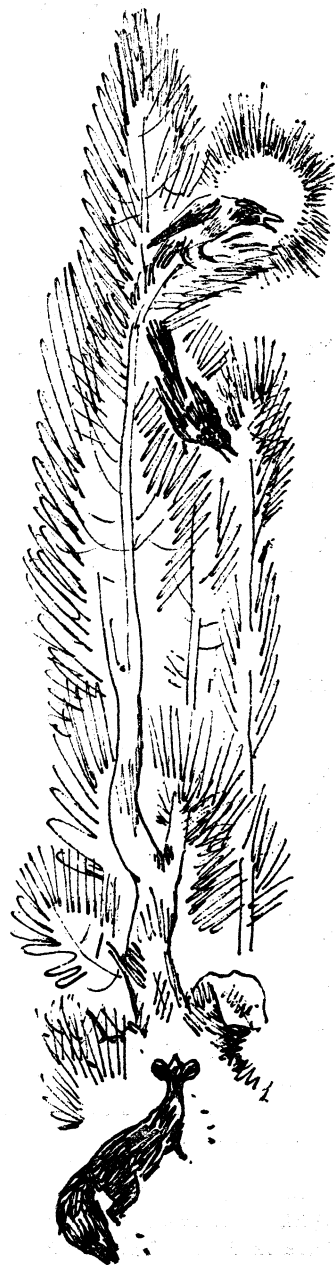
Сорока в своем парадном мундире делала смотр деревьям. Снег лежал еще плотным слоем, и жучки, спрятавшиеся на зиму в коре, не успели отойти от сна. Они забрались слишком глубоко, и сорока не могла достать их коротким клювом.

Птица клюнула пухлую почку тополя и сердито вскрикнула: почка была клейкой и горькой.

Высоко в небе золотая чаша солнца щедро лила лучи, они пронизывали сверкающие снега, проникая к цветам рододендрона. Цветы стремились к чистому небу белыми соцветьями. Мокрый снег тихо шуршал под их напором.

Лапы стланика, разлегшиеся на мшистой земле, обнимали кустики брусники и шептали им весенние слова...

Сорока чутко прислушалась к этим шорохам и, чтобы вернее в них разобраться, уселась на сухую ветку березы поудобнее.

Птица повернула голову к сверкающему диску и, пригретая им, вдруг почувствовала, что наступила долгожданная пора. И в ней прозвучала песня. Она не только умела стрекотать и надоедать охотникам. Она, оказываясь, умела петь... В сорочьей песне словно забулькал горный ручеек, ожили трели жаворонка и теньканье пуночек, некогда ею подслушанные... В ее песне были, возможно, чужие слова, но перышки на шейке сороки вздрагивали и топорщились от вдохновения.

Сорочья песня была пронизана светом такой новизны, что пролетавшая мимо ворона удивилась и, примостившись рядом, долго слушала.

Ворона не могла петь, но то ли солнце на нее подействовало, то ли нехитрое сияние весеннего воздуха, то ли сорочья песня,— она раскрыла клюв и, востроенувшись, стала нежно подкаркивать. И каждое «кар-р!» было как тихий удар в бубен.

Так они сидели и пели.

Шел мимо человек. Неладно у него было на душе. Услышал странный дуэт и улыбнулся: «Значит, и в самом деле — весна!».

Ода старой ольхе

**Револьд
МАЛЫШЕВ**

Много прекрасных слов посвящено русскому лесу. Во все времена поэты воспевали долголетие дуба, белизну и стройность березы, задумчивость ивы...

О них слагались песни, их красота вдохновляла художников на создание изумительных полотен.

И в этом лесу, год от года теснимом растущим Свердловском, сохранились вековые лиственницы, вздымающие кроны чуть ли не к облакам, встречаются раскидистые ели, украшающие по осени свои густые, мохнатые лапы гирляндами коричневых шишек, растут столетние липы, наполняющие в пору цветения всю округу медвяным, пьянящим настоем.

Но, бывая здесь, я мельком окидываю взглядом красавцев-исполинов и прохожу мимо. Прохожу не останавливаясь, так как спешу к ней, старой ольхе, каждый раз поджидающей с удивительной новостью или очередной загадкой.

Ольха так стара, что ее можно было назвать дряхлой. Но я никогда не употребляю этого слова применительно к ней — ведь никто из нас не отзовется так о глубоком, но дорогом и уважаемом старике.

А она очень дорога мне.

От долгих прожитых лет ольха вся сморщилась, редкие ветки усохли, кора во многих местах отслоилась. Ствол оседлали узловатые грибы трутовики и вся она, от основания до вершины, испещрена бесчисленными трещинами, дуплами, полостями. Впрочем, вершины у дерева и нет: однажды майской грозовой ночью она была сломлена

шквальным ветром и, покрытая мхом, полуистлевшая, лежит теперь рядом.

Я познакомился с ольхой лет двадцать назад. Тогда она была еще зеленой и веселой, но большой пестрый дятел, удобно упершись хвостом о шероховатую кору, уже выдалбливал в ее стволе дупло для гнезда.

Мне стало ясно, что ольха серьезно и безнадежно больна — дятлы не устраивают гнезд в здоровых деревьях.

Шли годы. Ольха постепенно увядала и ее все увереннее обжидали птицы. За прошедшее время здесь вывелось четырнадцать поколений дятлов, гнездились большая синица и буроголовая гаичка, в разные годы селились горихвостки, мухоловки-петрушки и поползни, на постоянное жительство прописалась вертишейка. Дважды здесь приносил потомство редкий сейчас, удивительный ночной зверек, способный на огромные планирующие прыжки, — летяга.

Уже на протяжении пяти лет дупла ольхи дают приют летучим мышам. Неизвестно, из каких далей, из каких скрытых пещер прилетают сюда северные кожанки. Здесь они рожают детенышей, вскармливают и обучают полету, и в августе покидают гостеприимный лес, чтобы вновь вернуться следующим летом.

Случались весны, когда ольха представляла собой многоэтажное лесное общежитие.

На самом верху, в расщепе, устраивали гнезда дрозды-рябинники. Они выполняли роль чутких и добросовестных сторожей: поднимали переполох, издав далеко почуяв человека, собаку или сороку.

Я старался не подходить близко. Дрозды постепенно успокаивались. В бинокль хорошо было видно, как носят они вечно голодным птенцам гусениц и голых слизней.

Этажом ниже селилась вертишейка. Она вела себя так скрытно, что я узнавал о ее присутствии лишь по пisku птенцов.

Странная эта птица. Относится к отряду дятлов, но ничем не напоминает их. Древесину не долбит, но ловко отыскивает вредителей леса в кронах деревьев, среди ветвей.

В среднем этаже обитала семья пищух, одной из самых мелких уральских птиц. Но какие это труженицы! Они приступали к работе, едва забрезжит рассвет. Методично, дерево за деревом, птицы обшаривали трещины коры, все ее неровности, и выбирали оттуда коконы с яйцами насекомых, куколок. Порой они прилетали к дуплу с целыми пучками тлей, зажатými в шилоподобном, искривленном клюве. Ради любопытства я подсчитывал количество прилетов пищух с кормом для многочисленных птенцов. Получилось, что делают это они каждые три-пять минут.

Несколько ниже жили летучие мыши. Мне было известно, что они крайне осторожны. Даже слегка потревоженные, мыши навсегда покидали убежище. Нужно было терпеливо ждать вечера, и в сумерках, когда лес затихал, приоткрывались мне тайны жизни и поведения этих овечьих мистическими легендами и поверьями животных.

На первом этаже, всего в каком-нибудь метре от земли, обосновалась пара скворцов. У скворца была любимая ветка, на которой он располагался на заре и наполнял весь округ своей песней.

В единственном числе скворец представлял чуть ли не весь лесной оркестр: его песня включала и посвист иволги, и крик кулика, писк синички.

Кормиться скворцы улетали на ближайшее картофельное поле.

Жаль только, что эти красивые птицы слишком неряшливы — оставили дупло в таком состоянии, что уже три года там никто не решается поселиться, и оно пустует. Впрочем, это не совсем так. К своду дупла лесные осы прикрепили свое шарообразное, пергаментное гнездо, и как пригреет солнце, с устрашающим жужжанием устремляются на охоту.

Есть у ольхи и подвальное помещение. Однажды, когда я сидел поблизости в ожидании вылета летучих мышей, в корнях дерева послышалось шуршание, и из норы выглянула любопытная мордочка землеройки. Она поводила по сторонам хоботком, сверкнула глазами-бусинками и снова юркнула в темноту подземелья. С той поры по ночам я часто слышу таинственные шорохи, едва уловимое движение травы и догадываюсь, что это снует под пологом леса моя осторожная знакомая. Но ничего о ее нравах пока не узнал.

С наступлением зимы число обитателей старой ольхи уменьшается, но и в эту суровую пору ее дупла на пустую. Слетаются на ночлег синицы и поползни. В верхнее дупло забирается на ночь большой пестрый дятел. Жилище летучих мышей, переделав по своему, занимает обыкновенная белка.

Однажды после ночных походов сюда забралась даже куница и провела, свернувшись в клубок, весь день.

Ольха служит кладовой для многих обитателей леса. Еще с осени летяга собирает березовые сережки и складывает их за отставшую кору. Поползень забивает трещины различными семенами.

Как-то в январские морозы мы высыпали на очищенный от снега пенёк арбузные семечки, чтобы подкормить пернатых.

Два дня спустя мы добрую половину из них обнаружили в ольхе — работа поползня. А в пору бабьего лета в одном из дупел наткнулись на целый склад обезглавленных полевок и лесных мышей — излишки добычи мохноногого сычика.

Но в минувшую субботу, придя как всегда на встречу с ольхой, я увидел на ее почерневшей от времени коре свежий затес топора. На затесе краской обозначены какие-то цифры и знаки. И хотя содержание их мне непонятно, я сердцем почувствовал главное — ольха обречена. Работники леса запланировали здесь очередную санитарную рубку, согласно которой все старые, трухлявые деревья спиливаются на дрова.

Приходит конец одному из последних оплотов всего живого, кем населен лес и без которых он молчалив и безжизнен.

В настоящее время человечество все серьезнее задумывается над глубокой, органической взаимосвязью всех компонентов природы. Как мы могли убедиться, даже отмершее дерево является необходимым условием благополучия леса.

И сетуя на исчезновение в пригородных лесах многих видов птиц, полезных зверьков, насекомых, не резонно ли спросить себя, а не повинны ли мы в этом сами, чрезмерно заботясь о чистоте и ухоженности лесов, составляющих зеленую зону вокруг крупных городов?

«Все старые, больные деревья являются резерватом и рассадником вредителей леса», — заявляют лесники.

Полноте! Да все ли? Любое вредное насекомое, оказавшееся на старой ольхе или поблизости, будет тотчас же обнаружено, извлечено и проглочено любым из ее многочисленных обитателей!

Гораздо справедливее решать судьбу таких деревьев, руководствуясь индивидуальной оценкой. Оставлять те из них, которые служат приютом лесных обитателей, не трогать необходимых зверю и птице убежищ.

Я уходил домой обеспокоенный за судьбу ольхи. И эта ода, написанная в ее честь, продиктована одним желанием — отвести от нее топор человека.

СКАЗКА про Ивана-смутьяна...

**Алевтина
ШАБАЛИНА**

Тоненькая, похожая на брошюру книжечка с выцветшими от времени листами — сказка в трех частях «Шапка-Невидимка». На обложке помечено, что печаталась она в Казанской типографии А. И. Крылова издательством «Ласточка» и увидела свет в 1907 году. Автор — С. Серый.

Неказистая на вид книжечка, обнаруженная случайно в одном из частных собраний в Иванове, оказалась очень любопытной. И прежде всего — содержанием.

Автор щедро использовал сюжет и образы веселой и остроумной сказки «Конек-Горбунок» П. П. Ершова, но наполнил свое произведение совершенно иным смыслом, рассказал ее на свой лад.

Все подвиги главного героя — охота за жарптицей, освобождение рыбы-кит, поездка к Солнцу и Месяцу — только сколько упоминаются, они совершаются вроде бы не наяву, а во сне. Сохраняя всю обрядность русских сказок — зачин, концовку, традиционные обороты и поэтические особенности разговорного языка, автор делает Иванушку участником событий далеко не сказочных.

Иван попадает в столицу по воле старого отца, наказавшего сыну поведать царю Берендею о бедах голодающего крестьянства и попросить отсрочки сбора податей.

В сказочной форме С. Серый выразил наивную веру народа в милость царя. Автор по-своему показал и всю бесплодность надежды на батюшку-царя. Она рухнула под дулами ружей царских войск.

*«Берендей глазом моргнул,
Белой ручкой шевельнул,—
Налетели гайдуки
И донские казаки,
С криком врезались
в народ...»*

*А по площади потом
Все дозор ходил другом:
Лужи крови все искали
Да песочком засыпали.»*

Что это? Намек на кровавое воскресенье 1905 года?

Иван, отведав «царской милости» — сабельки и испробовавший тюрьмы, становится бунтарем, призывающим к забастовке.

*«— Да куда ни повернись,
И за что ты*

*ни возьмись,—
И вблизи, и вдалеке —
Все стоит на мужике»,—*

убеждает он народ, будит его сознание.

В сказке читатель без труда узнает свершившиеся события — издание царем Манифеста, создание Государственной думы и последовавшую вскоре жестокую расправу царя. Очень откровенны и смелы строки:

*«Тут же отдал царь приказ
Написать другой указ.
В час все было уж готово.
Вот указ тот слово в*

*слово:
«Войску выступить в*

*поход —
Усмирить везде народ.
Крикунам плетей отвесить,
Всех ораторов повесить,
Депутатов же схватить,
По острогам рассадить.»*

Боевым пафосом дышат заключительные призывные строчки сказки-прокламации:

*«Полно, полно, други,
спать,
Время волю добывать.
Разогните-ка вы спины,
Да повырежьте дубины.»*

*Встаньте, други, брат
за брата
На лихого супостата.»*

Замечательна нарисованная С. Серым картина единения народа, вставшего под красные знамена, и его ликование, когда свергли царя и распорядились своей судьбой:

*«Пусть землей владеет
тот,
Кто свой пот на пашне
льет...»*

Человек высокой культуры, закончивший Высшую школу общественных наук в Париже, Сергей Александрович Басов-Верхоянцев, скрывающийся под псевдонимом С. Серый, был революционером, прошел через аресты и ссылки. Он опубликовал немало сказок. Известны его произведения «Дедушка Тарас» и «Черная сотня», впервые изданные подпольно, а также «Король бубен», «Сказ — отколы пошли цари у нас», «Жадный мужик», «Расея», «Калинов-город», «Холопий бунт», созданные уже в советское время.

Памятники таежного края

Легендарный разведчик Герой Советского Союза Николай Кузнецов в 1930 году работал в Коми-Пермяцком национальном округе, в Кудымкаре. Уже тогда проявились лингвистические способности Кузнецова: за короткий срок он изучил коми-пермяцкий язык и свободно на нем разговаривал.

В Кудымкаре сохранились два здания, связанных с именем героя: дом № 28 по ул. Кирова, в котором помещался лесной отдел окружного земельного управления, где Кузнецов работал техником-лесотаксатором, и дом № 12 по ул. Ленина, где жил Николай Иванович.

Об этих и многих других достопримечательностях рассказывается в книге «Памятники истории и культуры Коми-Пермяцкого национального округа».

Почти 20 лет затратил Г. К. Конин, старший научный сотрудник окружного музея, на выявление исторических мест и сбор материалов для книги. Не одну сотню километров прошагал и проехал он по дорогам родного края.

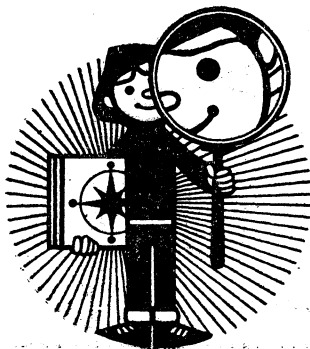
А история края богата яркими событиями. И как вехи на долгом пути, как эстафета от ушедших поколений остаются потомкам памятники истории и культуры. Не все они хорошо изучены, но все они, как всенародное достояние, нуждаются в охране. Однако «никто не может заниматься сохранением того, что ему самому неизвестно». Благодарному делу составления полной описи памятников округа и положила начало книга. Она послужит маленьким, но добротным кирпичиком в здании полного Свода памятников не только Прикамья, но и всего Урала.

Железные кроты

Всюду их называют «железными кротами». Пневмопробойники, выпущенные по всему свету из Института горного дела Сибирского отделения Академии наук СССР, действительно, как кроты, прогрызают землю, когда надо проложить трубу или протащить толстый кабель. Еще в начале девятой пятилетки лицензию на производство «кротов» приобрели американцы.

Спрос на «железных кротов» растет. Особые требования к ним предъявляют строители. Их уже не устраивают пневмопробойники, которые делают скважины, имеющие диаметр двести миллиметров. Им подавай диаметр в четыреста и в шестьсот миллиметров. Недавно в Институте горного дела как раз и сконструировали такой механизм. Производство новых «кротов» освоено на Одесском заводе строительного-отделочных машин.

М И Р

НА ЛАДОНИ

Русской монете 1000 лет

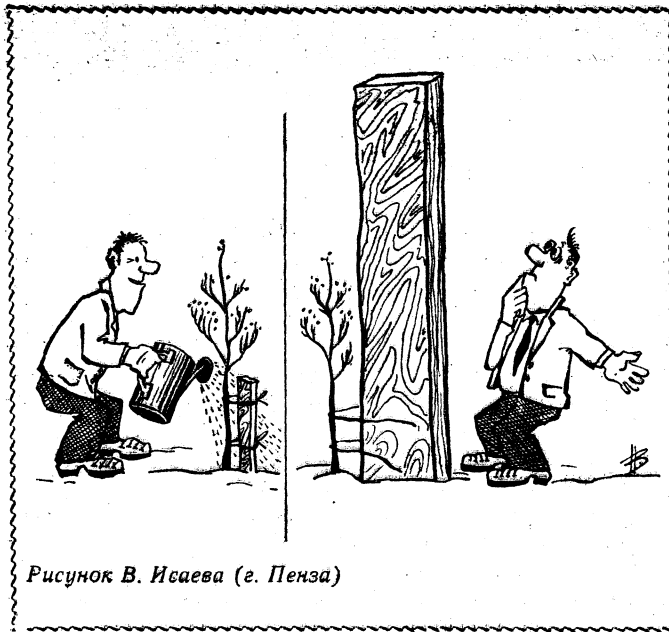

Рисунок В. Исаева (г. Пенза)

120 гармоник

В поэме А. Жарова «Гармонь», написанной в 1926 году по поручению комсомола и по заданию «Комсомольской правды», есть такие слова: «Гармонь, гармонь! Родимая сторонка! Поэзия российских деревень».

Выход в свет этой поэмы совпал с началом коллекционирования гармоник А. М. Миреком. За 50 лет он объехал сотни российских деревень, собрал 120 однорядных, двухрядных и трехрядных гармоник русского строя.

Другой такой коллекции нет ни в нашей стране, ни в собраниях музыкальных инструментов в других странах. Гармонь носит название по месту жительства ее изобретателя — вятская, елецкая, саратовская, чере-

пашка — череповецкая... На потускневших крышках вырезаны инициалы мастеров. Серебряным звоном звенят колокольцы бологовской и саратовской с медными планками. Цветистопестрый гам — у ливенской, с петухом на крышке...

Коллекционируя гармоники, Мирек попутно собирал сведения о мастерах, подробности интересного ремесла, зародившегося в 1890 году. Старинные образцы исконно русского музыкального инструмента взяты на учет ЮНЕСКО.

Уникальное собрание гармоник экспонируется на выставке в научно-исследовательском отделе Государственного института театра, музыки и кинематографии в Ленинграде.

В нумизматической коллекции Эрмитажа насчитывается один миллион триста тысяч медных, серебряных и золотых монет разных времен и народов.

К тысячелетию русской монеты готовится описание всех нумизматических памятников прошлого.

Первая монета была отчеканена в 980-х годах в связи с крещением на Руси. Медные и серебряные деньги выпускались в русских княжествах, в государстве Московском. На них изображались воины с секирами, княжеские инициалы, петухи, звери...

При Петре I появилась самая маленькая монета — полушка, четверть копейки. В 1771 году отчеканили самый тяжеловесный рубль — медную монету весом в один килограмм.

В нумизматической сокровищнице нашей страны имеются монеты, выпущенные в нескольких экземплярах, так называемые пробные. Это мелкая монета с надписью «Царица Херсонеса Таврического» с вензелем Екатерины II, рубль Константина, монета, отчеканенная в честь установления Александрийского столпа, и другие монеты, не бывшие в широком употреблении.

За последние годы Главная коллекция монет нашей страны пополнилась образцами металлических денег времен Киевской Руси и Ивана Грозного.

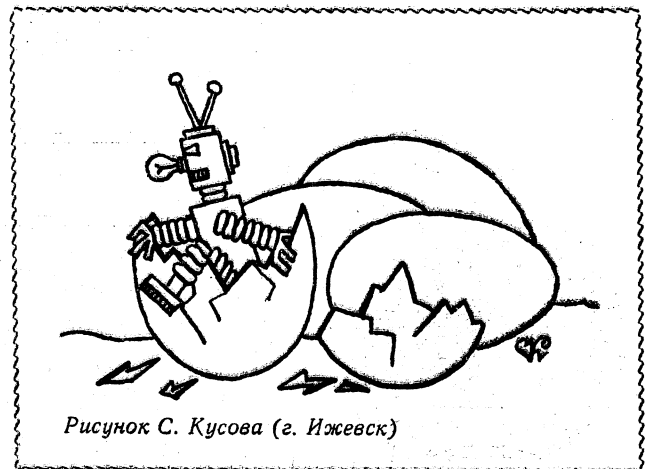

Рисунок С. Кусова (г. Ижевск)

Портрет сказочника

В Тобольском краеведческом музее хранится фотография П. П. Ершова — автора известной сказки «Конек-Горбунок». Это, вероятно, единственный его фотопортрет, все другие — рисованные. На паспорту указан и фотограф — «Ф. Ляхмайер в Тобольске».

В 1862—65 годах из Польши в Сибирь были высланы многие тысячи участников освободительного движения. Флориан Ляхмайер попал в Тобольск.

До 1857 года Петр Павлович Ершов занимал пост директора училищ Тобольской губернии, но в 42 года неожиданно ушел в отставку. Многие из ссыльных поляков были частыми гостями Петра Павловича. Вероятно, в эти годы Флориан Ляхмайер, бывший студент Варшавского уни-

верситета, и сделал фотографию сказочника.

В 1887 году в этнографический отдел Сибирско-Уральской научно-промышленной выставки Ф. Ляхмайер представил снимки сибирских типов и видов, за что и был отмечен бронзовой медалью Уральского общества любителей естествознания в Екатеринбурге. Через некоторое время Ляхмайер был избран действительным членом этого общества. Вскоре он переехал в Екатеринбург. Фотография его расположилась на видном месте в центре города — на Вознесенском проспекте. Здание это сохранилось в Свердловске до сих пор на углу улицы Карла Либкнехта и Малышева.

Евгений БИРЮКОВ

Рыцарь революции

В феврале 1902 года из Седлецкой тюрьмы в Польше под усиленным конвоем был доставлен на пересыльный пункт в Восточной Сибири особо опасный государственный преступник. На его фотографии, вложенной в личное дело, была надпись: «Дзержинский Феликс».

Через пять месяцев эту фотографию размножили и разослали по жандармским пунктам на всей Транссибирской магистрали — Феликс Дзержинский бежал из ссылки.

Спустя 20 лет англичанка Шеридан сделала скульптурный портрет первого чекиста. Затем в Лондоне она издала книгу, в которой о своих встречах с Дзержинским писала: «Он позировал спокойно и очень молчаливо... наконец его молчание стало тягостным, и я воскликнула: «У Вас ангельское терпение, Вы сидите так тихо!» Он ответил: «Человек учится терпению и спокойствию в тюрьме». На мой вопрос, сколько времени он провел в тюрьме, ответил: «Четверть моей жизни, одиннадцать лет».

На снимке: Ф. Дзержинский в 1902 году, из личного дела политссыльного.

Медведь

Пустой Рог

В 1923 году почтовое ведомство США выпустило стандартную марку стоимостью 14 центов с изображением индейца в головном уборе из орлиных перьев. Это — портрет знаменитого вождя племени сиу — Медведя Пустой Рог, смелого воина, защитника интересов индейцев.

После переселения в резервацию Роузбад в штате Южная Дакота Медведь Пустой Рог продолжал отстаивать права своего народа, за что снискал популярность среди американ-

цев. Тогда его портреты выпускались большими тиражами. Медведь Пустой Рог красовался на почтовых открытках. Сейчас они стали редкостью.

РУССКИЙ МОТИВ. Линогравюра.
А. ЗЫРЯНОВ (г. Пермь).

«На пятый день Вытэль исчез. В то утро пурга обманула нас — вынырнула совсем с другой стороны. Принесла с Берингова моря густой рыхлый снег. Закрыла все струящимися завесами.

Исчезновение Вытэля встревожило нас не на шутку. Если побежал искать хозяина, то как он его найдет? Где сейчас Тнеуги? По рации передали — выехал обратно. Какой дорогой?...»

**РАССКАЗ ЮРИЯ СКОРОБОГАТОВА «СКУЧНЫЕ ДНИ НА ИОНИВЭЭМ»
ЧИТАЙТЕ В СЛЕДУЮЩЕМ НОМЕРЕ**